

1. КОМПЛЕКС МЕНСТРУАЦИИ

[1928]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный труд представляет собой дальнейшее толкование с точки зрения психоанализа фигуры индийской богини Кали¹ и является дополнением к фрейдовской теории табу. В данной работе предстоит осветить различные вопросы, относящиеся к комплексу менструации, лежащему в основе моей теории. Этот комплекс впервые проявляется уже на ранних этапах жизни, и лишь бессознательные мотивы могли стать причиной того, что он столь долгое время игнорировался или, по меньшей мере, недооценивался.

Однако исследованию и пониманию первичных психических факторов не должны мешать иррациональные мотивы.

Весьма вероятно, что комплекс менструации сыграл значительную роль в усилении различий между поведением человека и остальных представителей животного мира. Серьезный конфликт расщепляет первичное Я, при этом одна сторона, антисоциальная, постепенно вытесняется, в то время как другая, вытесняющая, проявляется в виде чувства табу; вытеснение влечений проявляется

Daly, CD. Hindu-Mythologie und Kastrationskomplex // Imago. — 1927. — Bd. 13. — S. 145 ff.

во внутренних изменениях, которые, как это может показаться на первый взгляд, обусловлены внешней средой; так начинается анимистическая фаза развития. Значение этого конфликта как фактора развития, по-видимому, заключается в том, что он потряс самые основы того древнего навязчивого повтора, который правит животным миром и принуждает человека думать, прежде чем действовать.

Затем этот внутренний конфликт проецируется на окружающий мир; теперь мир наполнен не только сравнительно простыми и безвредными реальными опасностями, справиться с которыми должно влечение к самосохранению, но и теми проекциями духовных опасностей, которые обычный человек даже не может себе представить.

I

ДОПОЛНЕНИЕ К ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИМ ТЕОРИЯМ РАЗВИТИЯ

Торможение

В двух предыдущих работах я уже указывал на определенные феномены, причины которых были нам неизвестны; в моем труде по этнологии, посвященном индийской богине Кали, содержатся следующие замечания относительно этого: «Хотя ее имя звучит столь же нежно, как и имя ее матери, она вызывает больший страх, ее считают, прежде всего, источником зла, но почитают также как дающую благословение; и хотя о ней говорят, что она разрушает страх, за ней все же закреплена дурная слава, которая и является причиной страха». Мы надеемся, что нам удастся показать, что путь к пониманию этого противоречия лежит через выявление перво-причины и познание природы табу менструации и родов. Хэвлок Эллис в своей интересной работе говорит о «влиянии менструации на положение женщины в обществе»¹, о том, что менструация создает определенную эмоциональную атмосферу, которая влияет на восприятие женщины мужчиной и которая еще не вполне изучена.

¹ Ellis. H. Studies in Psychology of Sex. — [n.p.], 1899. — Vol. 1. — P. 284.

Весь животный мир, по-видимому, находится под влиянием того, что мы называем гипнотизирующими, возбуждающими половое влечение запахами. Они исходят от самок во время течки. Ученые считают, что течка у животных с биологической точки зрения соответствует периодам менструаций у женщин. Кроме того, женские гениталии, вероятно, являются для примитивного мужчины визуальным источником возбуждения. Эти два источника — обонятельный и визуальный, — очевидно, являлись источником сильнейшего искушения нарушить табу инцеста и нарушить тем самым древнейшие законы человечества, что, если бы было обнаружено, означало бы неминуемую смерть. По этой причине эти два ранних представления об удовольствии стали ассоциироваться с понятием страха. Для примитивного человека они, в конце концов, стали зловещими предупреждениями о последствиях, которые может иметь слабость, проявленная в момент сильного искушения. Так, запах и вид женских гениталий, будучи в высшей степени притягательны для мужчин и являясь частью женского тела, ставшего средоточием красоты, стали ассоциироваться с величайшей опасностью, грозящей мужчине; затем последовало вытеснение влечений и смещение страха, в это время человек, в отличие от животных, отказался от желания коитуса¹.

Признанным и значительным, однако, является тот факт, что сексуальное влечение у женщины особенно сильно в период менструации. Х. Эллис приводит несколько авторитетов, подтверждающих этот факт. Сэр В.Ф. Уэйд в своих *Ingleby «Lectures»*² говорит: «Я убежден, что можно доказать, что в некоторых случаях сила желания достигает своего максимума именно во время менструации, и я предполагаю, что если не всегда, то в большинстве случаев желание появляется только в это время» (*Lancet*, 5 июня 1880). Эллис пишет: «Тот факт, что столь кардинальное отношение к сексуальной жизни женщины недооценивается или игнорируется большинством авторов, является своеобразным доказательством царящего повсеместно невежества. Причиной этого невежества является то, что женщины зачастую скрывают свои чувства от самих себя. Одна женщина сказала однажды, что во время менструации она как никогда готова к коитусу, но представление о невыполнимости этого желания побуждает ее выкинуть эту мысль из головы. У меня есть основания полагать, что это высказывание отражает истинные чувства многих женщин. Отвращение от коитуса реально, однако его следует приписывать не отсутствию сексуального желания, а задерживающему влиянию могущественных, но по сути своей незначительных причин».

¹* [Ежегодные публичные лекции в честь известного английского акушера Инглеби.]

*Фольклорные представления
о происхождении менструации*

Раннее общее представление о происхождении менструации свидетельствует о том, что оно является результатом мужских атак, воплощенных в нападении. В фольклоре и мифологии большинства стран это нападение приписывается змее или другим животным, имеющим сходное символическое значение. Я приведу пример: в племени хиригванос в Боливии пожилые женщины с палками бегают за змеей, укусившей менструирующую девушку¹.

При изучении этого феномена на материале примитивных народов нельзя упускать из виду, что зачастую менструация и оплодотворение все еще не рассматриваются в качестве единого целого, как мы сегодня иногда бессознательно связываем их.

Мне коротко рассказали о сновидении, увиденном одной женщиной:

«Какой-то мужчина вонзил нож между большим и указательным пальцем, нож вошел прямо и вышел в ладони. Мужчина выдернул нож, и полилась кровь. Затем кровь превратилась в небольшую змею, та дергала головой из стороны в сторону. Голова становилась все больше и больше, и я уже держала ее в своей руке и прижимала к полу, а кто-то попросил быстрее принести нож и отрезать голову, нет, вернее, вырезать».

Не часто встречается сновидение, содержащее столь очевидный бессознательный материал и в символической форме четко представляющее коитус, оплодотворение, разрешение от бремени и кастрацию. К сожалению, я не могу дать подробный анализ, но если желающие ознакомятся с толкованием сновидения, они без труда распознают его символическое значение.

«Эта примитивная теория о происхождении менструации позволяет приблизиться к пониманию особой, ранней формы интимной связи, которая, как гласит древнее поверье, существует между менструирующей женщиной и природными или сверхъес-

¹ Ellis. H. Op. cit. P. 284.

тественными силами. Повсюду считается, что менструирующая женщина одержима духами или наделена мистической силой»¹.

Требования влечений у женщины, как было сказано выше, с началом менструации достигает максимума, так что представление об укусе змеи символизирует исполнение желания. В некоторых районах Бразилии девушкам пубертатного возраста запрещено ходить в лес из-за страха перед любовной атакой змеи².

Похожие запреты, а также меры предосторожности существуют и в других концах света. Так, например, в отдаленных уголках Бенгалии бытует поверье, что сновидение о змее предвещает рождение ребенка.

Злобность, приписываемая змее, соответствует сексуальным посягательствам мужчины. Поверье гласит, что мужчина при эрекции становится одержим добрыми или злыми духами — в зависимости от того, является объект дозволенным или табуированным. Но так как сексуальное возбуждение мужчины не сопровождается кровотечением, как у женщины, и так как мужчина относится, кроме того, к сильному полу, с женщиной ассоциируется большая часть негативного аспекта сексуальности.

Менструация в период пубертата и в жизни взрослых

У примитивных народов существуют два очень строгих табу, регулирующих жизнь божественных королей или шаманов, а также девушек пубертатного возраста. Одно их табу предписывает, чтобы девушка во время менструации не касалась земли ногами, так как такое касание влечет за собою загрязнение или какие-либо опасности; другое табу запрещает девушкам выходить на солнце, а также находиться вблизи другого источника света, например, огня. Во многих уголках мира очень жестко следят за соблюдением этих правил. Ограничения и запреты, распространявшиеся на половозрелых девочек ранее и существующие доныне, были подробно описаны Фрезе-

¹ Ibid. P. 285.

[Там же.]

ром' и другими, так что здесь их можно упомянуть лишь вкратце. Например, девочек держат в тесных клетках, в лесных хижинах, в пещерах или обертывают циновкой², зарытыми по пояс в песок, в клетках на деревьях, изготовленных специально для этой цели и принадлежащих хижинам определенного племени, и т. д., их держат без огня и света, максимально ограничивают в еде и требуют соблюдать определенные обычаи и выполнять обряды, игнорирование которых навлекло бы нищету на всех членов племени и лишило бы всех милостей на срок от нескольких месяцев до примерно семи лет, однако обычно на несколько месяцев. Зачастую во время этой изоляции девушкам запрещается трогать руками свое собственное тело и брать еду, также им могут быть запрещены любые контакты с внешним миром, при них остаются лишь несколько пожилых женщин, в некоторых случаях девушке даже не позволяется пошевеливаться или прилечь, чаще всего она вынуждена все время сидеть на корточках, стоять на коленях или неподвижно лежать на спине. В это время их воспринимают как нечистых или заболевших. У некоторых племен бразильских индейцев есть обычай половозрелым девушкам подпаливать волосы или полностью остригать их. Девушек кладут на плоский камень и наносят им раны клыком животного от плеч по всей спине, пока все тело не покроется кровью. Затем в раны втирается пепел дикой тыквы; девушку кладут в гамак и так плотно заворачивают в него, что ее становится не видно. Так она должна провести неподвижно без пищи и воды три дня. По прошествии трех дней она встает из гамака на плоский камень, потому что ей нельзя касаться ногами земли. Когда у нее возникает естественная потребность, одна из родственниц берет девушку на спину и выносит ее, держа в руках тлеющие угли, чтобы помешать злым духам войти в тело девушки. Когда девушку возвращают в гамак, ей разрешается съесть немного муки, вареных корней и выпить воды, но соль и мясо есть запрещается. До конца первого месяца цикла девушке наносят глубокие раны в грудь, живот и другие части тела. В течение

¹ *Frazer, J. The Golden Bough. — 2 ed. — Vol. III. — P. 201—230.* [Цит. по рус. изд.: *Фрэзер, Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии.* — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 781 с]

[Там же. Цит. по рус. изд. С. 625.]

второго месяца девушка остается в гамаке; закон воздержания становится мягче, девушке даже позволяют пряхсть. На третий месяц ее особой краской окрашивают в черный цвет, затем ей позволяют жить обычной жизнью.

У индейцев макуши в Британской Гвиане¹ существуют похожие обычаи. Проклятье, которое, как гласит поверье, лежит на девушках, должен снять колдун. Он произносит над ней заклятье, дует на нее и на самые ценные вещи, к которым девушка прикасалась. После первого омовения мать девушки должна высечь ее, при этом девушке не позволено кричать. Все это повторяется в конце второго цикла.

У других племен индейцев принято подвергать девушку очень болезненным укусам определенных видов муравьев. Подвешенная высоко в гамаке, несчастная должна день и ночь поститься, это истощает ее настолько, что она становится похожей на скелет.

В племени уанпе в Бразилии девушку изолируют почти на месяц, ей дозволяется кушать лишь небольшое количество хлеба и воды. Затем ее выводят в круг родственников и друзей, каждый из которых наносит ей четыре или пять ударов куском зипо (гибкое вьющееся растение), пока она не потеряет сознание или не упадет бездыханная на землю. Если она оправится, ритуал повторяется еще четыре раза в течение шести недель. Если удары не слишком сильны, это воспринимается как желание оскорбить родителей. Тем временем подготавливают горшки с мясом и рыбой, и девушка должна их вылизать. После этого она считается готовой к замужеству.

Относительно этого Фрэзер замечает: «Обычай подвергать в это время девушку укусам муравьев или ударам хлыстов рассматривается — и в этом мы можем быть совершенно уверены — не как наказание или испытание на выносливость, а как очищение, целью которого является изгнание злых и вредоносных духов, которыми девушка в этом положении одержима»².

Я могу согласиться с Фрэзером лишь отчасти. Учитывая данные психоанализа, мы не можем игнорировать удовлетворение примитивных жестоких влечений, воплощенных в этих обычаях; иначе почему необходимо прибегать к столь жестоким мерам, если очищение

[Там же. Цит. по рус. изд. С. 629.]

² Ibid.

и омовение имели одну и ту же цель? В таком случае хватило бы и ритуала омовения. Но отвращение и неприятие, которые вызывают эти обычаи, являются достаточной основой для того, чтобы примитивные народы испытывали удовлетворение от подобных жестоко-стей, хотя изучение их обычаев, несомненно, приводит к мысли, что единственной целью таких мер является стремление одержать победу над злыми духами, овладевшими девушкой. Многие европейские школьники получали от своих наставников, являвшихся скрытыми садистами, схожие объяснения относительно причины наложения суровых наказаний.

В поддержку своей точки зрения Фрэзер приводит обычай «марак» индейцев племени гайянне, своего рода народное лекарство, которое действительно как для девушек, так и для юношей и о котором говорят, что оно дает молодому организму силу и мудрость. Молодые подвергаются его воздействию дважды или трижды за всю жизнь. Фрэзер приводит и другие случаи добровольного самоистязания жгучей крапивой и т. д. и совершенно оправданно сравнивает это с побоями и бичеванием, принятых в религиозных культах, которые являлись первоначально способами очищения. Он говорит: «Они использовались раньше для лечения опасных заболеваний или эпидемий, которые были или не были персонифицированы в демоне, о нем говорили, что он может быть видимым или невидимым и прикрепляется к телу страждущих. Боль, которую терпят избиваемые, воспринимается так же, как и всякая боль при проводимой сегодня хирургической операции; боль является неизбежным злом, и ничего тут не поделаешь»¹. Далее он ссылается на тот факт, что подобные обычаи в дальнейшем толкуются по-иному и что боль, воспринимавшаяся поначалу как сопутствующее явление, стала теперь центром церемонии и т. д., относительно чего он замечает, что «аскетизм, проявляющийся в форме или содержании этих церемоний, нельзя назвать примитивным». По-видимому, его теории сводятся к тому, что жестокость никогда не рассматривается как примитивный агент, но также он хотел бы отметить, что искренняя радость от совершения жестокости во имя ненависти играет большую роль в традициях и

¹ *Frazer, J. The Golden Bough. — 2 ed. — Vol. III.*

обычаях диких племен. Однако психоаналитик не может допустить такую точку зрения в отношении душевной жизни примитивов, так как он знает, что жестокость как у детей, так и у примитивов соответствует примитивному проявлению инстинкта. Я должен сделать дополнительные замечания относительно этого пункта, потому что я полагаю, что *комплекс менструации является одной из причин того, что мягкие формы выражения сексуального влечения оборачиваются проявлениями жестокости.*

Прежде чем я перейду к следующему вопросу, необходимо истолковать предписания табу, относящиеся к солнцу и земле. Солнце олицетворяет фаллос, то есть оплодотворяющий агент, земля — материнское лоно. Подставить себя солнцу символизирует опасность забеременеть; этот запрет, таким образом, соответствует другому — в это время девушка не должна вводить в искушение мужчин, а особенно отца. Так как ее считают нечистой, ей нельзя касаться земли, то есть осквернять ее, несоблюдение этого запрета может навлечь разного рода проклятия. В это время девушке не дозволяется дотрагиваться до своего собственного тела, а также и до земли. Этот запрет согласуется со страхом примитивов перед тем, что их может осквернить женщина, находящаяся в таком положении, которое воспринимается как болезненное или нечистое. Во время изоляции и по ее окончании девушки обязательно подвергаются различным очистительным ритуалам, таким как омовение, натираание землей, песком, соком деревьев или кровью только что закланных священных животных, потения, а также многочисленным наказаниям и т. д. Наконец, их украшают в соответствии с обычаями страны, наносят на тело краску, покрывают цветами и листьями, а также орнаментом или украшениями. Одежда и посуда, к которой прикасалась в это время девушка, сжигается, разбивается, закапывается или уничтожается любым другим способом, согласно обычаям племени.

Из этого Фрэзер делает вывод, что причина изоляции половозрелых девушек кроется в прочно укоренившемся страхе примитивов перед менструальной кровью; я абсолютно согласен с этой точкой зрения.

Бытует поверье, что предметы, которые трогала менструирующая женщина, несут смерть каждому, кто к ним прикоснется.

«Один австралийский абориген, застав жену, у которой были месячные, лежавшей на его одеяле, убил ее и через четырнадцать дней умер от страха»¹.

Мальчикам этих народов с детства говорят, что они поседеют и раньше времени утратят силы, если увидят менструальную кровь. Поэтому женщины во время менструации должны избегать мужчин, соблюдать строжайшие правила и ограничения в силу существующего убеждения, что в это время женщина приносит несчастье и одного ее присутствия достаточно, чтобы испортить охоту, загрязнить водоем, в котором водится рыба, и т. д. Сильные побои или даже смерть — таково наказание для австралийца-аборигена, нарушившего эти законы.

Люди племени диери верят, что если женщины во время менструации едят рыбу или купаются в реке, то вся рыба погибнет и вся вода высохнет².

Схожие представления и обычаи распространены среди народов всего мира; повсюду считается, что женщина во время менструации приносит несчастье, и мужчина живет в постоянном страхе быть оскверненным ею. У упоминавшегося выше племени диери существует обычай вокруг рта менструирующей женщины красноватой охрой рисовать знак. Такая женщина не должна есть рыбу. Почти во всех этих районах женщинам во время менструации запрещают притрагиваться к запасам еды или даже есть. Им нельзя ходить по пашням, пересекать следы животных, на которых ведется охота, и т. п., потому что поверье гласит, что это может навести порчу на стада и испортить охоту. Бушмены верят, что взгляд менструирующей женщины фиксирует мужчин в каждом положении, в котором они находятся на тот момент, или что девушки во время менструации могут превращаться в говорящие деревья³. Занимающиеся скотоводством племена южной Африки верят, что скот погибнет, если менструирующая женщина выпьет его молоко; чтобы их [мужчин] не одолело внезапное вожделение, женщинам возбраняется ходить

[Цит. по рус. изд. С. 223.]

Frazer, /. Op. cit. [Цит. по рус. изд. С. 631.]

[Там же. Цит. по рус. изд. С. 632.]

по деревне теми же дорогами, что и мужчинам. Талмуд гласит, что если женщина в начале своего цикла встанет меж двух мужчин, один из них тут же умрет, а если она сделает это в конце цикла, это может стать причиной ссоры между мужчинами.

Среди людей племени гуйакери, живущем на берегах реки Ориноко, бытует поверье, что все вещи или живые существа, на которые женщина наступает во время менструации, погибают и что ноги мужчины, вставшего на то место, где стояла менструирующая женщина, чудовищно распухнут¹. Люди племени крик и мирные индейцы Соединенных Штатов приказывают женщинам во время менструации жить в хижинах на некотором расстоянии от деревни². Они должны оставаться там, несмотря на опасность набега вражеского племени. Приблизиться к женщине в это время считается «ужаснейшим и опаснейшим осквернением»; это распространяется также и на врагов, которые, убив этих женщин, должны очиститься от скверны целебными травами и корнями. В племени индейцев, живущих на реке Томпсон, бытует поверье, что трубка, которую курила менструирующая женщина, потом при курении мгновенно разогревается. Если женщина пройдет мимо ружья, оно становится непригодным для использования на войне или охоте, и тогда владелец ружья моет его «снадобьем» или бьет женщину ружьем. Если мужчина поест с менструирующей женщиной или вступит в сношение с нею, даже если он наденет сшитую или залатанную ей одежду или мокасины, то на охоте его постигнет неудача и на него нападет медведь. Вообще, в различных племенах существует поверье, что приближение к менструирующей женщине сулит несчастье, например, болезнь или неудачу на войне. Использование предметов, которых касалась менструирующая женщина, также влечет за собой тяжелые болезни или смерть. Женщинам других племен также не дозволяется есть мясо и другие продукты животного происхождения, также запрещено убивать птиц, потому что их кровь может, якобы, вызвать особо сильные или неестественно долгие кровотечения у нарушившей этот запрет женщины. Это может также нанести вред

[Там же. Цит. по рус. изд. С. 633.]

[Там же.]

животным. Фрэзер замечает, что это поверье, вероятно, может объяснить закон, согласно которому женщинам во время менструации дозволено питаться лишь растительной пищей. Все эти высказывания мы взяли из книги «Золотая ветвь». Фрэзер¹ приводит здесь еще одно наблюдение:

«Тот, кто изучает человеческую природу, наверняка не удивится тому, что образ мыслей, столь глубоко укоренившийся в психике примитивов, встречается и в обществе, находящемся на более высокой ступени развития, а именно — в тех тщательно разработанных и структурированных законах, созданных законодателями для того, чтобы руководить народами, а пророки, в свою очередь, приписывают создание ими заповедей божественному вдохновению». Так, например, индуистский пророк Ману говорит о том, что «мудрость, энергия, мощь, блеск и жизненная сила мужчины исчезнут, как только он приблизится к менструирующей женщине», в то время как все вышеперечисленное крепнет и увеличивается, если он женщину избегает.

Персидский пророк Заратустра говорит, что появление менструации с ее особыми формами проявления есть происки Ариманы, дьявола, и что поэтому во время менструации женщина «одержима нечистым и демонами». Она должна находиться под строжайшим надзором, вдали от верующих, которых она может осквернить своим прикосновением, и вдали от огня, потому что ее взгляд может навредить огню и осквернить его; женщине не позволено есть вволю, потому что сила, которую дает ей пища, может перейти к вражескому племени. Еду ей дают не из рук в руки, а с помощью длинных деревянных ложек на большом расстоянии. Иудейский пророк Моисей истолковывает этот вопрос еще шире и обстоятельнее, что подробно рассматривает Фрэзер и добавляет: «У цивилизованных народов Европы вокруг этой таинственной женской природы роятся не менее диковинные предрассудки, чем у дикарей. Содержащийся в самой древней энциклопедии — "Естественной истории" Плиния — перечень опасностей, связанных с месячными, длиннее, чем у любых

Frazer, J. The Golden Bough. — 2 ed. — Vol. III. — P. 201—230. Там же дальнейшие литературные данные.

варваров¹. Если верить Плинию, одним своим прикосновением такая женщина превращала вино в уксус; губила урожай, саженец, целые сады, сбрасывала плоды с деревьев, затемняла зеркала, затупляла бритвы, вызывала (особенно когда луна на ущербе) ржавление железных и медных предметов, губила пчел или заставляла их покидать ульи, вызывала преждевременные роды у кобыл и т. д. ит. п. В разных частях Европы и поныне существует поверье, согласно которому, если женщина во время регул входит в пивоварню, пиво скисает; вино, уксус и молоко, если она к ним прикасается, портятся; приготовленное ею варенье не может долго храниться; у кобылы, на которую она садится, случается выкидыш; бутоны, к которым она прикасается, вянут, а вишневое дерево, на которое она взбирается, засыхает. Население Брауншвейга пребывает в убеждении, что если при закалывании свиньи присутствовала женщина в таком состоянии, свинина непременно сгниет. На греческом острове Калимнос женщина во время месячных не имеет права ходить к колодцу за водой, переходить через поток и входить в море. Одного ее присутствия в лодке достаточно, якобы, для того, чтобы поднялся шторм².

С другой стороны, менструальной крови приписывается таинственная сила; так, например, она используется как магическое средство против врагов, она избавляет от всех недугов, защищает поля от засухи, сбрасывает гусениц с фруктовых деревьев и отгоняет вредных насекомых от скота.

О применении магической силы против соответствующей магической силы, первые попытки «излечить подобное подобным», соответствующая литература сообщает столь подробно, что нет нужды рассматривать здесь этот вопрос. Так как человек в своем страхе нарушить табу инцеста боялся и этого магического воздействия, то вполне Понятно то, что он приписывал этой магической силе такое воздействие и на своих врагов. Схожие представления существуют в Европе и по сей день.

Однако это замечание имеет не такое уж большое значение, если учесть, что большинство примитивных народов считают менструацию причиной всего, и, я полагаю, что если бы примитивы умели писать энциклопедии, подобные перечни были бы значительно длиннее, хотя рассматриваемая область была бы намного уже.

Frazer, J. Op. cit. [Цит. по рус. изд. С. 634.]

Вера в то, что менструирующая женщина наделена светлой или темной магической силой, распространена по всей Европе, но в разных ее уголках существуют различные нюансы. Например, в то время как в цивилизованном мире уже практически не встречается поверий, связанных с целебными свойствами менструации, вера в ее дурное воздействие еще широко распространена. Ее благотворное влияние связано большей частью с лечением определенных недугов, защитой человека от укусов змей и ударов оружием, а очага — от угасания, менструирующей женщине приписывают способность умирять бурю и т. д. Темная сила, которой наделяется женщина, направляется против врагов мужчины. Использование менструальной крови в качестве приворотного зелья понять намного легче. Г.Л. Страк свидетельствует, что в Германии еще в 1891 г. девушки добавляли в кофе своего возлюбленного несколько капель менструальной крови, чтобы покорить его сердце¹.

Были времена, когда даже церковь опасалась менструирующих женщин; им запрещалось приближаться к священным местам, зачастую им даже не разрешалось участвовать в священных обрядах. Священники других вероисповеданий по отношению к менструирующим женщинам выдвигают схожие требования.

Многочисленные суеверия, связанные с менструирующими женщинами, до сих пор широко распространены среди народов Европы, в конце прошлого столетия даже официальная медицина Англии способствовала укоренению таких суеверий. Хэвлок Эллис цитирует спор, завязавшийся на страницах издания «British Medical Journal» в 1878 г., начавшийся с утверждения, что кастрированный баран, которого лечит менструирующая женщина, непременно погибает. Один врач в ответ на это пожелал узнать, что происходит с пациентами, которых лечит менструирующая женщина-врач².

Strack, H.L. Das blut im glauben unci aberglauben der menschheit. — Munchen: Beck, 1900. — ХН+208 р. Цитируется Хэвлоком Эллисом.

Ellis, H. Op. cit. Автор выражает сожаление, что ограниченный объем не позволяет ему привести больше ценных сведений, содержащихся в этом томе работы Хэвлока Эллиса и в приложении («Менструация, или положение женщины»). Тому, кто заинтересован в том, чтобы ознакомиться с этим материалом подробнее, придется воспользоваться оригинальным изданием.

Менструальная кровь и слабость

У всех народов существует глубоко укоренившийся предрас-судок, что единение мужчины с женщиной отнимает у мужчины силу, также можно повсюду встретить мужчин, которые боятся, что женщина обретет над ними власть. Например, по этой причине в племени вахавейта¹ не принято раскрывать женщинам тайну разжигания огня. Но чаще всего встречается поверье, что присутствие менструирующей, беременной или рожаящей женщины отнимает у мужчины силу. Страх испытывали именно перед менструальной кровью или кровью разорванной девственной плевы, этой крови приписывается возможность оказывать опасное воздействие. Мне кажется, что этот феномен является вероятной причиной разделения полов; ведь весьма распространенным является поверье, что мужчина, дотронувшись до менструирующей женщины, заболевает. Примитивные народы верят, что слабость женщины может в определенной степени переноситься на мужчину². Примитивный человек приписывает эту слабость не своей боязливости женщин перед женщинами, а в большей степени проецирует причину этого из своего чувства ненависти непосредственно на саму женщину, якобы она настроена по отношению к нему враждебно и способна перенести на него слабость своего пола. В племени бареев очень редки случаи, когда муж и жена делят одно ложе. Причиной этому служит поверье, что «дыхание женщины отнимает у мужа силу»³. Взаимосвязь дыхания и запаха, присущего тому или иному полу, является фактом, настолько хорошо известным психоаналитикам, что не нуждается в дальнейших доказательствах. Нам знакомо поверье примитивных

Dalton, E.T. Descriptive ethnology of Bengal. — Calcutta: Office of the superintendent of government printing, 1872. — 327 [12] p. Цитируется *Crawley*, no: *Ellis, H.* Op. cit. — Bd. III. — P. 43.

Кроули в «Мистической розе»⁴ приводит множество примеров касательно этого.

Munzinger, цитируется *Crawley*, no: *Ellis, H.* Op. cit. — Bd. V. — P. 93.

⁴ [Crawley, A.E. The Mystic Rose; a study of primitive marriage. — L.: Macmillan and co., Limited; N. Y.: The Macmillan company, 1902.]

народов, что свойства личности переходят в запах человека и могут передаваться вместе с ним.

Кровь также долгое время рассматривалась как лучшее средство для переноса сильных качеств человека, и предполагалось, что каннибализм является следствием этого убеждения. Долгое время считалось, что менструальная кровь также может переносить различные недуги посредством соприкосновения с нею, однако в медицине ее также использовали для приворота¹. На основании принципа, гласящего, что для победы над злыми духами необходима темная сила, раньше полагали, что менструальная кровь и менструирующая женщина обладают этой особой силой, способной защищать от бед, исходящих из внешнего мира. Плиний утверждает, что достаточно смочить менструальной кровью косяк двери, чтобы разрушить все чары.

Также существует поверье, что повышенная сексуальная возбудимость во время менструации при определенных условиях может передаваться через пищу. Так, например, в Западной Виктории менструирующей женщине не дозволено притрагиваться к чьей-либо еде или питью, а если она прикоснулась к еде, никто не возьмет этот кусок в рот, «потому что он отнимает силу»².

В племени маори³ мужчина, дотронувшийся до менструирующей женщины, становится *табу*, а если он вступил с ней в сношение или съел приготовленную ею пищу, — то табу становится толщиной в дюйм⁴. У некоторых народов принято, чтобы мужчины и женщины принимали разную пищу, при этом лучшая еда, первоначально предназначенная для богов, достается мужчинам; поскольку считается, что женщины могут осквернить эту пищу, им под страхом смерти запрещается дотрагиваться до нее⁵.

Кроули предпринимает попытку дать рациональное объяснение этим предписаниям. Он говорит: «Если у примитивных народов

¹ *Crawley*, по: *Ellis*, H. Op. cit. P. 109.

² *Ibid*. P. 167.

Фрэзер, Дж. [Цит. по рус. изд. С. 226.]

⁴ *Crawley*, по: *Ellis*, H. Op. cit. P. 167.

Ellis, W. *Polynesian Researches*, цитируется *Crawley*, S. 176.

мужчины боятся, что посредством обычного соприкосновения с женщиной они заразятся ее слабостью, и если в цивилизованном мире мужчины опасаются нравственного изнеживания, то вполне естественно, что этот страх становится сильнее при тесном контакте»¹. Тут может возникнуть впечатление, что Кроули *рассматривает этот контакт* как достаточную причину, однако не указывает, что и у животных сексуальный контакт сопровождается ощущением страха, и мы вынуждены в истории развития человека искать психологический фактор, объясняющий разделение полов как страх соприкосновения.

Встречающееся почти всюду поверье о том, что половое сношение отнимает силу, Кроули истолковывает как «инстинктивное понимание, берущее начало в особенности сексуальной функции». Этой особенностью является тот факт, что после полового сношения следует временная депрессия, причиной которой является повышенное кровяное давление. Представление о том, что прикосновение к женщине отнимает силу, возникает, таким образом, в силу двух причин, которые, однако, благодаря необыкновенному совпадению, сосуществуют в половом акте². Кроули также обращает внимание на связанное с этим представление о том, что сила мужчины сосредоточена в семенной жидкости, и приводит в пример тот факт, что воины примитивных племен соблюдают воздержание, чтобы сохранить силу и приумножить ее. Также он упоминает поверье, гласящее, что отец отдает своему ребенку душу, а мать — лишь тело. Кроули говорит по этому поводу: «Если мы сопоставим эти поверья с тем известным психологии фактом, что после полового акта наступает непродолжительная депрессия, то мы сможем понять, что такое более или менее устойчивое представление почти неизбежно приводит к выводу, что при половом акте мужчина отдает женщине часть своей силы, часть своей души или своей жизни»³. Это объяснение Кроули представляется мне недостаточно полным, особенно если учесть, что при нормальном половом акте при отсутствии мешающего психологичес-

¹ *Crawley*, no: *Ellis*, H. Op. cit. P. 187.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 190.

кого фактора вины имеет место чувство удовольствия и удовлетворения. Если после полового акта наступает депрессия, то анализ этой депрессии указывает на регулярное воздействие психических факторов, которые нельзя с полной уверенностью рассматривать как воздействие физиологической функции. Такая депрессия чаще всего вызывается тем обстоятельством, что не была достигнута полная психическая разрядка, причиной чего, в свою очередь, могут быть торможения, такие как чувство вины, страх, ненависть и т. д.

Далее Кроули переходит к рассмотрению тех явлений, которые, на мой взгляд, окажут нам большую помощь в поиске верного решения, а именно — разрыв девственной плевы и табу девственности.

Табу девственности

В своих работах¹ Фрейд устанавливает взаимосвязь между табу девственности и менструаций, а также примитивным удовольствием убивать и радостью от убийства. При этом он делает одно немаловажное для нас замечание.

Менструацию, в особенности первую, он (примитивный человек) истолковывает как укус духообразного зверя, может быть, как знак сексуального сношения с этим духом. Иной раз какое-нибудь сообщение дает нам возможность узнать в этом духе предка, и тогда нам становится понятным, в связи с другими взглядами дикарей, что менструирующая девушка становится *табу как собственность этого духа предка*².

Я хотел бы подчеркнуть именно это последнее обстоятельство; так как если женщина во время менструации рассматривается как собственность предка, то мой анализ подтверждает, что первоначально именно это время было временем сексуального сношения. Опасность первоначально исходила не от женщины, а от могучей руки

¹ Freud, S. Das Tabu der Virginitat (1918a [1917]) // G. W. — Bd. XII. — S. 159—180 [«Табу девственности»].

Выделено мной.

предка. Лишь позднее, когда общество взяло на себя обязанность следить за соблюдением закона, запрещающего инцест, случилось так, что менструирующую женщину стали считать источником опасности. Автор полагает, что менструация, из-за которой мужчина раньше был вынужден соблюдать принятые в обществе законы, запрещающие инцест, стала причиной нарциссического отталкивания женщины мужчиной, что так часто путают с презрением или отвращением, и что психоанализ¹ до нынешнего времени приписывал комплексу кастрации, который автор рассматривает, скорее, как позднее образование, относящееся к религиозной фазе психического развития. Необходимо постоянно возвращаться к этому вопросу, рассматривая его, вероятно, чересчур подробно, ведь я намерен изучить эту теорию с различных точек зрения и продемонстрировать, что универсальное *табу женского пола возникает, помимо прочего, из-за других обстоятельств, не касающихся менструации*. Что касается табу девственности, то нам представляется необходимым рассмотреть его отношение к: а) комплексу менструации и б) к первичному комплексу отца. Что касается последнего, то мы можем предположить, что во время существования первобытной орды женщина противилась сближению с «сыновьями и братьями», а именно — из-за либидинозной связи с обоими, зафиксированной на предке, и из-за наказаний, которые, несомненно, накладывались за слабости и проступки. А в позднем комплексе менструации мы можем заметить первичную причину фригидности женщины, так как мужчина, разрывая девственную плеву и провоцируя кровотечение, наносил женщине величайшее оскорбление, то есть унижал ее, сам, навязывая ей это унижение. Так мы подходим к объяснению чувства удовольствия, которое вызывают у старших поколений примитивных народов обрезание мальчиков и отсечение малых половых губ и клитора у девочек. Это чувство удовольствия, как я полагаю, следует приписывать бессознательному стремлению отомстить, что влечет за собой унижение детей и, несомненно, играет определяющую роль в развитии садизма. Не вызывает сомнения объяснение табу девственности, данное Фрейдом, а именно — что в рамках этого табу выражено

¹ Freud, S. Op. cit.

враждебное отношение женщины по отношению к мужчине. Для нас представляет интерес вопрос, каким образом у женщины возникает это враждебное чувство; нам представляется возможным ответить на него следующим образом: мужчина посредством полового акта унижает женщину в ее собственных глазах; причиной тому служит отношение мужчины к крови; если он избегает контакта с кровью и разрывания девственной плевы, то женщина не теряет его уважения; таким образом, табу менструации в дальнейшем защищает мужчину от повторных контактов с кровью. Табу девственности позволяет представителям обоих полов больше ценить друг друга, так как оно препятствует проявлению вытесненной ненависти. Это утверждение можно было бы оспорить, так как пожилой мужчина, совершающий ритуальную дефлорацию вместо мужа, подвергает себя той же опасности, но в этом случае оберегает себя особыми обрядами очищения и защиты, он старше, опытнее и не так легко возбуждается, и, кроме того, ему не придется быть с этой женщиной в интимных отношениях. Мы должны быть предельно осторожны в толковании подобных феноменов, чтобы наше знание реакций цивилизованных народов не мешало правильному пониманию этих процессов у народов примитивов. Вероятно, по этой причине игнорировались некоторые очень важные факторы, к примеру, следующие: если отец девушки или шаман сам впервые совершает акт оплодотворения, то «грех» девушки переносится на отца, что предотвращает появление чувства вины, которое в дальнейшем могло бы помешать испытывать сексуальное удовлетворение. Я полагаю, что очень немногие из причин, приводящих, как считается, к сопротивлению молодой женщины первому коитусу, выдержат критику, если мы учтем, что *новобрачная* у примитивных народов является во всех отношениях более уважаемой личностью, чем молодая незамужняя женщина.

Фрейд полагает¹, что зависть к пенису вызывает озлобленность, которую женщина выказывает по отношению к мужчине; эта озлобленность никогда полностью не исчезает из отношений между полами, самым очевидным свидетельством чего являются заявления и стремления «эмансипированных» женщин. Я полностью согласен с

этой точкой зрения, но полагаю, что эти порывы примитивных людей не должны рассматриваться как первичные.

Я считаю необоснованным предположение, что зависть к пенису сформировалась раньше комплекса менструации, то есть до того, как положение мужчины полностью обесценило положение женщины, являвшееся следствием природных функций менструации и родов, прежде придававших женщине особую притягательность, — ведь вагина в стадии набухания первоначально была источником красоты и, возможно, источником зависти со стороны мужчин. Но так как первоначальная привлекательность в результате запрета на инцест теперь действовала на мужчину отталкивающе, — вне всяких сомнений, отчасти по причине взаимосвязи между кровью и смертью, — женщина начала завидовать тому, что у мужчины есть орган, способный в состоянии эрекции гордо стоять, а также из-за того, что у мужчин нет менструаций, являющихся причиной строжайших ограничений и унижений женщины, описанных нами выше.

Страх кастрации дополняет зависть к пенису и развивается в тот же период, поскольку оба феномена являются вторичным результатом запрета на инцест и табу менструации. Можно ли представить более вескую причину возникновения враждебности, чем та, по которой девушка испытывает это чувство после нескольких месяцев или даже лет изоляции, в течение которых она вынуждена соблюдать строжайшие предписания, ограничивать себя в еде и проходить через мучительные обряды очищения, терпеть немыслимо жестокое обращение (предписываемое ритуалами, связанными с наступлением пубертата), грубую дефлорацию и, в конце концов, презрение и отталкивание только потому, что кровоточит ее девственная плева? Мне знакомы случаи, когда у европейцев вид менструальной крови провоцировал торможение чувств, причем как у женщин, так и у мужчин любовь вследствие этого оборачивалась ненавистью. У женщин эти явления сопровождались сильным чувством враждебности, стыда и унижения, в то время как у мужчин это вызывало ненависть, неудовольствие и отвращение; за всеми этими чувствами там стояла зависть к пенису, а здесь — страх кастрации, однако у наших примитивных предков первичен был, как я полагаю, страх смерти. Ни один другой страх, например, страх полностью утратить способность испытывать удовольствие от сексуального сношения или лишиться возможности зачатия в период естественного времени,

не способен был вызвать у примитивного человека такой реакции потрясения, как страх смерти.

Страх смерти и его взаимосвязь с менструальной кровью

Согласно мифологии племен йар и вайиса, живущих на востоке центральной Африки, смерть пришла в мир вместе с женщиной, которая взялась учить двух мужчин, как они должны спать. Однажды, когда они спали, она зажала одному из них ноздри, и он умер¹.

У племени веда из Траванкоре женщина во время менструации в течение пяти дней живет на довольно большом расстоянии от дома. Следующие пять дней она проводит в другой хижине, находящейся вдвое ближе. В течение этих десяти дней *супругу не дозволяется есть ничего кроме корней из страха быть убитым дьяволом*².

Маори, вероятно, верят в то, что смерть спрятала в менструальной крови Кахукаху (олицетворение мужского семени). Они избегают всяческого контакта с менструальной кровью, как если бы это был яд, и верят, что даже прикосновения к вещам, которые трогала менструирующая женщина, достаточно, чтобы умереть.

Мне думается, что Кроули не мог в полной мере изучить этот факт, с одной стороны потому, что он еще не был знаком с понятием амбивалентности, введенным более поздними исследованиями в области психоанализа, с другой стороны потому, что он находился под влиянием личных торможений. На каждой странице своего труда он приводит весомые доказательства в пользу того, сколь велик был страх диких народов перед менструальной кровью, и прилагает все усилия для того, чтобы обосновать утверждение, что в основе этого лежит первичная причина, предписывающая избегать женщину, а что кровь первоначально использовалась для того, чтобы набраться мужества, ее пили, чтобы утолить жажду и набраться сил. Страх менструальной крови, по-видимому, явился одним из решающих факторов формирования амбивалентности в отношениях представителей противоположных полов друг к другу. Этот страх, свой-

Pison and Howitt, цитируется *Crawley*, по: *Ellis, H. Op. cit. P. 27.*

Plöfi, H.H. Das kind in brauch und sitte der volker. Anthropologische studien. — Stuttgart: A. Auerbach, 1876. — Bd. II. — S. 435. Цитируется *Crawley*, по: *Ellis, H. Op. cit. — Vol. II. — P. 61.*

ственный мужчине, привел с одной стороны к тому, что он перестал ценить в женщине то, что ранее считал привлекательным, а с другой стороны — к тому, что, если он мог вытеснить этот страх, он начинал обожеествлять женщину, возносить ее на пьедестал, чего она как не заслуживала, так и не желала. Здесь я хотел бы вернуться к одному вызывающему затруднения обстоятельству, возникающему при допущении, что в жизни примитивов помимо страха смерти существует еще некий фактор, достаточно серьезный, поскольку препятствует сексуальному импульсу и провоцирует описанные выше унижения женщины.

Внимательный читатель уже наверняка заметил, сколь сильно у мужчины чувство вины по отношению к женщине, и, вероятно, уже успел предположить, что причиной этого является отражение ее любви.

Я хотел бы здесь также указать еще на одно обстоятельство, характерное для жизни наших примитивных предков и упоминавшееся Р. Кляйнпаулем¹ во взаимосвязи с табу и тотемом. Согласно его мнению, отношения между живыми и мертвыми определяются тем, что жаждущие крови мертвые хотят заманить к себе живых. Поэтому живые должны между собой и мертвыми ставить препятствие, в той или иной форме заключающее в себе воду. Однако позднее бояться и ненавидеть стали в большей мере тех мертвых, у которых было основание испытывать злость и ненависть, как, например, *невест, не получивших при жизни удовлетворения своего желания*. Если рассмотреть это представление подробно, то можно обнаружить, что часть конфликтов в жизни примитивного мужчины имеет основой тот факт, что он вынужден признать право супруги ненавидеть его, поскольку он из-за своего страха оставил ее неудовлетворенной и сопротивлялся ее соблазнам.

Подавление влечения

Когда человек, руководствуясь влечением к самосохранению, установил социальные законы «Не убий» и «Не прелюбодействуй»,

Kleinpaul, R. Die Lebenden und die Totem in Folklore, Religion und Mythos. — Leipzig, 1898. Цитируется Фрейдом в его книге «Тотем и табу».

он мог соблюдать эти законы и придать им вес посредством введения наказания, общественным соглашением, гласящим, что нарушивший эти законы поплатится жизнью. Такие меры были необходимы для воплощения на практике тех первых законов, являвшихся фундаментальной базой любого законодательства, которые в определенной степени ограничивали поведение отдельного человека в интересах общества в целом. Социально восприимчивый человек с раннего возраста совершенно бессознательно представлял себе социальную угрозу, чтобы сдерживать свои сексуальные импульсы. Так, социальные чувства являлись результатом необходимости контроля, чтобы сохранить вид как таковой, над эгоистическими импульсами социальных субъектов в целом для выработки поведения как такового. Обстоятельствами, приводящими к этой необходимости, были временная регрессия в отношении беспрепятственных сладострастных импульсов при ослаблении стадной системы, которые представляли угрозу для выработки поведения. Представляют ли социальные чувства фазу психического развития в виде дальнейшего развития примитивного стадного инстинкта, нам неизвестно, но это вполне возможно. Однако социальное сознание и стадный инстинкт не обязательно одно и то же, только лишь потому, что они связаны в некотором роде. Существует все же достаточно явное различие: стадный инстинкт не содержит предмет конфликта; в нем есть лишь беспрекословное послушание; в то время как социальные чувства в определенном количестве всегда противостоят индивидуалистическим тенденциям, так как они возникают в известной степени в результате их подчинения.

В этом случае мы можем лишь предположить, что способ, при помощи которого обычный человек выражает свое мнение о вещах, о которых он не знает ничего определенного, является продуктом стадного инстинкта, который его вынуждает выражаться в духе господствующего мнения. Хотя это предположение часто верно, но столь же часто устанавливается, что такое поведение можно приписать эгоистичным чертам характера; однако, как уже выяснилось, именно необузданная готовность идти на уступки вопреки эгоистичным импульсам ведет к образованию раннего общества, при этом легко распознать и то, что в человеке должен иметься и другой фактор, который постоянно толкает его на конфликты со

своими влечениями, и то, что этого фактора еще нет у соответственно настроенных бессознательно животных, живущих в стадах. В этом заключается противоречивая природа человека, которая в ее окончательной форме представляет собой ряд угроз самосохранению, ту смертельную угрозу, которой противостоит человек, если он хочет жить не стесненный своими влечениями; ее результат — подавление личностного альтруизма, превращение его психической мягкости в жестокость, и если она связана с агрессивными компонентами сексуального влечения, то это ведет к возникновению садизма.

Садомазохизм

Нам хотелось бы особенно настоятельно обратиться к мазохистским возможностям в области появления желания в боли (они позже укажут нам на путь, который прошло развитие), так как каждое вновь приобретенное обуздание влечения достигается за счет страданий, которым человек подвергает себя добровольно, при этом вновь приобретенное внутреннее или внешнее господство ведет к новым возможностям в желаниях; в первую очередь, чувство желания носит абсолютно нарциссический характер и ориентировано на отдельную личность. Понимание человеком желаемого изменится, вещи, имеющие ценность в действительности и достойные тяжелой борьбы, становятся фантазиями, в которых даже сегодня предпочитает жить большинство людей. Один из компонентов полового влечения проявляется в устремлении самостоятельно сформировать желание за счет контроля над экскреторными функциями. Это, пожалуй, первая стадия подобного смещения соответствующего сексуального компонента (самоовладение на месте прежнего органического удовольствия), причиной этого является то, что ребенок не может получить от матери (особенно от ее груди) полного удовлетворения. Когда неистовое желание ребенка довольствоваться материнской грудью наталкивается на отказ, тогда он пытается поранить мать, например, поцарапав или укусив грудь. Когда и эти садистические проявления оказываются пресеченными, то он пытается получить удовлетворение нарциссическим путем, и тем временем учится демонстрировать свою ненависть к матери, задерживая свои испраж-

нения, если она не дает ему грудь. Если эта ненависть направлена на самого ребенка, то возникает нарциссический мазохизм. Фрейд сказал по этому вопросу, что «клинический анализ крайних случаев мазохистской перверсии приводит к совокупному влиянию большого числа факторов, преувеличивающих и фиксирующих первоначальную пассивную сексуальную установку (комплекс кастрации, сознание вины). Преодолеваемая при этом боль уподобляется отвращению и стыду, оказывающим сопротивление либидо»¹.

Это определение, данное Фрейдом, кажется, подтверждает мою гипотезу о том, что *отвращение и стыд следует* понимать как реакцию мужчины на менструацию у женщины. Фрейд также говорил: «История человеческой культуры вне всякого сомнения доказывает, что жестокость и половое влечение связаны самым тесным образом, но для объяснения этой связи не пошли дальше подчеркивания агрессивного момента либидо»².

Вернемся к вопросу о сексуальных торможениях. Гипотетически можно предположить, что в до-анимистический период подавление полового влечения явилось результатом навязчивости, заключающейся в бессознательном рассмотрении автоматически настраиваемого сексуального возбуждения в ответ на внутренние или внешние причины как источник опасности для незрелого Я, так как самосохранение было под угрозой в случае импульсивного послушания, и внешний отказ становился поводом для проявления внутренних торможений. Результатом было внутреннее напряжение, которое первобытный человек, так же как и сегодняшние невротики, с трудом мог переносить длительное время. Новая опасность в виде табу инцеста вместе с неумолимой угрозой для жизни привела к вытеснению всех сексуальных желаний, в особенности к вытеснению сексуального влечения во время менструации, представляющей собой самую привлекательную силу женщины. Прелести, соблазняющие мужчин, утратили свою силу, стали опасными и приписывались каким-либо неизвестным влияниям, например, духам.

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145 [«Три очерка по теории сексуальности»]. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1990. С. 139—140.]

² Freud, S. Op. cit. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1990. С. 140.]

После этого страх, который сначала, как предполагали, вызывался внешней опасностью, закрепляется и потом разрушает вышеразвитую часть психического аппарата, который помогает человеку в контроле над примитивными половыми влечениями, если только появляется осознание необходимости выполнить тормозящую функцию, через которую может быть ликвидировано удовлетворение влечения — в интересах развития культуры и общества.

Вероятно, вытеснение сексуального желания именно во время менструации становится одним из причинно многозначнейших моментов невроза у первобытного, так как влечение остается в это время неудовлетворенным. Здесь хотелось бы вспомнить понятие Фрейда «навязчивое повторение», которое он описывает в своем труде «По ту сторону принципа удовольствия» как признак прежнего влечения. Может быть так, что именно в результате табу инцеста и менструального комплекса влечение претерпело значительный психический ущерб. Среди животных (особенно наглядно, к примеру, среди насекомых), как уже говорилось в другом месте, сексуальный соблазн достаточно силен, чтобы не проявиться, несмотря на все меры предосторожности, в то время как *проведение смертной казни за нарушение запрета инцеста побуждает мужчину вытеснить свое влечение прямо во время непосредственного сексуального сношения*. Это предотвращение мужского сексуального удовлетворения через вытеснение является, по-видимому, главной причиной для вечного стремления к совершенствованию.

На мой взгляд, мнение Фрейда по этому вопросу подтверждает мою теорию: «Но я лично не верю в существование такого внутреннего стремления и не вижу никакого смысла щадить эту приятную иллюзию. Прежнее развитие человека кажется мне не требующим другого объяснения, чем развитие животных, и то, что наблюдается у небольшой части людей в качестве постоянного стремления к дальнейшему усовершенствованию, становится легко понятным как последствие того вытеснения влечений, на котором построено самое ценное в человеческой культуре. Вытесненное влечение никогда не перестает стремиться к полному удовлетворению, которое состоит в повторении в первый раз пережитого удовлетворения; все замещения, реактивные образования и сублимации недостаточны, чтобы прекратить его сдерживаемое напряжение, и из разности между полу-

ченным и требуемым удовольствием от удовлетворения влечения возникает побуждающий момент, который и не позволяет останавливаться ни на одной из представляющихся ситуаций, но, по словам поэта, "вперед влечет неудержимо" (Мефистофель в «Фаусте», [4-я сцена], «Кабинет Фауста»). Путь назад к полному удовлетворению, как правило, прегражден сопротивлениями, сохраняющими вытеснение, и, таким образом, не остается ничего иного, как продвигаться в другом, пока еще свободном направлении развития, правда, без перспективы завершить процесс и достичь цели»¹.

Позднее в том же труде Фрейд задает вопрос: «Но как можно вывести садистское влечение, нацеленное на причинение вреда объекту, из сохраняющего жизнь эроса? Не напрашивается ли предположение, что этот садизм, в сущности, и является влечением к смерти, которое под влиянием нарциссического либидо было оттеснено от Я и поэтому проявляется лишь как направленное на объект?»² Я не знаю, насколько можно согласиться с Фрейдом. Для меня садизм представляет собой реактивное образование жизнесохраняющего Эроса в отношении объекта, вследствие смертельной угрозы, которая первоначально была направлена против самого Я. Вероятно, это и есть подавление агрессивного компонента, который превращает мужество и нежность в трусливость и жестокость. Если агрессивный компонент сексуального влечения ослаблен, то садистический импульс направлен против самой личности и становится, таким образом, на нарциссической основе мазохизмом. Я думаю, что садистический компонент можно спокойно обозначить как «деструктивный», учитывая направленность на разрушение другой цели, что представляет собой реакцию на смертельную опасность для личности. Жестокость при садизме показывает, что она представляет собой перверсию нежностей Эроса; это уже другой вопрос, имеем ли мы право рассматривать ее как относящуюся к влечению к смерти. Первоначальное половое влечение действует еще у садиста, даже если способность к сексуальным контактам в экстремальных

¹ Freud, S. Jenseits des Lustprinzips (1920g) // G. W. — Bd. XIII. — S. 1—69 [«По ту сторону принципа удовольствия»]. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 2006. С. 267.]

[Там же. Цит. по рус. изд. С. 279.]

случаях совсем не проявляется, пока жертва не заплатила всю цену за свою жесткость. Функция нормального агрессивного компонента сексуального влечения заключается в подчинении сексуального объекта до тех пор, пока целью садистической жестокости является преодоление боли, которую Я испытывает на себе как действие вытесненных травм от смертельной угрозы, направленной против самого себя.

Сделаем некоторые обобщения. Мое утверждение сводится к тому, что агрессивный компонент сексуального влечения подавляется страхом, который с помощью связанной с этим смертельной угрозой порождает феномен менструации. Ненависть, возникающая при препятствии сексуальному влечению, превращает нежный компонент сексуальности в жестокость и в желание причинить боль любимому объекту; может быть, правильнее сказать, что архаичное примитивное стремление к жестокости связывается сейчас с агрессивным компонентом сексуального влечения, когда происходит — наступает регрессия.

Вернемся же к предположениям Фрейда о природе влечений, согласно которым влечение — стремление, свойственное живым органическим существам, *направленное на восстановление прежнего состояния, от которого этот живой должен отказаться под влиянием внешних шпех*¹.

Менструальный комплекс, который возник из запрета на инцест, вероятно, является самой главной из помех, которая обусловила повторную потребность в компоненте влечения, отличающего человека от мира животных. Отсюда у человека может появиться фантазия, которая при условии контроля, осуществляемого действительностью, оказывается самой ценной чертой. То, что половое влечение, таким образом, сдерживается, имеет для всего человеческого поведения травматические последствия, о масштабах которых мы можем лишь догадываться.

Согласно нашей теории невротик отворачивается от реальности, так как ее восприятие слишком болезненно для его Я. Но на основании этой «боли» можно предположить об угрозах для самосохра-

нения. Мы предполагаем, что отклонение полового влечения является результатом известной угрозы и что ненависть к женщине и полное порабощение женского пола явилось результатом периодического возрастания их сексуальной привлекательности, после чего любовь вынуждена была превратиться в ненависть; эта привлекательность обозначила мужчину благодаря им самим установленным законам о защите запрета на инцест, — с одной стороны, он привлечен запахами и визуальными прелестями, перед которыми он не может устоять, — с другой стороны, следуя своим потребностям во влечении, он попадает в очень острую смертельную опасность; Я должно решить этот конфликт с антипатией к сексуальным прелестям, желаемые чувства, возникающие в результате сексуального импульса, должны отвергаться. Вряд ли можно усомниться в том, что понятие красоты первоначально происходит от привлекательности, которая характерна для половых органов и лишь в результате ранее упомянутого конфликта изменилась. Полное значение этого конфликта может быть лишь тогда точно оценено, если известно, насколько хорошо соответствующие представления исчезли из человеческого сознания и сколько второстепенных последствий имелось. Так же как и в мифологии, в беллетристике красота и смерть тесно связаны друг с другом. Юдифь говорит в трагедии Лаббея: «Моя красота — красота ядовитой ягоды, — говорит она. Наслаждение ею приносит безумие и смерть»¹. Сейчас понятно, почему влагалище и женщина вообще должны стать «тревожными» особенно во время менструации, и происхождение колдовской силы, о которой мы будем говорить в следующем исследовании, очевидно на сегодняшний момент.

Гомосексуальность и перверсия

Что касается объектной гомоэротики, Фрейд и Ференци установили то, что, казалось бы, обосновывает мое мнение. Если Ференци считает, что объектная гомосексуальность основывается на садизме

¹ Цит. по: *Freud, S. Das Tabu der Virginitat* (1918a [1917]) // G. W. — Bd. XII. — S. 159—180. [Цит. по рус. изд.: *Фрейд, З.* 1991b. С. 168—169.]

Ferenczi, S. Zur Nosologie der mannlichen Homosexualitat (homoerotik) // I. Z. P. — 1914. — Bd. II. — S. 131—142.

и анальном эротизме², то Фрейд в своей работе «Диспозиция к неврозу навязчивости» придерживается мнения, что в качестве ее органической основы следует рассматривать прегенитальную садистическо-анальную ступень развития либидо¹. Можно предположить, что оба эти импульса в темном прошлом имели одинаковое происхождение в феномене, ранее описанном мною. Из этого видно, какое значение отводится конфликту, заключающееся в том, что он обуславливал появление тоски по отцу, после того как причина спора с ним, потребность в матери или женщине вообще больше не так и значительна, так что любовь мужчин друг к другу *снова* могла усилиться.

По всей вероятности, примитивный менструальный комплекс играет значительную роль для инверсии, хотя его рецессивный характер позже способствовал его перекрытию другими отклонениями и смещениями полового влечения. Фрейд, к примеру, об инвертированных мужчинах говорит так: *«Их навязчивое устремление к мужчине оказалось обусловленным их тревожным бегством от женщины»*².

«Перверт» — название для людей, которые испытывают сексуальное желание при действиях, которые у других вызывают отвращение и неудовольствие, как увеличение обычной подготовки к половому акту, проявления анального эротизма и тому подобное, что имеет примитивный характер и предположительно было нормальным до появления табу инцеста, которое привело к изменению ощущений у мужчин в отношении сексуального объекта. Это предположение совпадает с теорией Фрейда в том, что отвращение было одной из сил, которые позаботились об ограничении сексуальности.

Фрейд говорит, что это были только исключительность и фиксация³ перверсии, которые оправдывают ее рассмотрение как болезненного явления. Рассмотрим, к примеру, фелляцию с точки зрения филогенетики. Происхождение этого феномена можно отнести ко времени, когда он появился как нечто естественное для

Freud, S. Die Disposition zur Zwangsneurose (1913i) // G. W. — Bd. VIII. — S. 441—452 [«Диспозиция к неврозу навязчивости»].

² Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1990. С. 129 (сноска 1).]

³ Freud, S. Op. cit.

обоюдного обнюхивания и облизывания половых органов, в то время как в доисторическое время фелляция была связана, прежде всего, с реакцией на потерю материнской груди, так как ребенок желает вознаградить себя за потерю, и, во-вторых, с тем, что позднее с началом объектной любви это желание принимает определенную форму, родители в достаточной мере проявляют любовь, сексуальная фантазия, которая часто в результате привычки некоторых матерей кусать половые органы ребенка доходит до крайности. Фелляция в качестве перверсии может быть рассмотрена лишь в том случае, если сексуальное удовлетворение не может быть достигнуто без нее при нормальном протекании полового контакта. Если происходит внезапный поворот от женщины во время ранней сексуальной стадии развития, то это желание переходит на отца или может произойти регрессия, на копрофильные склонности, которые, в свою очередь, связаны с перверсиями в отношении обоняния, обнюхивания и осязания собственных испражнений. Отвращение и неудовольствие, которые вызываются перверсиями у здоровых людей, указывают на то, что и при них похожие желания находятся вытесненными где-то в глубине бессознательного.

Генетически менструальный комплекс вновь становится ответственным за переоценку сексуальных ценностей внеполовых частей тела; кроме того, ему приписывается связь либидо с неподходящими объектами, представляющая полное угасание обычной сексуальной потребности, как при фетишизме или гомосексуализме. Ференци, к примеру, об объектных гомосексуалистах говорит: «Я могу здесь сказать совсем немного: копрофилия и страсть к нюханию у них очень глубоко вытеснены, часто сублимированы к эстетству, пристрастие к парфюму, энтузиазму в искусстве. *Характерна их дальнейшая идиосинкразия к крови и всему кровавому*»[^].

В сокращенной форме далее изложим о том, что говорит ранняя история о гомосексуалистах мужского пола:

«Они были с ранних лет сексуально и даже *гетеросексуально* агрессивны... Их эдиповы фантазии были нормальными и сводились

к сексуально-садистическим планам нападения на мать и грубым пожеланиям смерти мешающему отцу. Они также были интеллектуально развиты не по возрасту и создавали в порыве жажды знаний многочисленные инфантильные сексуальные теории... Наряду с агрессивностью и интеллектуальным развитием для конституции характерны необычно сильный анальный эротизм и копрофилия. В раннем детстве они были сильно наказаны одним из родителей из-за гетероэротического проступка и вынуждены были в этом случае подавить сильный припадок бешенства... При смещении либидо половой зрелости склонность гомосексуалов обращается сперва снова к другому полу; однако достаточно лишь порицаний или предупреждений со стороны авторитетного лица для появления вновь страха перед женщинами, после чего сразу или после короткой латентности происходит окончательный побег от женского пола к противоположному»¹.

Это определение, данное Ференци, кажется, оправдывает теорию филогенетического происхождения устройства общества на гомосексуальной основе. Но не ясно, что в этой связи означает факт, настойчиво упоминаемый Фрейдом, что порицание со стороны матери является первоначальным фактором гомосексуальности. Вспомним о картине Кали и получим право утверждать, что при филогенетическом подходе старейшая угроза ощущалась так, словно она исходила от женщины, а именно, со времени менструации, которая была самым женственным признаком. Может быть, в этом смысле идиосинкразия у гомосексуалистов по отношению к крови и кровавым веществам основывается на филогенетическом опыте. Факт глубоко вытесненного желания нюхать у объектных гомосексуалистов приводит к предположению такой взаимосвязи, особенно если рассматривать это в свете феномена, который я обсуждал в моем труде «Физиологические реакции на обонятельные стимулы», где я приписываю вытеснение желания обоняния такому состоянию, когда половой запах, исходящий от женщины, представляет для мужчины привлекательную силу, которая вызывает в нем сильнейший конфликт ввиду введения общественного распоряжения по запрету на инцест.

Менструальное табу

В конце мы должны все же задаться вопросом, как табу, затрагивающее менструацию и роды, так упорно сохранялось, несмотря на все достижения в воспитании в прошлые столетия. Мне кажется, что причина этого в том, что дети с самого начала находятся под влиянием табу женщин и тем самым неизбежно подвергались ограничениям со стороны матери, так что табу укрепились в них с самого начала их существования.

Согласно Фрейду¹, происхождение чувства вины сводится к табу. Неоспоримая сила табу может частично возникнуть из страха перед последствиями, которые могут возникнуть в результате его несоблюдения (хотя последнее происхождение запрета на инцест не определено и о нем можно лишь догадываться). Грех ввиду инцеста был связан с огромным чувством вины, и, более того, даже мысль о нарушении запрета, которая все же была присуща каждому мужчине, казалось, порождала огромный страх, от которого мужчина мог избавиться лишь, если он отодвинет его на более слабый пол, что означало для него из-за физиологических причин тяжелое испытание. Это нуждается в пояснении. Для толкования я буду ссылаться на еще до сих пор необъясненный факт, что пока женщина сохраняла свою периодичность, подобную течке у животных, мужчина же больше не испытывает определенный период «течки».

На первый взгляд кажется, будто наши примитивные предки оставили очень сомнительное благословение в их стремлении освободиться от чувства вины, которое возникло в результате их попыток нарушить табу. Так как именно это стремление избежать мук при чувстве вины, сдвинув его на женский пол, должно быть первым поводом к возникновению subtilной атаки влечения у навязчивых невротиков, которых трудно понять при анализе, в то время как с другой стороны такая же реакция позже могла бы быть источником высшей совести, которая принуждала мужчину распознать свой нарциссизм. В любом случае необходимо включить в наше знание представление, что в характере навязчивых невротиков преобладает черта педантичной добросовестности как симптом реакции на

¹ Freud, S. Totem and Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 206 s. [«Тотем и табу».]

бессознательно подстерегающее искушение и что при увеличении болезни развивается ими самая высокая степень осознания вины¹. Это завещание примитивов, которое вновь проявляется у навязчивых невротиков, вступает в конфликт с нашим более высоким Я-идеалом, который еще больше увеличился среди европейцев. Это явление также связано с тем, что уважение к женщинам в процессе их развития выросло, так что вина, которую мужчины в свое время отодвинули на женский пол, возвращается к ним от женщин в форме осознания вины. Причина этого еще до конца не ясна.

Страх примитивов, который образовался согласно Фрейду в результате смещения преобразованного либидо, становится легче для понимания. Мотив для вытеснения желания нарушить табу относится к страху перед смертью², в то время как причина смещения вины на женщину заключается в боли, которая берет начало в страхе, который неспособно вынести Я примитива. Так примитив унизил женщину, чьи визуальные прелести и запахи пробудили его страх.

Фрейд приходит к пониманию этих вещей с помощью сравнения табу с навязчивыми торможениями невротика и сводит их к следующему:

«Табу является очень древним запретом, наложенный извне (каким-нибудь авторитетом) и направленный против сильнейших вожелений людей. Сильное желание нарушить его остается в их бессознательном. Люди, выполняющие табу, имеют амбивалентную направленность к тому, что подлежит табу. Приписываемая табу чародейственная сила сводится к способности вводить в искушение, она похожа на заразу, потому что пример заразителен и потому что запрещенное вожеление в бессознательном переносится на другое. Искушение посредством воздержания за нарушение табу доказывает, что в основе соблюдения табу лежит воздержание»³.

¹ Freud, S. Op. cit.

Или в страхе перед болезнью. Из исследований известно, что такой страх часто покрывает страх забеременеть. В нашем случае можно было бы увидеть в этом страхе возвращение вытесненного желания, чтобы женщина забеременела, дальше страх перед заражением, с которым женщины предполагают болезнь, и в конце снова страх перед смертью.

³ Freud, S. Totem and Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 206 s. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1991а. С. 229.]

В другом месте можно найти следующие высказывания: «Нам необходимо только решить, что нам следует искать. Утверждение о возникновении табу, а именно что оно происходит от очень древнего запрещения, наложенного когда-то извне, не поддается, разумеется, доказательствам. Постараемся поэтому найти для табу подтверждение психологических условий, известных нам в неврозе навязчивости. Каким образом при неврозе мы узнаем об этих психологических моментах? Благодаря аналитическому изучению симптомов особенно навязчивых действий, способов защиты и навязчивых запрещений. У них мы нашли самые верные признаки их происхождения из амбивалентных душевных движений или тенденций, причем они или соответствуют одновременно как одному желанию, так и противоположному ему или же служат преимущественно одной из двух противоположных тенденций. Если бы нам удалось доказать амбивалентность, существование противоположных тенденций в предписаниях табу, или найти среди них некоторые, подобно навязчивым действиям выражающие одновременно оба течения, то психологическое сходство табу и невроза навязчивости в самом почти главном было бы несомненным»¹.

В менструальном табу можно лучше распознать обе части обоих амбивалентных импульсов, чем при каком-либо ином табу-материале, который стал предметом психоаналитических исследований. Давайте проследим это на примере следующих коротких рассуждений из специальной литературы. При этом станет ясно, как много всего заключается в сегодняшнем поведении мужчин в отношении женщин при одинаковых психических явлениях, на основе которых женщины первоначально во время менструации представляли собой табу.

У суринамских негров женщина во время менструации должна была жить в одиночестве; это опасно в одинаковой степени как для мужчины, так и для женщины приближаться друг к другу. Если к ней кто-то приближается, то она начинает кричать: «*Ми Кай! Ми Кай! Я нечиста!*»²

¹ Freud, S. Op. cit. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1991а. С. 230.]

² Ellis. H. Op. cit. P. 284.

Здесь мы рассмотрим влияние табу инцеста. Женщина уже научилась бояться основного источника своей привлекательности, думая, что от нее исходит зло и опасность для общности; она принимает закон и господство мужчин, так что-то, что до этого было ее самой сильной привлекательностью, *становится позором*.

Посмотрим, что говорит об этом Фрэзер. Он обобщает свои взгляды: «Целью этой изоляции женщины во время менструации является нейтрализация опасных влияний, которые, как можно предположить, исходят от нее. По поводу девушки думают, что она будто бы находится во владении мощной силы, которая ведет к гибели не только самой девушки, но и остальных, с которыми она общается, если не усмирить эту силу. Усмирить эту силу для излечения всех — это и есть цель табу»¹.

Это можно сравнить с тем, что говорит Фрейд о табу-запретах: кажется, «будто запрещения необходимы потому, что некоторым лицам и вещам свойственна опасная сила, передающаяся при прикосновении к заряженному ею объекту почти как зараза, <...> Эта сила свойственна всем лицам, представляющим собой нечто исключительное, а именно: королям, священникам, новорожденным, и всем исключительным состояниям, как то: физиологическим (состояниям менструаций), наступлениям половой зрелости, родам; всему жуткому — болезни, смерти — и всему связанному с ними из-за способности к заражению и распространению...»².

Кажется, главная цель табу — защита индивидуума и общности от их примитивных желаний, удовлетворение которых не в интересах общности.

Факт, что все табуированные предметы одновременно святы и нечисты, становится понятным, если подумать, что сегодня отталкивающие нас объекты раньше *всегда* были привлекательны. Половой отказ превращает привлекательность в отталкивание. Женщина во время менструации для примитивов одновременно нечиста и злопо-

Frazer, J. The Golden Bough. — 2 ed. — Vol. IV. — P. 28. [Цит. по рус. изд. С. 634.]

² *Freud, S.* Totem and Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 206 s. [Цит. по рус. изд.: *Фрейд, З.*, 1991a. С. 217.]

лучна, как и свята и благословенна. Она не доступна для мужчины в это время, хотя раньше она была так привлекательна, что мужчины сражались и уничтожили себя в огромном количестве, что в конечном счете стало невыносимым для общности. Так примитивное общество создало законы для защиты друг от друга, законы, которые уничтожали кулачное право как единственную защиту владения и дали одному племени власть над другим. В результате особо сильного полового влечения эти законы, по-видимому, постоянно нарушались, что всегда приводило к безжалостному исполнению примитивных законов, а именно к убийству — единственно тогда возможному устрашающему средству. Также следует поразмыслить и о том, что у людей были еще периоды течки, во время которых их половое влечение было настолько сильным, что каждое разумное ограничение влечения, которое, вероятно, уже имелось, теряло силу, и влечение в одно мгновение срывало мысль о законе и его последствиях. Раньше во время периодов течки мужчины являлись врагами друг для друга; женщины стали действительно опасны. Сдерживание мужской агрессивности в отношении мужчины и женщины, которая была закрыта, повысило похотливую потребность, так что опасность женской привлекательности стала еще больше, чем раньше; так как менструация у женщины постепенно становилась напоминанием о смерти, она пробуждала только чувства страха и слабости, вместо того чтобы возратить агрессивность к жизни и вызвать мужчину к борьбе с соперниками, которая, если он ее успешно завершит, пробудила бы все желания.

Так, менструальная кровь постепенно становилась для мужчины скорее чем-то отталкивающим; женщина, охваченная этим отвратительным явлением, стала объектом страха, омерзения и отвращения, стала одним из неизбежных зол жизни, употребляемая и даже злоупотребляемая мужчиной в его целях. И он так издавна принимал женщину, как мы хотим сейчас показать, при этом он через ограничения, установленные перед женщиной, давал волю своей ненависти. В это время он воздвигал ее к своему идеалу в результате страха. Для чего лучшим примером является Мадонна, которая воспринимается незапятнанной. Сейчас весь вопрос о великих матерях-богинях становится понятным. Соединение с ними считалось смертельно опасным.

Возникновение культа богини матери — результат смещения страха от мужчины на женщину. В результате своей неудовлетворенности мужчина боится возмездия, и таким образом богиня околдовывает смертного мужчину, удовлетворяя его желания, но при этом уничтожая его душевно и телесно.

Вернемся обратно к примитивам и табу. Выдвинуты многочисленные точные аргументы, чтобы показать, что нечистота примитивов означает нечто иное, чем современное представление о нечистоте, а именно, что она взаимосвязана со святым и табу. По правде «святой» характер табу (понятие чистоты) отпал с тех пор и вступил в связь с нашими представлениями. Первоначально женщина была чистой между периодами менструации, но не святой, а во время менструации нечистой, но святой, сейчас она рассматривается «святой», если она чистая, то есть если она выше всех ее сексуальных представлений. Это особенно ощущается со времен возвышения мадонны в лик святых в христианстве. В других религиях, особенно в буддизме, оба эти элемента поделены между различными богинями; существуют ужасные, которые должны быть примирены, и такие, которые имеют нечто общее с идеалом Мадонны. Первые все же богини, а не черти, последние не столь совершенны в отношении человеческих страстей как Мадонна, но обе рассматриваются как различные внешние проявления поклонения богоматери. Как мы видели, богиня Кали является богиней холеры, разрушения и смерти. Она все же незначительно отличается от других богинь матерей, она представляет лишь своей особой формой недоброжелательный аспект матери как олицетворение ненависти и отвращения. Она не знает стыда. Она с кровавой вагиной боится мужчину, она его кастрирует, попирает его, сильно унижает и напускает на него болезни. Другими словами, она является тем, чего примитивы опасались в виде менструирующей женщины. Она, как уже упоминалось, защитница проституток; также потеряли всякий стыд и распространяют болезни. Она покровительница воров и тех, кто преступает закон, то есть тех, кто удовлетворяет свои преступные склонности за счет общества.

Как ее можно сравнивать с другими богинями-матерями?

Вспомним тогда миф об Аттисе и Цыбеле, об Адонисе и Афродите, об Исиде и Осирисе. В мире существует бесчисленное количество подобных мифов, в которых рассказывается, как сын,

совершивший инцест, наказывается смертью; следует отметить, что чаще это происходит весной. Почему мужчина так боится кастрации именно от матери, является вопросом, о котором мне бы не хотелось говорить однозначно, хотя мы доказали, что примитивная ненависть к женщине достаточно сильна, чтобы объяснить родовой страх перед возмездием, в то время как мужской протест у женщин подвигнул их к угрозе мальчикам «играючи». Достаточно известно, что женщины часто угрожают своим детям «играючи» отрезать пенис. Но фактически такие угрозы применяются для потрясения в отношении мастурбации. Большинство детей, в конечном счете, слышат эту угрозу. Эрекция фаллоса по своему характеру часто подобна в своем психотелеологическом значении менструации, так как пенис сам является предметом запрета, как позднее показало почитание у народов. Состояние эрекции, хотя первоначально символ власти, позднее стало рассматриваться как «нечистое», как женский орган; так как оно не сопровождается кровавыми симптомами, оно не вызывало в том же объеме отвращение и омерзение.

Человеческие жертвоприношения земным богиням, так распространенные во всех частях мира, и пролитие человеческой крови на пашнях точно имеют отношение к менструальной крови. Хотя менструальная кровь означала позднее устрашение, в конечном счете, на бессознательном уровне у мужчины это имело связь с беременностью. Факта о том, что мужчины этих племен так почитали и так боялись женщину, что одновременно унижали ее, а с другой стороны — почитали ее как богиню-мать, достаточно, чтобы показать двойственную цель, которую, по всей вероятности, эти обе жертвы должны были выполнить, а именно землю сделать ужасной с помощью крови и мяса и смягчить богиню страданием и смертью, так как иначе их неудовлетворенные желания стали бы причиной гибели мужчины. Нам известно, что в высших религиях богоматерь часто соблазняет мужчину к половому сношению, к кратковременному счастью, так как далее следует смерть мужчины, собственноручно или от культа. Среди некоторых народов преступление в виде инцеста является причиной для уничтожения всего годовичного урожая, в то время как разврат и измена ухудшают урожай. Подлые грехи отравляют землю. И сегодня крупные катастрофы связывают с преступлениями такого рода. Приношение в жертву свиньи является

наиболее частым средством предотвращения катастрофы, которая может возникнуть в результате такого нарушения. Характерно при этом амбивалентное отношение людей к свиньям. Уважение и страх, относящиеся к тому животному и распространенные во всем мире, следует приписать в высшей степени ассоциативной связи с грязью, нечистотой, воровством (раньше дикая свинья была самым опасным врагом полей для людей), отсюда канава с рылом в пахотном слое ассоциируется с инцестом. Это объединяет табу мужчины и женщины, так как это, как и женщина, нечисто и в своем символическом нарушении инцеста бесстыдно. Говорят, грех измены и разврата разрушает плодovitость страны; чтобы его замолить, необходимо заколоть свинью и принести ее кровь в дар земле¹.

В рассматриваемых предписаниях табу можно увидеть выражение страха примитива перед импульсами, которые его соблазняют к инцесту, когда он вводится в искушение физиологическими проявлениями у женщины; он старается избавиться от появляющегося чувства вины, рассматривая женщину как причину всех зол, так как реакции на ее менструацию, от которой первоначально исходили привлекательность и искушение, находят выражение в виде превращения чувств в страх, отвращение, омерзение и стыд.

II

ТАБУ НА МЕНСТРУАЦИЮ И СЕКСУАЛЬНОЕ ТОРМОЖЕНИЕ

Предисловие

Хэвлок Эллис обобщает признаки сексуальной сдержанности² и называет следующие: 1) примитивное, наблюдаемое уже и у животных отклонение самкой сексуальных попыток самца, поскольку

См. *Frazer, J. The Golden Bough. — 2 ed. — Vol. II.*

² £//is, Н. Op. cit.

это для нее не то время, когда она желает сближения с самцом; 2) страх перед возрастающим отвращением; этот страх первоначально следует приписывать соседству сексуального центра и выделительных органов, чьи продукты являются для животных бесполезными и не имеют желаемого значения; 3) страх перед магическим влиянием сексуальных действий и церемоний и ритуальные упражнения, которые первоначально были основаны на страхе и стали обычными нравственными законами, признаками и хранителями сдержанности; 4) совершенствование украшений и одежды, которое в то же время способствует сексуальной сдержанности, которое дает отпор мужским сексуальным желаниям и благоприветствует кокетству, при этом снова привлекая и возбуждая мужчин; 5) рассмотрение женщины как собственности, благодаря чему ее аффективная сдержанность, возникшая уже ранее на основе естественных и примитивных фактов, получает новое и веское полномочие»¹.

Я думаю, что ввиду рассмотренных здесь теорий о первичных факторах задержки влечения число этих факторов относительно, что не было замечено Эллисом. Мы хотим из ценного сборника, посвященного этой теме, сделать вступления, комментируя и рассматривая при этом аналитически².

Сдержанность, отвращение и стыд

Хэвлок Эллис дает чувству стыда определение как *инстинктивного страха*, который стимулирует к *укрытию*, обычно имеет

¹ Ellis. H. Op.cit. P.80.

Все, что имеет особое значение для моей теории, было использовано с моей стороны, особенно это будет заметно в тех случаях, когда был недоступен оригинал. Номера страниц, касающиеся Х. Эллиса, относятся к первому тому его «исследования по психологии пола». Ссылки на другие произведения фиксируются в подстрочниках. — Автор находится на индийской границе, где отсутствует соответствующая библиотека, и условия не позволяют иметь при себе другие, помимо своих книг. Читатели оценят все вытекающие из этого сложности. Ввиду этого произведения Х. Эллиса бесценны; однако автор очень сожалеет по поводу отсутствия возможности сослаться на другие признанные произведения.

центр в сексуальных процессах и, хотя они подходят в одинаковой степени обоим полам, все же *ярко выраженным является женский пол*¹. Он указывает на немаловажное значение стыдливой сдержанности для возникновения мужской страсти и приводит некоторые яркие остроумные наблюдения Стендаля: «Что касается пользы стыдливости, то она мать любви; этого у нее никак нельзя отнять. Нет ничего проще механизма этого чувства: душа *поглощена стыдом вместо того, чтобы быть поглощенной желанием*; человек запрещает себе желать, а желания ведут к действиям»².

По моему мнению, на основе наших знаний о табу инцеста эта дефиниция показывает, что под импульсом страха перед угрозой смерти за совершенный инцест примитив ввел табу менструации как защиту от своих собственных желаний во время наибольшего искушения, когда женщина признавала господство мужчины из-за ее нечистоты во время менструации и стыдилась сама своей огромной сексуальной потребности, особенно потому что удовлетворение этого желания означало для мужчины смерть. Удовлетворение должно было наступать лишь между двумя периодами менструации. Чувство стыда как следствие неудовлетворенного полового влечения у обоих полов и чувства вины постепенно оказали влияние на всю психическую жизнь примитивного общества. В наших культурных кругах она проявляется лишь при обстоятельствах, которые уже очень далеки от ее первоначального источника. Эллис приводит Мадам Селин Ренвой в качестве автора нескольких замечаний, хотя, по его мнению, она делает неверные выводы, объясняя первичные факты через возвращение к вторичным факторам, которые в действительности в ходе развития образовались лишь из тех. Она пишет: «Ход человеческого развития превратно толковал психологию полов, навязывая женщине последствия мужской сексуальности. Здесь таится происхождение традиционной лжи, которая запугала женщину с помощью вида суггестии. *Она, как, наконец, выяснилось, приняла неизбеж-*

¹ Ellis, H. Op.cit. P. 1.

[Стендаль. О любви // Стендаль. Собрание сочинений в 12 томах. — М.: Правда, 1978. — Т. 7. — С. 60.]

ность стыдливости, которую мужчина на нее возложил, скромность, восхваляющую ее, к которой призывают обычаи и привычки. Скромность в действительности означает несправедливость по отношению к их полу»¹.

Вероятно, этот автор работала в условиях очень сильного влияния мужского протеста, хотя ее хорошая интуиция проявляется также в некоторых замечаниях. Последняя часть цитаты подтверждает мою теорию, что чувство стыда можно свести к определенной первоначальной причине, а именно, *к проявлению страха, отвращению и омерзению у мужчины.*

Скромность в очень скрытой форме — это гибкость в отношении тех желаний, которые хотят знать запрет на инцест и нрав, скрытый в человеке, гибкость, которая показывает страх, во-первых, страх перед последствиями и, во-вторых, неопределенность, что будет результатом раскрытия — омерзение и отвращение (совместно со скрытым страхом смерти) или уважение.

«Потребность и отвращение распространяются странным образом, когда, будучи сам неудовлетворен, становишься свидетелем удовлетворения другого. Здесь видно начало альтруистской стадии, имеющей две стороны: *страх пробудить потребность у другого и страх вызвать отвращение; в любом случае результатом является одиночество*»².

Вероятно, скромность возникает из знания об источнике запрещенной привлекательности, в то время как стыдливость вызывать отвращение берет свое начало в страхе. Таким образом, поскольку их последняя причина одинакова, они тесно связаны друг с другом. Существует ли взгляд, который смущает больше, чем взгляд чуткой женщины, страдающей от неконтролируемых потрясений ее бессознательного, так как стыд и скромность пытаются вытеснить все то, что представляет собой в основе естественное выражение ее горячей тоски, пока она борется со страхом, она могла бы вызывать неудовольствие или отвращение, и как привлекательна она может стать, если это представление табу сдвинется в сторону.

¹ Ellis, H. Op. cit. P. 3.

Кроули, «Мистическая роза». Цит. по: Ellis, H. P. 139.

Женщина вынуждена была страдать от сильного унижения как следствия табу менструации, наложенного на нее мужчиной, от которого она никогда больше не отдыхала, в то время как, с другой стороны, она могла получить некоторые преимущества, которые можно приписать ее сексуальности, хотя большинство женщин весьма послушно отказались бы от пьедестала, на который они подняты в результате их магического влияния; обычная женщина при случае дает понять, что она больше желает, чтобы с ней обходились как с женщиной, а не как с богиней.

Скромность, кажется, связана с магическими и религиозными атрибутами этой области проявлений, а стыд связан с моментом возбуждения отвращения. Профессор Рите¹ подтверждает эти предположения тем, что он (после Эллиса) приходит к выводу, что то, что вызывает неудовольствие, является *опасным и бесполезным* (выделено в оригинале). Но оба эти фактора в своей основе одно и то же, так как в жизни примитивов бесполезное опасно, как подтверждает вера в опасность пожилых людей, которые больше не могут охотиться или работать, или больные, которые также неспособны к работе, должны подвергаться опасности здоровых.

Хэвлок Эллис приводит длинный ряд цитат из различных произведений, которые касаются скромности примитивных и современных людей. Для нас при этом следует отметить, что почти во всех этих трудах отсутствует ссылка на периоды менструации у женщины, так как весь интерес в современном исследовании сконцентрирован на взаимосвязи между скромностью и обнаженностью и т. п.

Приведем в пример ряд высказываний, в которых упоминается менструация: «Женщины Бразилии почти обнажены, но они избегают любой неприличной манеры вести себя, так что совершенно невозможно понять, когда у них менструация»².

Это замечание не имеет значения, так как женщины в это время стараются не показывать своей наготы.

Richet, C. L'homme et l'intelligence; fragments de physiologie et de psychologie par Charles Richet. — Paris: F. Alcan, 1884. — vii, 570 p. (Les causes du Degout.)

Tocantins, цитата из: Mantegazza, P. Fisiologia della donna... — 4. ed. — Milano: Fratelli Treves, 1893. — Cap. 9. (Цит. по: Ellis, H. Op. cit. P. 12.)

Одним автором было замечено по поводу менструации то, что масаи и другие африканские племена соблюдают сдержанность и в большинстве случаев ведут себя скромно¹. Это замечание больше касается изучаемого нами предмета, в особенности наблюдения о том, что они «в большинстве случаев ведут себя скромно».

Среди почти сотни цитат лишь в этих двух случаях упоминается менструация. Если бы не было известно, что вопрос менструации также и по сей день является табу, то этот факт, вероятно, был бы вполне удивительным. Особенно меткое замечание, принадлежащее перу образованного и умного наблюдателя, подтверждает это. Эллис говорит об этом авторе², он доказывает, что чувство отвращения, которое исходит от женщины, всегда неизбежно вызывается областью ее чрева к содержанию непосредственно. Он делает вывод о том, что «эта область чаще всего является табу и что от этого табу *происходит целомудрие*». «Половые органы должны были скрываться еще в очень давние времена, чтобы избежать опасности, *которая от них исходит, приносящей вред окружению*. Соккрытие — средство предотвращения магического влияния. Тогда было основано соккрытие, сохранено и преобразовано»³.

Обычай прятать лицо, по определению Дюркгейма, может быть истолкован согласно цели сокращения гениталий как перемещение снизу вверх. Женщины Зингалезии верят, что они должны скрывать вульву, чтобы демоны не могли общаться с ними⁴. Таким образом, едва ли возникает сомнение, что соккрытие, в сущности, — это мера предосторожности, которая возникла в связи с табу и функция которой — скрыть исходящее от женских гениталий искушение инцеста⁵. Позже соккрытие было включено в различные церемонии

Mrs. France-Sheldon // Journal of the Anthropological Institute. — 1894. — P. 382.

²Эллис, Н. О. цит. P. 55.

Durkheim, E. La Prohibition de l'inceste // L'annee sociologique. — 1898. Цит. no: Ellis. H. P. 50.

⁴Эллис, Н. О. цит. P. 56.

Женщины, прячущие свои гениталии, очевидно, преследуют этим вторую цель: иногда они хотят воспрепятствовать исчезновению расположенных там магических сил, чтобы сохранить их для себя, но также иногда они хотят оградить других от зла, жертвами которого они уже стали сами.

и ритуалы, в многочисленные магико-религиозные обряды, — так, люди прятались, например, чтобы защититься от злого взгляда, и т. д. Соккрытие в своем собственном значении соответствует мере противоположности опасности; то, что позже это стало источником сексуального притяжения, можно приписать ослаблению табу в известном смысле, так как за страхом всегда стояло вытесненное желание дать знать о себе, как только опасность уменьшалась. Это наблюдение, в общем касающееся вопроса одежды, мы хотели бы обсудить здесь коротко.

Эллис указывает¹ на то, что на ранней культурной стадии менструация рассматривалась как процесс очищения, как опасное выделение плохих соков. Поэтому древние греки также называли менструацию «очищением». При помощи нашей новой теории нам не сложно понять, как это произошло. Эллис также приводит иудейский закон, который гласит: «если мужчина разоблачает женщину в период менструации, то они оба погибнут» (Левитический, гл. XX. V. 18). Из этого видно, что нарушения табу каралось строжайшими наказаниями. Похожий принцип еще и сегодня действует в случаях угрозы кастрации от матери и кормилиц по отношению к детям, играющим гениталиями.

Эллис считает, что целомудрие скорее социального, чем сексуального происхождения². Я все-таки верю, что можно показать, что оба эти фактора не так легко отделить друг от друга. Я хотел бы истолковать целомудрие как реакцию на комплекс менструации, который с его стороны возник из-за преграды инцеста.

Эллис, цитируя профессора Старбука (Психология религии, гл. XXX), говорит: *«Можно сказать, что полное развитие целомудрия имело место к моменту половой зрелости»*, хотя он признает, что целомудрие — это простой и примитивно-аффективный элемент³. Я полагаю, что он заблуждается, если считает, что сексуальный отказ, который, например, выразит сучка не в период

¹ Ellis, H. Op. cit. P. 55.

² Ibid. P. 36.

³ Цит. по: Ellis, H.

течки по отношению к кобелю, психологически соответствует человеческому целомудрию, классический пример которого представляет собой Венера Медичи: она отводит таз, одной рукой прикрывает срамное место, а другой — грудь. Эллис находит это эквивалентом, потому что считает: «Важным моментом в каждом случае является защита области гениталий от нежеланного сближения с мужчиной»¹. Правда, сучка отказывает, потому что она не находится в стадии рецептивное™. Первобытная женщина, наоборот, отказывает, конечно же, из-за *противоположной причины*, потому что она отказывается, находясь непосредственно в стадии предрасположенности, так как она боится, что ее сексуальная привлекательность побудит мужчину к действиям, которые они оба должны передать в распоряжение жестокости закона об инцесте. Этот страх и есть происхождение целомудрия, Эллис выделяет другие места своего учения, чтобы сдержанность женщины возбуждала в мужчине страсть; но каким образом то было возможно, если его унаследованные влечения должны были показать ему, что отказывающая ему женщина не находилась в стадии предрасположенности?

Итак, я согласен с Эллисом в том, что сексуальное целомудрие коренится в сексуальной периодичности женщины², а не в том, что она является *«непроизвольным выражением для органического факта, что для любви нет времени»**. В своем учении он считает, что течка животных соответствует периодичности женщины. Он придерживается мнения, где ставится вопрос о кокетстве среди животных женского пола, которым пользовались самки, чтобы привести самцов к наивысшему сексуальному возбуждению. Но не заблуждается ли он и в том, если думает, что кокетство — это то же самое, что и целомудренная сдержанность? Кокетство намного древнее и сильнее, чем сдержанность. Если он все-таки рассматривает сдержанность как равное явление, тогда сдержанность должна бы означать во время менструации, что сейчас настал момент! Для мужчины это будет означать не отказ, а воодушевление. Также и

¹ Ellis, И. Op. cit. P. 38.

² Ibid. P. 39.

³ Ibid.

современная женщина обычно чувствует большее расположение к кокетству в день, когда менструация позади, а не в момент ее течения; в это время она больше расположена к депрессиям и стесняется своего состояния.

Эллис объясняет кокетство фактором сексуально-нравственного сдерживания и цитирует многих других авторов, которые придерживаются того же мнения. *Я бы хотел опровергнуть эту взаимосвязь.* Моральное сдерживание содержит в себе элемент стыда, тогда как кокетство у животных не имеет с этим ничего общего, более того представляет собой форму воодушевления посредством отказа и оттягивания. Эллис приводит также мнение Монтеня о девственном целомудрии. «К чему эти уловки девического стыда, эта неприступная холодность, это строгое выражение в глазах и на всем лице, это подчеркнутое неведение тех вещей, которые они знают лучше нас с вами, будто бы обучающих их всему этому, если не для того, чтобы разжечь в нас желание победить, преодолеть, разметать все эти церемонии и преграды, мешающие удовлетворению нашей страсти?»¹ Эллис использует здесь тот же аргумент, при помощи которого он до этого доказывал, что время не пришло, чтобы теперь подтвердить то, что оно настало.

Я бы хотел отметить, что для психологов вопрос о том, соответствует ли менструация эструсу или до-эструсу у животных, не является важным. Потому что также до-эструс — в любом случае является для самцов животных знаком того, что время, когда их страсть должна быть удовлетворена, приближается, и средством максимально увеличить свое возбуждение².

Целомудрие, таким образом, возникает из сомнений в том, как поведет себя партнер, оно накладывается, как уже отметили многие авторы, как внешняя оболочка и снова снимается, как только носитель замечает, что партнер это не отвергает.

¹ [Монтень, М. Опыты: В 3 кн. — М.-Л.: Академия наук СССР, 1958. — Кн. 2. — С. 335.]

Хипп различает до-эструс или период прилива крови у животных женского пола и непосредственно следующий за ним эструс, период желания. У животных низшего уровня сексуальное общение при любых обстоятельствах лишь во время эструса, а не во время до-эструса.

В этой связи ЭЛЛИС цитирует Чосера — «Wife of Bath's Prologue»¹:

«Поверь, что женщина чуть платье скинет,
Как нету и стыдливости в помине» .

Он говорит: «это, конечно, невозможно из-за факта, что срамная часть тела является главным объектом напускной таинственности, чтобы подтвердить значение этого фактора целомудрия». Он добавляет: «но, правда, можно сказать, что срамному месту не только поэтому отводится такая роль, а потому что оно является местом выделительной функции»³. Этот многозначный вопрос требует решения. Подтверждено, что сегодня большинство людей рассматривают соседство ануса и вагины как причину их сексуального торможения, а анализы сновидений показывают, что этот конфликт в общем распространен. Но маленький ребенок, во всяком случае, воспринимает анус не как отталкивающий, и я сомневаюсь, что дети первобытных людей воспринимали его именно так.

Следует отметить, что *как раз противоположность точна и что первоначально анус из-за своего соседства с вагиной вызывал отвращение; так как величайшим ужасом и отвращением мужчины является менструация*. То же обстоятельство, конечно, имеет значение при вытеснении анальной эротики и удовольствие от обоняния мужчины. Причина противоположного мнения, пожалуй, кроется в бессознательном. Если бы отвращение в соответствии с фактами относили к вагине, то это было бы вызвано лишь благодаря вытеснению тяжелого конфликта. *Поэтому возникновение отвращения относилось к области анального отверстия, которое обладает меньшей силой сексуальной привлекательности и поэтому менее опасно*.

Хэвлук Эллис придерживается мнения, что «социальный страх человека, он мог бы вызывать отвращение, развился на этой животной основе»⁴. Лично я считаю, что Ломброзо и Ферреро,

¹ Ellis. H. Op. cit. P. 50.

[Чосер. Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. — М: Правда, 1988. — С. 302.]

³ Ellis. H. Op. cit. P. 51.

⁴ Ibid. P. 50.

которых он цитирует в примечании, гораздо больше приблизились к правильному решению. Он говорит, что они производят pudor от puderi¹, то есть от отвращения, которое вызывается тлетворными вагинальными секретами; при этом нужно отметить, что *ужас возникновения отвращения у первобытных женщин является единственным мотивом целомудренного сдерживания*, которое также и сегодня образует единственную форму стыда среди проституток². Дюрга заявляет: «какую же опасность приносят с собой раскрытие и кроме того тайные, сопутствующие любви явления! Возникает угроза разочарования, отвращения, сознания физического несовершенства, жестокости и холодности, утраты иллюзий эстетическими ожиданиями, чувственными потрясениями, которые были пережиты или лишь предполагались. Чтобы жить без целомудренной сдержанности, то есть не чувствовать страх перед испытанием любви, нужно быть полностью уверенным... Итак, допустим, что целомудренное сдерживание следует объяснять эстетической неприязнью, страхом женщины, что она не понравится или окажется недостаточно красивой»³. С большей вероятностью мы можем сделать вывод, что этот страх женщины оказаться недостаточно красивой является следствием страха, которым был поражен мужчина, когда ему после установления табу менструации было показано, что являлось главным средством очарования женской красоты и привлекательности, и это *сегодня кажется нам непостижимым*.

Я не намереваюсь заниматься здесь преобразованием понятия красоты и проповедованием целомудрия, которое идет с этим преобразованием рука об руку. Подобное смелое предприятие перешагнуло бы границы этого сочинения. Доказательство этого уже дано в первом учении, таком как развитие художественного выражения⁴.

[Pudor, puderi (лат.) — стыд, стыдиться.]

² Ellis, H. Op. cit. P. 52. (La Donna Delinquenta. S. 540.)

³ Ellis, H. Op. cit. P. 52.

Я занимаюсь здесь лишь с первичными фактами и ограничиваюсь тем, чтобы привести достаточное количество доказательств для моей теории. Чтобы воспрепятствовать критическому обвинению в односторонности, я *должен подтвердить, что я хорошо знаю, что мужской эксгибиционизм сыграл роль в порождении подлежащих обсуждению факторов*. Я надеюсь, что эта сторона вопроса будет обсуждена подробнее в следующем издании.

ЭЛЛИС заметил, что «у моды женской одежды есть двойная цель: сокрытие и привлечение, как, впрочем, иногда и у использования парфюма». Также обстоит дело с маленьким кожаным фартучком у первобытных красавиц¹. *Увеличение привлекательности на самом деле может вызывать вполне логичное следствие — ужас, отвращение*². Если бы в этом был лишь единственный мотив женской радости в украшении, мы могли бы, вероятнее всего, свести возникновение этой радости к ослаблению женской привлекательности и красоты, которое принесло с собой табу на менструацию. Оказалось, что женщина больше радуется украшению и убранству, чем мужчина.

Многие авторы доказали, что первоначальным назначением одежды было не сокрытие, а украшение тела; но материал этих доказательств малозначителен, как можно увидеть, если учесть, что девять авторов из десяти, собиравших материал о предмете, ни разу не упоминают такой фактор в жизни женщины, как менструация. Но и те, кто упоминает о ней, кажется, владеют недостаточной информацией, им сообщили об этом феномене, являвшемся табу, видимо, слишком мало. Они обращают внимание на татуирование половых органов, на использование жемчужных украшений и т. п., на другие многочисленные доказательства того, что если когда-то и происходило сокрытие гениталий, то было сделано с *целью пробудить и привлечь внимание*, а не спрятать. Без сомнения, они правы, если полагают, что украшение гениталий только повышает сексуальное возбуждение. Также следует сказать, что часто в период менструации женщины полностью закутывались в одежду и избегали любого взгляда. Но обычно в этот период вообще нельзя было увидеть первобытных женщин и обсуждать это с мужчинами, мы можем понять, как так случилось, что авторы придают большой вес и обсуждали демонстрации и украшения, которые являлись для наблюдателя более доступными и изображали людей того времени. Кроме того, нужно еще сказать, что одежда исключительным образом должна была надежно покрывать и скрывать тело, а не обнажать.

Итак, я хотел бы предположить, что одежда первоначально, пожалуй, предназначалась для того, чтобы *скрыть факт менстру-*

¹ Ellis, H. Op. cit. P. 59.

² Ibid.

ации и что для этого же предназначался определенный парфюм, но что использование этих предметов в то время, когда женщины заметили, что одежда создавала определенное побуждение, не было запрещено, чтобы привлечь объект. В древние времена женщины прятали половые органы, очевидно, в той мере, насколько это было возможно (как это на сегодняшний день делается в диких племенах) до тех пор, пока не были изолированы, и впали в противоположную крайность, стали украшать гениталии и использовать парфюм, чтобы стать привлекательнее в глазах мужчины. С этим связано также и то, что многие женщины не боятся появляться перед мужчиной обнаженными, но все-таки в реальности испытывают великий страх раздеться перед мужчинами. Тогда, если одежда однажды была применена, чтобы скрыть не поддающийся описанию стыд кровоточащих гениталий, то мы понимаем, что эта боязливость давала женщине возможность быть увиденной мужчиной в тот момент, когда она снимала свою одежду, перед тем как вымыться после окончания менструации. И когда позже женщины делали все возможное, чтобы примитивным способом показаться сильному полу привлекательными, тогда мужчина выражал свою симпатию к ней, оборачиваясь вслед за ней, но, взирая открыто, понимал, что многие черты, которые ему не нравились в женщине, именно им самим были ей навязаны.

Мы не должны упускать из вида то, что раздевание всегда значит *оскорбление*, должна ли речь идти о набедренной повязке и других предметах украшения первобытных людей или об одежде современного европейца. Эллис говорит по этому поводу: «Так было уже во времена Гомера; давайте все-таки вспомним об угрозе в Одиссее раздеть Тиро».

Интересно отметить, что если вопрос целомудрия и непорочности всегда рассматривается во взаимосвязи с точкой зрения, что женщина — это собственность мужчины, *то есть если предмет достаточно далеко отходит от доставляющего страх комплекса менструации, тогда некоторые авторы, включая Эллиса, абсолютно правильно рассматривают вопрос*. Эллис говорит в отношении этого: «Эта целомудренность так строго наложена на женщину, чтобы защитить мужчину от искушения»¹, в то время как

¹Ibid. P. 64.

Хинтон, которого он цитирует, заходит слишком далеко, полагая, что физическая сдержанность наложена на женщину мужчиной с целью сохранения его собственной силы и добродетели. Я согласен с этим определением. — Тогда Эллис говорит о языке во взаимосвязи с целомудрием, и здесь мы будем искать дальнейшие подтверждения комплекса менструации.

Как можно увидеть из ранней драматической литературы различных стран, в Европе до XVII в. в народе не возникало особой антипатии к открытому способу выражения в сексуальных отношениях. От этого правила отходит лишь одно важное исключение. Такая совершенно понятная антипатия существовала относительно менструации. Не сложно понять, почему страх применялся именно к этой функции. Здесь есть не только функция, которая ограничена одним полом, но для которой в словарном запасе этого пола есть обозначение; но что является более важным — это вера, которая возникла уже у римлян и сохранилась во всем мире на протяжении всего Средневековья¹. Обозначение «*menses*» (месяцы) — эвфемизм, многие древние научные обозначения этой функции похожим образом описательны. Что касается популярного способа самовыражения женщин до XVIII в., то Шуриг дает подробные сведения об этом². Он отмечает, что как в латинских, так и в германских странах менструация обычно обозначалась термином, который примерно равняется выражению «цветы». Менструация в действительности является цветением, предсказывает возможность более позднего плода. У немецких женщин-крестьянок для этого существует обозначение «венки из роз»³.

Что касается объяснения, используемого для выражения менструации, я хотел бы отметить следующее.

Цветы и венки, из роз: оба эти обозначения заменяют неприятное представление посредством другого, более приятного. Ставшие

См., например, *Ploft, H., Barteh, M u. P.* Das weib in der natur- und volkerkunde. Anthropologische studien... — Berlin: Neufeld & Henius, 1927. — Bd. I, XIV Также *Ellis, H.* Man and Woman. — 4 ed. — Cap. XI.

² *Schurig H* Parthenologia. — 1729. — S. 27 ff.

³ *Ellis, H.* Op. cit. P. 68.

неприятными представления о менструации скрыты, но первоначальные элементы заманчивости (привлекательность лица и запахи) обнаруживают себя еще в выборе представлений-заместителей (красивые и приятно пахнущие цветы). Также приметой является то, что здесь есть возможность рождения, она сохраняется (расцвет!)¹.

Точно такой же механизм можно наблюдать в сновидениях, где кровотокающая вагина изображена в виде цветка. Похожая символика и в индуизме — так, Smaret Prathna, Pushpinin дословно обозначает «она словно расцвела».

Румянец

С феноменом румянца тесно связаны такие понятия, как «целомудрие», «стыд», «застенчивость», «робость» и «смущение». Партридж говорит: «Весь вид краснеющего показывает, что его душевное состояние — это проявление страха. Эту точку зрения подтверждает наличие явного страха, сердцебиения, склонности к бегству и укрытию, внутреннего потрясения». Медино² подтверждает, что румянец всегда находится во взаимосвязи со страхом, — краснеющий боится того, что его тайна может быть раскрыта³.

Эллис считает: «Первоначально предпринимались попытки доказать, что *румянец* — это *пережитки общей болезненной сексу-*

Однажды знаменитая английская актриса при уходе со сцены получила букет цветов. Известный комик выходит на сцену и его появление приветствуется бурными овациями, на это он сказал: «Она ушла с цветами», и «I have come on with the clap» (clap = аплодисменты, но также вульгарное обозначение для гонореи). Мне сказали, что эта шутка вызвала неукротимый смех, какой только слышал Лондон. Следует отметить психологическое значение этой шутки; совершенно несмотря на то, что прекрасная женщина была скомпрометирована, как будто у нее рассматривали кровяные выделения, которые она старалась скрыть, и что мужчина придал гласности, что она страдает венерическим заболеванием, которого все опасаются и скрывают, но есть еще более глубокое значение в отношении между менструацией и инфекцией, которые находятся в тесной взаимосвязи, и тот факт, что между этими событиями прошли лишь две секунды.

Hall, S. Pourquoi rougit-on? // Revue des deux mondes. — 1893, octobre. Цитируется Хэвлоком Эллисом.

³ Ellis, H. Op. cit. P. 62.

альной возбудимости, от которой произошел стыд»¹. Это определение совпадает с моим собственным взглядом, возможно, что первоначально румянец берет свое начало от половых органов и тесным образом связан с набуханием².

Стэнли Холл, кажется, придерживается взгляда, который совпадает с моей теорией происхождения стыда; но все-таки он не сводит его к табу на менструацию. Эллис цитирует его: «Очевидно, Холл считает, что сексуальный румянец является заменой генитальному кровотечению, при этом чувство страха отвлекает внимание от области гениталий, например, очень часто хихиканье девушки является признаком чувства стыда; при этом сексуальный румянец — это воздействие архаичного сексуального страха; то, что румянец содержит элемент удовольствия, соответствует тому обстоятельству, что он есть результат сексуальной возбудимости»³.

Эллис цитирует фрагмент статьи: «Не думаете ли вы, что стыдливый румянец в конце концов, так же как и эрекция, в сущности, не является вазомоторным эффектом расслабления? Чувство неловкости появляется в том случае, если эта вазомоторная реакция возникает при таких обстоятельствах, которые в этот момент воспринимаются как неподходящие. Вероятно тогда, когда замечают свое неуместное возбуждение, появляется страх вызвать недовольство. Общеизвестно, что девушка краснеет, если ее осыпают комплиментами. Этот румянец, кажется, сопровож-

¹ Ellis, H. Op. cit. P. 73.

Первым признаком до-эструса, который следует отметить у млекопитающих, является набухание и поднятый тургор вульвы, затем беспокойство, возбудимость и неприятное чувство. У многих пород обезьян наблюдается прилив крови к лицу и соскам, а также к ягодицам, бедрам и расположенным рядом частям тела; иногда они набухают удивительным образом. У некоторых пород порой проявляется даже чрезмерное опухание нежных тканей в области ануса и вагины — прогресс до-эструса. В матке во время до-эструса за пролиферацией стромы быстро следует еще пролиферация сосудов стромы. Все приобретает более обильный приток крови, поверхность краснеет и сосуды проявляются в большей степени. Процесс длится до тех пор, пока вся внутренняя строма не напрягается и не инъецируется сильнее. — Менструация женщины по основным признакам идентична с менструацией у обезьян.

Hall, C. Stanley. A Study of fears // American Journal of Psychology. — 1897. — Vol. VII. — № 2. — P. [147]—249.

дается чувством удовольствия, которое не переходит в страх или отвращение, а воспринимается как притягивающее. Если же оно все-таки неприятно, то женщины говорят: "Это выглядит так, словно я не владею собой". Если подобное самообладание чрезмерно, то страх исчезает, так что вазомоторному эффекту открывается другая область и в результате возбуждения спинно-мозговых сексуальных центров возникает общее кровоснабжение. Итак, такой румянец, вероятно, является сексуальным эквивалентом, который может препятствовать другим сексуальным явлениям и в то же время предотвращать их, а также служить источником страха, являясь причиной вазомоторного возбуждения. Если отношения партнеров непринужденные, как, например, в браке, то румянец появляется не так часто, но это всегда следствие страха»¹.

Эллис, напротив, пишет: «Значение румянца и скрытое за этим эффективное расстройство как признак застенчивости указывает на факт, что, возможно, через успокоение этого расстройства чувство стыда притупляется. Другими словами, здесь мы имеем дело со страхом и в большей мере с сексуальным страхом, который желали бы скрыть, и опасались бы привлечь внимание других людей. Естественно, этот страх исчезает, даже если его явная причина не устраняется, пока не станет очевидным, что причины для страха не существует»².

В этой главе о румянце, в которой *ни Эллис и никто другой из многочисленных цитируемых авторов не упомянул о менструации*, однако как Эллису, так и некоторым другим авторам удалось сделать выводы, которые в значительной мере соответствовали моим. Я считаю это важным фактом и думаю, что авторы пришли к вполне корректным выводам, в то время как речь не идет о менструации, на табу которой покоится все человечество и препятствует авторам, так что они часто слепо противостоят правде, если в изученном материале появляется связь с менструацией.

Я уже указывал на то, что комплекс менструации коренится в принуждении и сомнении, что является совершенно обыденным в

¹ Ellis, H. Op. cit. P. 74.

² Ibid. P. 75.

природе человека и в патологических формах невроза навязчивых состояний. Я часто замечал, что многие люди, если разговаривать с ними о вещах, касающихся менструации, проявляют принуждение и сомнение, и это как нельзя лучше можно пронаблюдать в личных проблемах автора того бесценного сборника, благодаря которому я собрал материал для настоящего сочинения. Автор, приблизившись к центральным факторам, отклоняется от них и отрицает их первоначальное значение. Насколько он, например, приближается ниже к корректному решению: «Другой фактор целомудрия, который в простой жизни достигает большого развития, — ритуальный элемент, прежде всего представление о церемониальной нечистоте, которое соответствует страху перед сверхъестественными влияниями, которые, как полагают, исходят от сексуальных органов и функций. В определенной степени это может быть сведено к элементам, которые уже упоминались здесь»¹. И далее: «Через этот таинственный страх стали необходимы нарушения ритуала; несмотря на то, что они более серьезной природы, чем нарушения сексуального сдерживания и страха, чтобы вызвать отвращение, все эти элементы скапливаются, усиливают друг друга и мало отличаются друг от друга».

Преследование женщины мужчиной

Сейчас, пожалуй, лучше можно понять, почему мужчина преследует женщину. Мужчина боится своих примитивных импульсов по отношению к женщине; он создал табу, чтобы уберечь себя от нее. Во время менструации он должен отказываться от сексуального объекта. *На пути табу инцеста возникло настоящее братство мужчин; табу менструации — одна из причин той противоположности полов, которая сохранилась по сей день.* В этом мы видим верность предположения Фрейда, что общество основано на гомосексуальных связях, в то время как гетеросексуальность первоначально была направлена на разложение общества.

Мы надеемся отныне поддержать утверждение, что примитивный комплекс менструации представляет собой богатый источник амбивалентности мужчины.

¹ Ellis. H. Op. cit. P. 54.

Однако, интенсивную ненависть, которая порой направлена против женщин, нельзя объяснить этим путем. Я должен привести здесь еще неупомянутые мысли. При этом я всегда должен задаваться вопросом, *является ли обсуждаемый фактор достаточным, чтобы объяснить интенсивность реакции*. Если да, то сущность найдена, если нет, то следует искать глубже. В случае ненависти по отношению к женщинам несложно обнаружить решающие факторы. За убийством праотца последовал без сомнения долгий период, во время которого бушевала ожесточенная борьба мужчин за обладание женщиной. Так, именно их агрессивностью был открыт путь, но жизнь стала невыносимой. Так возникла заповедь «не убий», одновременно с которой появилось табу инцеста, немыслимое без нее. Так, тенденции ненависти мужчины не могли больше удовлетвориться имеющимися объектами. «Ева» была невинной жертвой, и, наконец, ненависть обратилась против нее. Мы должны предположить, что задержка агрессивного импульса сопровождалась увеличением сексуальных влечений, которые, в свою очередь, сдерживались табу инцеста, а позже возникшим из этого комплексом менструации. Мы можем найти подтверждение этому в том, что преследование обычно происходит при схожих обстоятельствах, так, как это было во время обострившегося целибата, служившего религиозному идеализму, в мирное послевоенное время, во время господства врага в завоеванной стране, чьи религиозные представления отличались от общепринятых в этом государстве. С другой стороны, вся история цивилизации показывает, что сексуальная потребность, не ограниченная циклом менструации, постоянно растет, и что необходимость удовлетворить ее кажется намного выше среди цивилизованных людей, чем среди первобытных. Здесь сказываются экономические факторы. Интенсивная энергия, которая первоначально была свободна лишь во время менструации, выражается теперь непрерывно в течение всей жизни. Любовь требует продолжить ее дань: удовольствие, периодический взрыв, преследуется периодами неактивности. За каждым табу скрыты искушения, враждебность и желание смерти по отношению к любимому человеку.

Во времена религиозного целибата над женщиной совершалась вопиющая несправедливость, например, преследование ведьм в Европе. В этом для моей теории ярче отражается возврат вытесненного, чем во всех других примерах. Никто не был более

жестоким в преследовании женщины как *источника всего зла*, чем священник, как языческий, так и христианский. Сколько невинных жизней загубила церковь в XVI—XVII вв. Она учила, что сострадание по отношению к ведьме является оскорблением Всемогущего¹. «Церковные трибуналы обрекли тысячи людей на смерть и бесчисленное количество епископов использовали все их влияние на то, чтобы увеличить число жертв. Если народ поражен одним видом массового невроза, который имел место в период преследования ведьм в Европе, то часто мы находим, что он дрожит от представленной внешней опасности, которая переносится на жертву; в этом случае жертва служит лишь средством удовлетворения жестоких импульсов, психогенез которых находится в тесной взаимосвязи с комплексом менструации».

Таким образом, влияние язычества на христианские поступки в Римской империи очевидно. Тогда господствовало ужасное представление о вечном наказании в его материальной форме. Это естественный результат возврата вытесненного, когда предполагают, что один из примитивных источников жестокости следует искать в комплексе менструации или инцеста, посредством которого прежний рай человека превратился в его ад, а величайшая сила привлекательности женщины — в ее величайший стыд и унижение. Христиане верят, что всех тех, кто принадлежит к их церкви, ждет вечный покой и что все посторонние приговорены к вечным мукам. Интересный возврат вытесненного мы видим в пророчестве Эноха. Тогда считали, что мир полон духов; некоторые ангелы были обречены на вечные муки, так как перед всемирным потоком общались с дочерьми людей и учили их *красить хлопок, а также еще более гнусному поступку, как красить лица* (в чем мы усматриваем передвижение снизу вверх). Все злые духи «пытались теперь любым способом сорвать планы Всемогущего, а их особой радостью было привлечь к себе *почитание, которое предназначалось только ему одному*»².

Все, даже самые благородные языческие божества рассматривались христианами как несомненно «сатанинские». Перевод собственных влечений мужчины к женщине также четко проявля-

Lecky, W.E.H. History of the rise and influence of rationalism in Europe. — [n.p.], 1883. — P. 6—7; *Moir, G.* Magic and Witchcraft. — London, 1852.

Выделено мной.

ется в вере, что ведьмы замужем за дьяволом, что, впрочем, было привычным заявлением на трибунале ведьм; даже в более поздние времена говорили, что у них плотские сношения с дьяволом¹. Феномен ночного кошмара, как уже само за себя говорит название, связано с этим верованием. Женщины, ведущие упорядоченную половую жизнь, верили, что, если они видели кошмар, то их посетил дьявол. Греки приписывали кошмар демону по имени Эфиальт.

Христиане Средневековья верили во всех злых духов. Они не были уж такими ужасными, как нам сегодня, вероятно, могло бы казаться; все-таки они могли бы быть изгнаны при помощи знака креста, нескольких капель святой воды или имени Марии. Видно, как регрессия массового невроза приблизила людей к их первобытным предкам². До XVIII в. во всей Европе и Америке ведьмы преследовались³ с большим рвением и непостижимой жестокостью⁴.

Мнимые преступления ведьм, а именно плотские сношения с дьяволом и его наказание с обоснованием, что это *оскорбление Всемогущего*, представляет духовное содержание, которое играет свою роль во всей истории человечества и встречается у невротиков в ярко выраженной форме. Речь идет о желании мужчины, которое представлено в мифе Эдипа (желание убить отца и иметь сексуальные отношения с матерью), о самом старом грехе, который позже под влиянием религии воспринимался как направленный против бога, против спроецированного идеала отца. Влияние религиозного идеализма заглушило все старые вытесненные чувства враждебности против отныне осознанно идеализируемого отца, так что они могут найти свое проявление в отношении к женщине.

¹ £//is, H. Op. cit. P. 87.

² Freud, S. Totem and Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 206 s.

Лэкис дал об этом с большим благоразумием статистические данные и комментарии. Он привел такое превосходное доказательство, которое определенным образом поддерживает психоаналитические взгляды, что оно не требует ни единого дополнительного пояснения.

Любая христианская вера когда-нибудь преследовала другую. Так, например, английское правительство при подстрекательстве шотландских епископов и при одобрении английской церкви преследовало пресвитерианцев в Шотландии. Им отрывали уши, обжигали горячим железом, расплющивали пальцы тисками, ломали им кости, а женщин публично бичевали на улицах и т. п. Подобные варварства могут быть доказаны и в других правительствах, и христианские секты преследовали друг друга беспрестанно.

Дьявол

ДЬЯВОЛ — это образная фигура, он представляет собой как ненавистного отца, так и сына. Сын приписывает в своей фантазии свою греховную жажду (в бессознательном) ненавистным родителям, а особенно матери. Если он верит, что они согрешили против Всмогущего, то он сам освобождается от своей вины инцеста, между тем он переносит ее на невиновную мать. Это облегчается тем, что мать позволяла приближаться к себе отцу, а не сыну, и поэтому в его бессознательном она ни в коем случае не является невинной. Дьявол, у которого есть сексуальные отношения с матерью, также является вытесненным идеалом отца и помогает понять многое в поведении сына в качестве возврата вытесненного. В фантазии он подражает сексуальной агрессии своего прежнего идеала отца, в действительности он ведет себя жестоко с окружающими. Как это объяснить? Его гомосексуальные тенденции не позволяют ему обратить свою агрессию против *отца* по двум причинам: во-первых, из-за вытесненной любви к матери, тогда он убьет этим свой первоначальный идеал матери, и, во-вторых, из-за страха перед обществом, которое первоначально возникло на основе закона «не убей *мужчину*». Но в *преследовании женщины* его жестокие импульсы выражаются открыто; они частично усилены посредством воспоминания о комплексе менструации, содержание которого хотя и было вытеснено, но его воздействие продолжает существовать.

То, что мужчина как результат замедления чувств по отношению к женщине развил гомосексуальные тенденции, должно все-таки быть приписано комплексу менструации.

Также и первобытный мужчина рассматривает женщину как властную ведьму и верит, что он во время менструации поддерживает отношения с миром духов. Прежние бессознательные источники могут принадлежать ко временам первобытно-общинного строя.

Жертва

Здесь следует обратить внимание на другой фактор. При помощи этого внутреннего механизма мужчина избежал конфликта

с отцом; при этом он успокоил его посредством жертвы. Испанская инквизиция и преследование ведьм имели жертвенный характер. Я хотел бы пояснить это при помощи сновидения одного мужчины: *«Отпей, (который уже умер) приходит навестить своего сына; в качестве подарка он приносит две пожаренные души. Он все же не отдает их сыну, а присаживается и съедает их вместе с ним»*. Здесь в сновидении проявляется вид причастия, в котором отец и сын делят между собой инкорпорацию материнского тела. Обе испеченные души представляют собой мать и сестру сновидца (мать уже умерла и сновидец бессознательно желает, чтобы его сестра тоже умерла). Так, пугающий и покойный отец возвращается с душами усопшей матери и сестры, *после чего он убивает их и запекает*. Это показывает, как сын приписывает отцу направленную на мать, садистически окрашенную, бессознательную агрессию и, таким образом, освобождается от груза собственной вины. Садистическая сексуальная точка зрения исходит от одной древней легенды, которая имела место во время наблюдения вагины; его естественная агрессивность превратилась в жестокость (регрессия к садистической стадии), в то время как любовь к матери была перенесена на прежде ненавистного отца.

Какие последствия имело бы это развитие в крайне религиозную эпоху, если бы такая личность, склонная к идеализму, предавалась бы жизни в безбрачии? Ответ на этот вопрос дает точная литература первой главы Лэкиса «История роста и влияния духа рационализма в Европе».

Если мужчина современности попадет в соответствующую душевную ситуацию, тогда, как мы знаем, серьезный невроз является почти неизбежным последствием.

Жизнь и смерть

Теперь я хотел бы привести здесь сновидение в трех фрагментах, что позволит распознать вытесненную травму детства, в то время как сновидец оживляет часть своего давно похороненного прошлого.

Фрагмент первый.

«Сновидец шел, чтобы найти старую знакомую проститутку, с намерением пообщаться с ней. Он знал, что она была милой и чистоплотной, несмотря на то, что ее вагина была сухой, а она сама уже непривлекательной. Когда она все-таки отдалась ему, вид ее гениталий показался ему омерзительным и неприятным, и *в то же время необъяснимо волнующим*».

Фрагмент второй.

«Сновидец встретил мужчину в красной шляпе, который должен был найти для него женщину, и он повел его с собой в одно место, где под надзором старой женщины находилось достаточное количество молодых, чистоплотных и привлекательных девушек. Он захотел поцеловать их клитор, но испугался заражения инфекцией. Он выбрал одну из них, стоявшую на возвышении скалы. Он положил свою руку между ее ног и с радостью обнаружил, что она правильно сложена и возбуждена. Это было для него знаком любви и умерило его страх. Но тут он заметил, что она немного кровоточила, так как у нее в это время была менструация». В этот момент воспоминание сновидения оборвалось.

Фрагмент третий.

«Сновидец шел гулять с привлекательной женщиной в черном. Она сказала, что местность (они находились в горах) очень красивая, он так не считал, так как он уже видел ее однажды, и она ему совсем не понравилась. По его мнению, бросающиеся в глаза большие, длинные красные пятна глины выглядели безобразно. Однако она обратила его внимание на красивое место с яркими цветами посреди долины. *Он взглянул в ту сторону и тотчас потерял сознание*. Когда он снова пришел в себя, он обнаружил, что он висел, держась одной рукой за вершину утеса, а женщина лежала на дороге, которая находилась выше. Он попросил ее не двигаться, потому что если бы она это сделала, то неминуемо упала бы и умерла. Но если бы он теперь только мог подняться с утеса, все стало бы хорошо и он мог бы продолжить с ней общение».

Здесь невозможно дать полный анализ сновидения. Пациент в детстве страдал от обмороков. Это сновидение представляет собой решающие события его детства. Первый фрагмент касается его матери и бабушки, к которым у него были вытесненные склонности к инцесту, и случайно увиденная им вагина послужила причиной первого обморока. Он уверенно повторяет, насколько отвратительным было зрелище, и какой *резкий запах* исходил от нее.

Второй фрагмент касается его старшей сестры, старшей на четыре года. Когда ему было четыре года, и родился младший брат, его сестра при виде тарелки с кровью, которую вынесли из спальни

матери, потеряла сознание. В своих приступах младший брат подражал этому; вскоре после этого сестра пыталась играть с ним в отца и мать; при этом он поранил пенис; кроме того, его так сильно напугал вид ее вагины, когда сестра пригрозила ему, что обрежет ему пенис, если он не сделает того, что она требует. Эта часть сновидения достойна внимания потому, что все воспоминания прекращаются при виде кровотока вагины.

Третий фрагмент иллюстрирует действительно перенесенный обморок. Мать и сестра присутствуют в сновидении. Сестра показала ему свою вагину и сказала, что она гораздо красивее, чем его пенис. На основе этого опыта сестры он создал представление о гениталиях матери. Место среди гор — вагина, которую *он* воспринимает как безобразную, а *она* — как привлекательную. Горы — это также груди матери. Место с цветами среди долины означает идеальную вагину, в то время как большие красные пятна представляют собой открытые женские гениталии, какими он видел их в реальности; тогда он воспринял это как что-то неприятное и не хотел увидеть это повторно. При реальном наблюдении вагины он подражал образу действия сестры при рождении братика и в первый раз потерял сознание. Во всех трех фрагментах мы находим противоречивые представления о чистоплотности и грязи, о привлекательности отталкивающих картин. Во втором фрагменте появляется мужчина в красной шляпе — отец, также как старая женщина — мать или бабушка, которая возбуждает его желание и при этом ослабляет замедляющие силы. Но все-таки они не могут быть удалены полностью, так как табу все же было сильным. То, что в сновидении женщина находится на вышерасположенной скале, значит, что она по причине табу инцеста недостижима для него. Когда сновидец все-таки пытается преодолеть табу, он испытывает ужас по отношению к менструации.

В третьем фрагменте женщина одета в черное и привлекательное, и таким образом объединяет представление о смерти с сексуальной привлекательностью. Это означает то же, что и контраст красивого и безобразного места, а именно перенос понятия «красивое» с гениталий на грудь и лицо, хоры представляют собой груди, в то время как красивые озера, которые были там, являются символом глаз. Цветы обозначают вагину и представляют, тем самым, общепринятую картину менструации.

Вагина действует на сновидца роковой силой привлекательности: он смотрит на нее и теряет сознание. В тот момент, когда он висит, держась одной рукой за вершину скалы, он видит смерть; в то же время его мать в черном, также представляющая смерть, лежит на близкой, безопасной дороге. Он просит ее не двигаться, иначе она упадет. Здесь мы видим борьбу с желанием и его переносом на мать. Собственно подразумевается: не двигайся или я умру! И тогда есть еще одно примечание, что он, когда поднимается к скале, таким же образом может преодолеть табу инцеста, будет иметь с ней отношения. Но она также и на скале недостижима для него, и у него нет сил приблизиться к ней.

Ненависть и невроз навязчивости

Теперь я предполагаю, что все явления, которые относятся к анальной эротике, соответствуют регрессивному переносу генитальной эротики. То обстоятельство, что мы ничего не знаем о комплексе менструации, привело к следствию, что многие явления мы первоначально воспринимаем анально, которые в действительности через регрессию уже достигнутой генитальной стадии осуществились на анальной. Мне кажется, например, что в вопросе психогенеза ненависти мы должны научиться видеть кое-что по-новому, так же как и в садизме и некоторых других важных вопросах.

Один из значительных источников принуждения и сомнения в этом конфликте наверняка находится между сексуальным желанием и препятствующим страхом смерти, соответствующим психическому состоянию сына первобытной общины перед убийством отца; с появлением сочинения Фрейда «Тотем и табу» это состояние стало классическим. Джонс считает, что какая-либо унаследованная связь должна возникнуть между ненавистью и анальной эротикой, которая особенно четко проявляется в неврозе навязчивости¹. Мы надеемся, что наши размышления могут разъяснить также существование этой унаследованной взаимосвязи.

Jones. E. Hafl und Analerotik in der Zwangsneurose // I. Z. P. — 1913. — Bd. I. — [S. 425—430.] — S. 427.

Джонс сделал интересное наблюдение, «что мы никогда не питаем ненависти к человеку, который ни коим образом явно не выглядит сильнее нас *или в каком-то отношении держит нас в своем подчинении*»².

Кажется, ненависть в первую очередь развилась против праотца, который отделил мать от сына и других женщин общины. Но мать также была для сына великой искусительницей, которая пробуждала в нем желание убить отца для того, чтобы он мог удовлетворить свои склонности к инцесту. Все-таки позже устрашающее и предостерегающее табу менструации превратили позицию матери в интенсивную ненависть, в то время как сын страдал от бессознательного чувства вины и, возможно, тосковал по своей прежней безопасности.

Первоначальное отношение к отцу было отношением соперничества, но страха перед последующей в качестве наказания смертью предположительно еще не существовало. Он возник лишь с введением закона об инцесте. Вместе с ним в силу вступили и другие факторы, главным образом, ужас и вина, и превратили ненависть из первоначального выражения сексуального соперничества в высоко-развитое произведение со сложным психогенезом.

Джонс² считает, что ненависть развивается сначала против имаго поздних объектов любви, так что способность любви уже при их прохождении «замедляется или уничтожается». Если это верно, тогда, на мой взгляд, проблемы усугубляются. Но будем следовать нашей гипотезе дальше, не углубляясь во все детали.

Если это определение верно, тогда, я думаю, мы должны предположить, что ненависть развилась по отношению к матери как результат потребности сына в инцесте, и хотя до смерти праотца, в случае последующей беременности, мать пренебрегала сыном и презирала его, но несмотря на это он должен был перестать страдать и развить в себе необходимую энергию, чтобы в скором времени стать самому отцом общины. Это не больше чем гипотеза, но исследования поведения животных женского пола по отношению к их детям мужского пола в определенной степени ее подтверждают.

Выделено мной.

²/ones,£.Op.cit.S.428.

Но мы не должны забывать о том, что еще раньше ненависть была направлена против праотца, который оказался не в состоянии выступить между мужчиной и его желанием. Мы не должны упускать из виду то, что сын с успехом восставал против отца, в то время как оба нарушали табу древнего общественного порядка.

Интенсивность этой ненависти имеет очень большое значение и является решающей для серьезности последующего комплекса менструации. Джонс считает возможным объяснить связь с анальной эротикой, почему невроз навязчивости чаще встречается у мужчин, чем у женщин. Здесь я не могу согласиться с ним, так как считаю, что генитальный комплекс кастрации и менструации имеет значительно большую значимость, чем анальная эротика, и что эти комплексы вызывали лишь регрессию к анальной стадии. Предполагая, что ненависть первоначально возникла в связи с анальной эротикой, мы, пожалуй, ошиблись. Утверждение, что вагина отвратительна по причине ее близкого расположения к анусу, согласно моей точке зрения, следует считать верным. Нет никаких доказательств того, что ненависть возникла сначала в связи с анальной эротикой, но я думаю, что достаточным доказательством этого является *табу менструации*, что взгляд женщины во время менструации *внушил мужчине страх, ужас и отвращение*. Мы не должны отказываться от этой теории, пока кто-нибудь не опровергнет ее.

Автор никоим образом не хочет представить анальную эотику как незначительную, в особенности он убежден в ее значимости в воспитании и формировании характера. Мы только хотим немного поправить нашу оценку значимости анальной эотики. Она стала важной лишь только после регрессии на уже достигнутой генитальной стадии. Очевидно, что переживания во время анальной фазы в детстве фиксируются и могут облегчить последующую регрессию из-за страха кастрации.

Лун надежды

Ференци¹ говорит: «на самом деле удивительно, насколько сильно современные мужчины утратили склонность и способность

Ferenczi, S. Zur Nosologie der männlichen Homosexualität (homoerotik) (1914) // I. Z. P. — 1914. — Bd. II. — S. 131—142.

к взаимной нежности и любезности. Вместо этого среди мужчин господствует ярко выраженная резкость, сопротивление и страсть к ссорам». Он толкует эти симптомы как признаки общей склонности к вытеснению по отношению к гомосексуальным побуждениям. Хотя ребенок в ходе своего развития также повторяет психический филогенез человечества, то, если мы хотим понять эти факты, нам следует освободиться от представления отдельного современного невротика и вернуться к нашему учению о массовом неврозе народа в целом, потому что индивид со всеми своими регрессиями не дает полной картины филогенетического прошлого. Многочисленные имеющие значение для филогенеза симптомы регрессивного характера, так же как и комплекс менструации, могут исчезать из индивидуального невроза как явные активные факторы и лишь необыкновенным образом существовать как очень сильные бесконфликтные тенденции. Я хотел бы предположить, что упомянутое Ференци культурное явление также отчасти приписано уменьшению страха мужчины перед женщиной; оно постепенно возвращается к своей агрессивности. Если это предположение верно, оно все-таки может быть оспорено в некотором смысле, тогда мы должны ожидать фазу, во время которой склонность между мужчинами в еще большей мере уменьшается и их манера поведения по отношению к обоим полам станет еще менее амбивалентной. Мы должны принять эту стадию, потому что это означает естественную ремиссию невроза человечества, распространившегося по всему миру (а именно страх менструации), возможно, начало величайшего прогресса, которого достигло человечество, — первый настоящий результат совместной деятельности современной науки. Этого хотелось бы ожидать, и факты, которые привели к этим мнениям, кажется, позволяют сделать эти многообещающие прогнозы. Правда, я не настолько оптимистичен, чтобы верить, что подобная перемена может произойти так быстро. Мужчине это будет необходимо в том случае, если он сможет от своей вытесненной враждебности к женскому полу шагнуть в сторону враждебности по отношению к своему собственному полу. Я не считаю, что если бы мы при этом опасались отрицательных последствий, то речь шла бы не о регрессии, а о решении нашей сложнейшей проблемы. Если бы такое усиление агрессивности происходило вместе с преодолением глубоко укоренившихся чувств страха и ненависти, с уменьшением жестокости при одновременно

растущей независимости, тогда мы могли бы надеяться на приближение настоящей дружбы между полами, основанной на взаимопонимании, а не на страхе.

Гипотеза о возможном самоизлечении невроза допустима. Так же как у природы есть иммунитет против инфекционных заболеваний, так и в сфере психического она постепенно преодолевает невроз, если он достиг своей цели; конечно, целью невроза может быть и уничтожение человека, чтобы освободить путь более высоко-развитому искусству, но я не придерживаюсь этой пессимистической точки зрения. Психоаналитическое понимание «сублимации» указывает путь, где возможно дальнейшее развитие. Но сублимация может быть так же важна, как и устранение тех преград, которые лишают нас возможности свободного распоряжения нашей энергией влечений и с этим возможности дальнейшей сублимации.

«Признание окружающего мира, то есть согласие на неудовольствие, возможно лишь до тех пор, пока включается защита вызывающих неудовольствие объектов и их отрицание и когда их привлекательные черты приписываются "Я", преобразуются во внутренние влечения. Сила, осуществляющая эти преобразования, является при расслоении влечений свободного Эроса»¹.

Кто знает, какие возможности откроются роду человеческому, если он научится терпеть внутреннее страдание, устранять иллюзии и обращать внимание на правду?

Ferenczi, S. Das Problem der Unlustbejahung. Fortschritte in der Erkenntnis des Wirklichkeitssinnes (1926) // I. Z. P. — 1926. — Bd. XII. — S. 241—252.

4. РОЛЬ МЕНСТРУАЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ФИЛОГЕНЕЗЕ И ОНТОГЕНЕЗЕ¹ [1943]

Часть I

Психические реакции современных групп и индивидов были сформированы прошлыми событиями. Психоанализ делает попытку реконструкции этих событий, рассматривая сексуальную эволюцию, социальное поведение и психоневротические тенденции в связи с функциональными нарушениями, и делает это, главным образом, через исследование онтогенетического развития индивида и адаптируемости к социальной обстановке и через рассмотрение вовлекаемых сил и психических механизмов.

Фрейд неоднократно привлекал внимание к недостаточности нашего знания определенных аспектов психической эволюции, особенно эволюции культуры как специального процесса, сопоставимого с нормальным ростом человека к зрелости (см., например, «Недовольство культурой»). Если мы хотим понять ценность признания этой недостаточности, он убеждает нас штурмовать другую проблему и ставить вопрос: «Благодаря каким влияниям появляется культурное развитие, каково его происхождение, чем определяется его течение?»²

Значительно расширенный доклад, прочитанный на Четырнадцатом Международном психоаналитическом конгрессе (Мариенбад, 1936). Доказательство в поддержку теории, данное здесь схематично, позже будет издано в форме книги.

² *Freud, S. Das Unbehagen in der Kultur (1930a [1929]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 419—506. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1991с. С. 96.]*

Данное исследование наиболее подробно имеет дело с первыми двумя из этих трех факторов и делает специальную ссылку на генезис амбивалентности, страха инцеста, садизма и мазохизма. Попытаемся пролить немного света на причины трансформации инстинкта, которые привели к эволюции в человеческой культуре.

Фрейд, в «Тотем и табу», проследил источники культуры настолько, насколько психоанализ понимал их тогда, заботясь о том, чтобы очень четко указать существенные пределы нашего знания. Таким образом, он писал: «Я не могу указать, где в этом развитии находится место для великих материнских богов»¹. Это было эквивалентно высказыванию, что психоанализ должен был все же раскрыть роль, играемую сексуальностью матери в онтогенетической эволюции. Далее: «Нам так часто случалось открывать амбивалентность чувств в настоящем смысле, то есть совпадение любви и ненависти к одному и тому же объекту, в основе значительных культурных образований. Мы ничего не знаем о происхождении этой амбивалентности»². Хотя мы можем расценить это утверждение частично как пример прирожденной скромности Фрейда, все же это факт того, что связь источника данной амбивалентности с женской сексуальностью не была тогда полностью объяснена, хотя его связь с вытеснением инцеста и отцовским комплексом была известна. И снова: «Чувствуешь себя по окончании исследования вынужденным согласиться с непретенциозным замечанием Фрэзера, а именно, что нам не известно происхождение страха инцеста, и мы даже не знаем, что об этом предполагать. Ни одно из предложенных до сих пор решений загадки не кажется нам удовлетворительным»³. Это утверждение ясно показывает, что осталось решить еще значительную часть проблемы.

Фрейд снова обратился к недостаточности знаний о женской сексуальности и реакции на это мужчин в лекции «Женственность» в своих «Новых вводных лекциях по психоанализу»⁴.

¹ *Freud, S. Totem and Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 206 s. Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1991а. С. 338.]*

² [Там же. С. 346.]

³ [Там же. С. 315.]

Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]) // G. W. — Bd. XV. — S. 119—145.

Следующий подход, который немного отличается в направлении и, возможно, больше в точном определении от моих ранних исследований¹, является дальнейшей попыткой шире показать генетический источник этих проблем и обеспечить биологическое основание для обсуждения клинического материала.

Так как одним из общепризнанных объектов психоанализа является лечение неврозов, порождающее новое овладение инстинктами, где вытеснение терпит неудачу, то это же должно быть применено для получения столь полного знания, насколько возможно из судьбы инстинктов в ходе восходящих тенденций и онтогенетической и филогенетической эволюции.

Мы знаем, что существуют два значительных препятствия в наших аналитических опытах: первое затрагивает все еще не полностью открытые источники неврозов со специфическим отношением к страху инцеста, амбивалентности и конфликтным тенденциям аффектов; другое — универсальные защитные механизмы, которые так или иначе препятствуют нашему пониманию этих явлений, которые, кажется, связаны с неизвестными или недостаточно понятыми событиями в нашем доисторическом развитии. Наше знание о происхождении табу, подобное таковому о неврозах, является все еще неполным; и, казалось бы, там все еще остается часть нашего похороненного Ид, которое будет привнесено в сознание, если тенденции к индивидуальным неврозам, с одной стороны, и расовые вспышки невротичного и параноидного характера, с другой, должны быть поставлены под больший контроль — если разум, наконец, одержит победу над слепой реакцией.

В наших научных наблюдениях и догадках мы склонны к ошибке. Те универсальные защитные механизмы, наследники табу, заставляют упустить этот сравнительно легкий для нас материал, значение которого иначе было бы очевидным; следовательно, можно сказать, что «самые простые истины являются часто последними, в которые верится». Легче рационализировать, а не анализировать и объяснять правильно, разрабатывать, а не редуцировать до простейших

Daly, CD. Hindu-Mythologie und Kastrationskomplex // Imago. — 1927. — Bd. 13. — S. 145—198; Idem. Der Menstruationskomplex // Imago. — 1928. — Bd. 14. — S. 11—75.

понятий, ссылаясь только на два из многочисленных заблуждений, с которыми должен бороться научный поиск истины.

Как точно выразился Фрейд: «В таком случае Я оказывается парализованным своими ограничениями или ослепленным своими заблуждениями в отношениях к Оно, а результат психического события будет таким же, как если бы кто-то, кто не силен в ходьбе, отправился гулять по незнакомой местности»¹. Мы все — плохие ходоки, однако позвольте нам повернуть наши запинаящиеся шаги снова в направлении того глубокого Ид-материала — когда-то главного объекта психоаналитического исследования. Чем сильнее мы способны проникнуть в глубокие тайны Ид, тем более отчетливее, в конечном счете, будем понимать причины амнезии и внутренней диссоциации.

В начале моих исследований я был под воздействием глубинного материала, который вырвался из моего бессознательного после продолжительного самоанализа. В отсутствии какого-либо психоаналитического знания, чтобы направить меня — тогда из-за незначительного внимания или его отсутствия, которое психоанализ уделял роли, играемой менструацией в *онтогенезе* эволюции, — я обратился к физиологии и антропологии в поисках информации, связанной с моими личными открытиями и параллельным материалом, который я наблюдал в индуизме. Тогда я руководствовался ошибкой, которую теперь хочу исправить: из исследований уже имеющейся литературы по физиологии я принял без сомнения современное открытие большинства физиологов, что аналогия между течкой у животных и менструацией у обезьян и женщин представлялась более полной, чем теперь подтверждается имеющимися реальными фактами.

Я надеюсь, что смогу по ходу статьи до некоторой степени разъяснить этот очень неясный предмет.

Наука зашла в тупик: 1) относительно причин постепенной эволюции течки у более низших животных в менструацию приматов, и 2) относительно причин психологических реакций, связанных с последней у мужчины и женщины.

¹ Freud, S. Die endliche und die unendliche Analyse (1937c) // G. W. — Bd. XVI. — S. 57—99. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1998. С. 40.]

Наш подход начнется с более биологического и физиологического, нежели психологического; все же, это приведет нас, в конечном счете, к сердцу нашей проблемы. Хотя некоторое понимание физиологии данного процесса развития не объяснит нам какие-либо психические торможения или социальные и патологические нарушения, связанные с этим, все же такое знание необходимо для адекватной оценки затронутых проблем, в которых физиологические и психические процессы имеют близкое сходство и влияют друг на друга.

Первичные биологические причины изменений в физиологическом процессе до сих пор остаются неясными, несмотря на то, что в последние годы физиология сделала очень значительные успехи относительно знания о железах секреций, которые непосредственно воздействуют на сам процесс.

Позвольте нам сначала рассмотреть полученные данные более ранних исследовательских работ по этому вопросу. Согласно Хэвлоку Эллису¹, менструация в прошлом, как предполагалось, происходила из-за ритмичного сокращения матки, в результате «несостоявшейся» подготовки к зачатию, своего рода миниатюрных родов, аборта децидуальных оболочек. Считалось в соответствии с фактами, что весь до-эструсный процесс течки у животных является естественной подготовкой для внедрения яйцеклетки².

Давно определили, что повторяющийся эструс неоплодотворенных животных в условиях неволи был несколько сопоставим с менструацией у приматов, включая людей. Это наводит нас на идею, что, возможно, в отдаленном неясном прошлом это была некоторая форма фрустрации, которая, вмешавшись в оплодотворение, вызвала физиологическое изменение у женщин, приведя к возобновляющимся менструальным циклам, заменяющим периодичность так, как происходило у приматов; но если так, то наука в настоящее время знает немного или ничего из обстоятельств, которые послужили причиной данного изменения. Это покажется крайне невероятным, однако среди наших предков предчеловеческая менструация была нечастой — так как постоянно вмешивалась беременность, сопровождающаяся длительной лактацией.

Ellis, H. The Phenomena of Sexual Periodicity // Ellis, H. Studies in the Psychology of Sex. — [n.p.] — 1899. — Vol. I.

² *Ibid.* 94 f.

Мы также знаем мало причин ежемесячного ритма менструации у людей, хотя это в большинстве случаев поддерживалось, следуя за Дарвином, тем, что связывалось с лунными изменениями. Наблюдалось, что это лунное ежемесячное изменение отмечалось только у человеческих видов, хотя менструация встречается с изменяющимися интервалами у обезьян. Среди некоторых человеческих рас, вследствие особенно суровых климатических условий, это происходит или в более длительных интервалах, или находится во временном ожидании зимой, как у эскимосов, лапландов, гренландцев.

Состояние, упомянутое как менструация, есть часть непрерывного процесса, фактическое кровотечение, являющееся просто кульминационным моментом цикла, который находится в постоянном приливе и отливе. Среди более низших животных, главным образом, встает вопрос о зависимости времени размножения от сезонного влияния климатических условий, распространенных в определенной стране.

Как несовершенно наше понимание человеческого феномена, так наше знание соответствующего феномена среди обезьян даже более фрагментарно, вследствие трудностей наблюдения в подходящих условиях (то есть в диком состоянии), и эта неясность привела к бесконечному противоречию. Эструсный цикл у более низших млекопитающих лучше понят вследствие того факта, что наблюдение и эксперимент были легче. Течка, или эструс, у более низших животных разделена на две фазы: до-эструс, который мы уже отметили как предварительную фазу для вызревания яйцеклетки, и эструс — достигающее кульминации событие в фолликулярной фазе, когда происходит овуляция и самка допускает копуляцию. Это состояние, периодическое у большинства низших млекопитающих, возникает один или два раза в течение года, обычно весной или осенью. Имеется значительная прогрессия к верхней границе этого явления, когда мы приближаемся к нашему собственному родственному зоологическому ряду. Прогрессия не только к большей частоте, к более высокой эволюции, но также к изменениям характера выделения. Чем более высоко развито животное, тем более обильно менструальное течение; пока мы не встречаем обезьян, где этот аспект выделения хорошо отмечен. У человека еще более усиливалось кровотечение, и сезонная периодичность была полностью заменена ежемесячным циклом,

хотя сезоны все еще имеют некоторое влияние в психической сфере на либидинозные и агрессивные инстинкты, которые затрагивают спаривание.

Вышеупомянутые заметки, в значительной степени выбранные из компиляции Хэвлока Эллиса¹, суммируют главные заключения, достигнутые приблизительно около двадцати пяти лет назад, и аналогию между течкой и менструацией, которая тогда была обозначена. Была, однако, как он указывал², тенденция со стороны определенных исследователей, например, Лоусона Тайта, Берда и т. д., отрицать эту аналогию на том основании, что женщины не имеют склонности сближаться с мужчинами во время менструации, — заявление, которое кажется правильным для большинства женщин в этой фазе нашей культуры. Хэвлок Эллис возражал против данных аргументов, говоря, что многие женщины имеют в это время сильные склонности, но тормозят их раскрытие в результате страха пробудить *социальное неодобрение* и отвращение конкретного мужчины. Однако он привлек внимание к тому, что сам называет поразительным фактом (которому я также уделил значительное внимание в моих более ранних публикациях, но который я тогда понимал не лучше, чем он), что, в то время как у большинства животных период течки — это единственный период сексуального взаимодействия, среди всех человеческих рас, от самой низшей, время менструации, аналогичное течке, является тем временем, когда сексуальное взаимодействие, главным образом, строго запрещено, обычно с серьезными наказаниями — вплоть до смерти. Он сказал, что это было социальным, а *не* физиологическим фактом; таким образом, он подверг *сомнению* основания, в которых те авторы пытаются отрицать аналогию между течкой и менструацией. Это было, как мы теперь видим, небольшая корректировка, хотя неадекватно понималась с обеих сторон в обсуждении. Я, надеюсь, буду способен показать в дальнейшем, что избегание мужчиной в течение периода женщины обусловлено различными причинами: частично фактом, что это не (как предвительно предполагалось) естественное время для конъюгации, а

Ellis, H. The Phenomena of Sexual Periodicity // Ellis, H. Studies in the Psychology of Sex. — [n.p.] — 1899. — Vol. I.

² *Ibid.* P. 98.

главным образом психологическими факторами, принадлежащими к универсальному страху крови и ассоциации этого страха с вытеснением инцеста. Очень важные достижения, к счастью, с тех пор делались в нашем знании и физиологами в физиологии сексуальных процессов, и психоаналитиками в психологии тормозящих факторов, хотя роль менструации как тормозящего фактора получила лишь немного внимания, кроме исследований Гроддека¹, Мэри Чэдвик² и моих собственных³. (Ранний единственный результат некоторой значительной ценности относительно табу был внесен антропологии.)

В течение прошлых нескольких десятилетий экспериментальные физиологи значительно продвинулись вперед в нашем знании о физиологических аспектах этих явлений. Довольно полное резюме полученных ими данных представлено Цукерманом⁴.

Отличное обобщение исследований по физиологии последних лет представлено Робсоном⁵, который, с точки зрения ортодоксального представления современного знания о физиологии менструального цикла, удовлетворил давно ощущаемую потребность и обнаружил различные факторы, о которых мы не знали, когда я писал мою зачаточную работу о комплексе менструации. Он замечает: «Хотя был сделан большой прогресс в понимании причинности морфологических изменений, связанных с сексуальными и репродуктивными циклами, факторы, ответственные за активизацию спаривания и материнских рефлексов, в значительной степени все еще неясны»⁶. Однако он не принимает во внимание другие психические факторы,

Croddeck, C. (1923) *The book of the it.* — N. Y., Washington: Nervous and mental disease publishing company, 1928. — 244 p.

Chadwick, M. *The psychological effects of menstruation.* — N. Y., Washington: Nervous and Mental Disease Publishing Company, 1932. — 70 p.

Daly, CD. *Hindu-Mythologie und Kastrationskomplex // Imago.* — 1927. — Bd. 13. — S. 145—198; *Idem.* *Der Menstruationskomplex // Imago.* — 1928. — Bd. 14. — S. 11—75.

Zuckerman, S. *The social life of monkeys and apes.* — N. Y: Harcourt, Brace, 1932. — 356 p.

Robson, J. *Recent advances in sex and reproductive physiology.* — L.: J. & A. Churchill, 1934. — 249 p.

⁶ Ibid. 4 f.

обнаруженные антропологией и психоанализом, которые ответственны за *торможение* сексуальности и играют столь важную роль, как причинные факторы болезни, в тех самых нарушениях сексуальной сферы, для понимания которых так полезна его работа.

Когда мы обратимся к психологической литературе этого же периода, мы найдем, что значительное движение было сделано в нашем знании по психологии этих тормозящих факторов, главным образом психоаналитическим исследованием, но здесь психоанализ работал также без знания недавних достижений в физиологии. Будем надеяться, что эта статья в некоторой степени приведет представления антропологов, психоаналитиков и физиологов к большому согласию.

Чтобы получить четкое понимание ситуации, мы должны рассмотреть течку, то есть до-эструс и эструс животных, в отношении к целостному менструальному циклу человека, вместо только того, что касается ежемесячного течения¹. Тогда будет замечено, что аналогия между течкой и менструацией требует дальнейшего анализа и что менструальное кровотечение не полностью аналогично течке животных, а только частично, что Робсон так четко демонстрирует.

Согласно ему, «изменения в матке, вызванные активностью желтого тела², составляют подготовку для нидации оплодотворенной яйцеклетки. Если происходит нидация, и следует беременность, изменения из-за желтого тела продолжаются. Однако при отсутствии беременности прерываются маточные изменения, и происходит перерождение оболочки матки, составляя менструацию»³. Эта концепция менструации поддерживалась в течение нескольких лет физиологами — она предполагает, что «процесс дегенеративен и совершается в пролиферировании эндометрии. Инициирование менструации пассивно по своему характеру зависит от сравнительно внезапного прекращения секреторной деятельности желтого тела»⁴.

[Ежемесячное течение — выделение у женщины до формирования и установления менструальной цикличности.]

[Желтое тело — временное железистое образование у млекопитающих животных и человека, развивается в яичнике после овуляции.]

³ Robson, J. Op. cit. P. 95.

⁴ Ibid.

Таким образом, заметим, что менструация не является естественным временем для оплодотворения, как эструс у более низших животных, а следует из-за отсутствия оплодотворения и нарушения связи физиологического процесса, аналогичного течке, в результате неоплодотворения. Когда оплодотворение имеет место, менструация прекращается.

Один фактор, имеющий специфическое отношение к нашему обсуждению, и другой, который стимулировал мой личный интерес и представления, — биологическая функция до-эструса животных, которому наука пока посвятила лишь немного внимания. Зрительные, обонятельные и вкусовые раздражители возбуждают мужской сексуальный импульс, и через это возбуждение самец производит впечатление либидинозно привязанного к самке, до тех пор пока оплодотворение имеет место в эструсе, если не прогонится соперником. Эта привлекательность, однако, по мнению некоторых физиологов, независима от инстинкта спаривания, который предшествует, очевидно, ей у многих видов стадных животных.

Хипп¹ давно заявил веру в то, что период менструального течения у женщин соответствовал застойной стадии или до-эструсу самок, то есть периоду, когда самка привлекает самца, но не разрешает проникновение. Но у животных эструс или период сексуального желания самки немедленно следуют за до-эструсом и он прямое следствие того; тогда как указано выше, современная физиология показывает, что менструация является прерыванием процесса вследствие неоплодотворения.

Казалось бы, у некоторых животных есть прямая связь между овуляцией и рецептивностью, в то время как у других коитус вызывает овуляцию (например, у кошки, хорька, кролика). Консенсус во мнении относительно овуляции и у женщины, и у обезьяны заключается в том, что это происходит обычно на полпути между периодами, но со многими исключениями в случае с человеком. Хорошо признанные авторитеты, все еще придерживающиеся других взглядов и полного непонимания явления овуляции у человека, должны позаботиться о

дополнительных и более точных данных. Утверждается, что в промежуточное время, между последовательными менструациями в человеческом яйцевом (Шнайдер), происходят быстрые мускульные сокращения, и при сравнении с другими млекопитающими предполагается, что такая повышенная активность коррелирует с проходом вниз яйцеклетки (Вестман). В течение первого периода течки у большинства более высших животных, например, собак, самец следует за самкой, нюхая и облизывая женский орган; он очень агрессивен и борется с другими назойливыми самцами¹. Самка разрешает *предудовольствие*, но энергично сопротивляется попыткам проникновения со стороны самца до овуляции, то есть соответствующее время для оплодотворения настало. Оба пола в это время очень легковозбудимы.

Эструсный цикл важен, потому что он отвечает за самые поразительные внутренние изменения, оказывающие влияние на поведение самки, также предоставляет самцу некоторые из самых мощных либидинозных стимулов, одновременно призывает к деятельности агрессивный компонент сексуального инстинкта и приводит к совершенному овладению объектом и к сексуальному союзу.

Некоторые физиологи сравнили эструсные циклы у более низших животных с менструальным циклом человекообразных и низших обезьян, а также женщин; однако они не обозначают, насколько я знаю, достаточно обоснованные, очень важные изменения в поведении, которые следовали из вытеснения инцеста у людей. Лишь изменение в реакции мужчины по отношению к женской сексуальности является известным различием между размножением людей и обезьян².

Эти аспекты удовольствия до-эструса находятся в природе чувственных восприятий, которые в психоанализе мы в настоящее время более склонны связывать с оральной и анальной фазами, где они более легко наблюдаемы, нежели чем в фаллической и генитальной фазах.

Этот вопрос *поведения и реакции*, возможно, является наиболее специфичной областью для антропологов и психоаналитиков, нежели для физиологов. Первые из них до появления психоанализа уже собрали наиболее ценный материал об инцесте и табу менструации, но психоанализу осталось объяснить важность параллельного материала в онтогенезе и роль, которую инцест и табу менструации играли в психоневрозах, и, таким образом, далее пролить свет на получен-

Самые важные открытия в области физиологии последних лет касаются вопроса гормонов, с деятельностью которых близко связано сексуальное желание (которое психоанализ обозначает как либидо). Различия между *поведением* у более низших животных и тех человекообразных обезьян и обезьян, как говорят, зависят от различной степени деятельности рут-гармонов.

До-эструсное поведение (чтобы не перепутать со временем копуляции), которое до сих пор отмечается среди низших и человекообразных обезьян¹, почти исчезло у взрослых людей. Главным образом остается только — поскольку глубоко стремится в Ид, в то время как в Эго это связывалось с реакцией, — формирование стыда, отвращения и вины, предыдущая привлекательность и удовольствие, принадлежащие до-эструсу, становятся в значительной степени неудовлетворительными, отвратительными и омерзительными по отношению к чувствам через вытеснения, связанные с запретом инцеста, укрепившись анальными вытеснениями, которые были одними из наиболее поздних следствий человеческой культуры.

Я предложил бы только как гипотезу, что среди предчеловеческих мужчин менструальное кровотечение женщин было одним из факторов, который пробуждал агрессивность к конкурентам, нежность и собственничество к женщинам.

Частичная фрустрация инстинктивных импульсов формирует важное функциональное основание неврозов, полное понимание

ные ценные данные антропологии, результаты которой, однако, за небольшими исключениями, не включали достаточного знания о бессознательном функционировании. Теперь это лежит на нас, изучить и объяснить онтогенетические реакции обоих полов в этом отношении и влияние этих реакций на современное человеческое развитие и, со знанием психоанализа, в области антропологии проследить эту эволюцию.

Сексуальная привлекательность самки обезьяны, согласно Цукерману, «не постоянно, но ритмично изменяется... Это усиливается... приблизительно к середине менструального цикла, но, хотя привлекательность сильно снижается в другие периоды, все же полностью никогда не отсутствует»^{1а}. Таким образом, сексуальная привлекательность усиливается ближе ко времени овуляции, и, если данное открытие правильно, как заключили многие наблюдатели, то это соответствует волне желания женщины, у которой это происходит ближе к тому же самому времени.

^{1а}1 Zuckerman, S. Op. cit. P. 55.

которого было скрыто от нас вследствие универсальных защитных механизмов, присущих табу. Это замечание находится в соответствии с тем, что говорит Фрейд:

«Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения. У меня все время создается впечатление, что из этого неподлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали для нашей теории. А здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, и я не продвинулся здесь дальше»*. (Курсив мой. — К. Д. Д.)

Это — Фрейд в оптимистическом настроении и очень ободряющий. Метод исследования, который он так хорошо и точно выковал, может, в конечном счете, помочь нам раскопать все еще более глубокие факторы Ид, по отношению к которому цель этой статьи является вкладом.

Возможно, что мы никогда не будем знать причины эволюционного изменения в физиологии женщины от состояния течки у более низших животных до менструального периода обезьян — изменение, которое находится в области биологического исследования. Возможно, пока мы можем оставаться довольными, если сумеем показать то, что вызвало дальнейшее и, по-видимому, почти *в наименьшей степени* отличающееся изменение между условиями размножения непосредственно пред-человеческого и человеческого существования — изменение, в котором заинтересована психология.

Фрейд в «Недовольстве культурой»², после чтения моих начальных исследований, упомянул мою работу в двух сносках.

Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]) // G. W. — Bd. XV. — 208 s. [«Новый цикл лекций по введению в психоанализ».] [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1989. С. 346.]

² Freud, S. Das Unbehagen In Der Kultur (1930a [1929]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 419—506.

Однако эти заметки не выражают моего личного мнения, я не согласен с ними; они были его собственными размышлениями по поводу прочтения двух моих статей, позднее изданных в «Имаго»¹. Он опирался на факт, который я подчеркнул, что, хотя периодичность сексуального процесса исчезла, все же влияние на внутреннее сексуальное возбуждение почти полностью изменилось. Прежде всего, он связал это изменение со снижением важности обонятельного раздражителя, которое следуя его ранним работам, он предположил как возникшее из-за подъема человека с земли². Согласно этой теории функция обонятельного раздражителя, которая предварительно служила причиной сексуального возбуждения в психике мужчины, была принята зрительным раздражителем, который мог работать постоянно, а не периодически, как обонятельный. Далее он выдвинул гипотезу, что табу менструации имело происхождение в этом органическом вытеснении, следующим из подъема человека с земли, которое действовало как защита от уже преодоленной стадии развития.

Однако это можно аргументировать тем, что табу менструации (не сама менструация), должно быть, имело значительно более позднее происхождение, чем принятие человеком вертикальной походки. Я надеюсь, у нас существуют достаточные основания, чтобы заключить, что табу принадлежит анимистической фазе эволюции, которая следовала за вытеснением инцеста с инкорпорацией страха кастрации в человеческой душе. Фрейд, по моему мнению, был намного ближе к истине в своей более ранней работе «Тотем и табу»³, в которой, вопреки позднейшей гипотезе, он определенно заявил (без сомнения после Фрэзера и других антропологов, которые сделали тот же самый вывод), что «бесчисленные предписания табу, которым подчиняются женщины дикарей во время менструации, мотивируются суеверным страхом крови»⁴ —

Daly, CD. Hindu-Mythologie und Kastrationskomplex // Imago. — 1927. — Bd. 13. — S. 145—198; Idem. Der Menstruationskomplex // Imago. — 1928. — Bd. 14. — S. 11—75.

[Под подъемом человека с земли подразумевается переход к прямохождению и принятию вертикального положения.]

³ *Freud. S. Totem and Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 102 s.*

⁴ *Freud. S. Op. cit. Щит. по рус. изд.: Фрейд. З. 1991a. С. 290.]*

замечание, с которым я полностью согласен. Во всяком случае, эти два крайне различных происхождения табу, хронологически пока разделенные, едва ли могут быть согласованы. Однако, если принять более позднее, мы не должны остаться довольны этим, нам следует быть верными научному методу исследования, который требует от нас, чтобы мы пошли дальше и пытались разрешить психологические источники этого суеверного страха крови.

Я согласен с Ландауэром¹, что противоречивые тенденции аффектов у человека характерны только для одного человека. В обсуждении неудачи приспособлять противоречивые тенденции, Ландауэр упоминает типичное поведение животных при течке и отмечает, что человеческая «преданность» проявилась только тогда, когда положительные тенденции у человека частично связались с отрицательными, которые подверглись смещению и проекции. К чему я хотел бы добавить гипотезу, что именно в этом способе действий *связывающие*² функции до-эструса животных и менструации пред-человека у человека заменились *психическими* связями на более высоком культурном уровне.

Согласно Фрейду, «вместе с выпрямлением человека и уменьшением роли обоняния оказывается под угрозой органического вытеснения не только анальная эротика, но и сексуальность вообще. Сексуальная функция с этого времени сопровождается неискоренимым сопротивлением, которое мешает полному удовлетворению и отклоняет функцию от сексуальной цели к сублимации и смещениям либидо»³. Я не могу согласиться с этим простым гипотетическим наблюдением Фрейда по причинам, которые, я надеюсь, станут ясными в ходе этой статьи. По моему мнению, эти сопротивления можно объяснить тогда, когда вытеснение, принадлежащее женской сексуальности, и реакции мужчины на это преодолеются, и обнаружится происхождение табу.

Landauer, K. Affects, Passions and Temperament // 1. J. P.A. — 1936. — Vol. 19. — [p. 388—415.] — P. 404.

[Под словом «связывающие» подразумевается связывание объекта с субъектом. То есть менструация женщины, до-эструс самок играют функцию привязывания (обязывания) самки (женщины) к самцу (мужчине)].

³Freud, S. Das Unbehagen In Der Kultur (1930a [1929]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 419—506. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1991с. С. 102 (сноска).]

Мало что есть в биологии, чтобы поддержать теорию определенного органического вытеснения *на этом специфическом уровне*. Наблюдалось, что имело место некоторое изменение в физиологии самок приматов, но как, когда изменение появлялось и какие были причины для этого нам остается пока неизвестным.

По моему мнению, филогенетическая фрустрация связывающей функции менструации, не-оплодотворение женщины во время ее первого периода и инкорпорация страха кастрации в человеческой психике (так приходит менструация для того, чтобы дать сознательный *отпор*, вместо *привлекательного* эффекта на психическое возбуждение мужчины) является более мощной концепцией, чем просто гипотетическое органическое вытеснение, связанное с принятием человеком вертикальной походки, — эволюция, которая конечно только могла иметь место, по сравнению со сказанным, в течение очень длительного периода времени, и которая, несомненно, в далеком прошлом предшествовала вытеснению инцеста.

Допустим, что уменьшение ощущения запаха вызвало ослабление обонятельной ценности объекта, все же трудно заметить, каким образом это обязательно привело бы к психическим сопротивлениям, то, что мы можем наблюдать в анализе, без какой-либо психологической угрозы инстинкту самосохранения. Однако если рассматривать вопрос с точки зрения вида менструирующей женщины, подтверждающей страх быть съеденным и быть кастрируемым, мы только убедимся в отношении «ужаса» перед женским органом, сначала описанным Фрейдом¹. Мы не навредим психоаналитической теории, если добавим эффекты, производимые на пред-удовольствие вытеснением элементарных вкусовых и обонятельных элементов удовольствия, и избежим предполагать слишком легкое, что вытеснение анального эротизма является единственным фактором, доказуемым клинически.

Возможно, я буду *plus royalist que /e roi*² в моем суждении о том, что подразумевается под страхом кастрации. Страх смерти,

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145.

[Plus royalist que le roi (фр.) — больший роялист, чем король.]

быть съеденным и страх кастрации, который укрепил их, конечно были (возьмем для рассмотрения ужасные пубертатные обряды, которыми эти страхи впечатались в душе) психическими факторами, достаточными, чтобы ставить препятствия на пути полного удовлетворения и способные принудить либидо к сублимации и смещению — без потребности строить гипотезу органического вытеснения, для которой нет никакого доказательства на этой фазе эволюции, так как мы знаем, что принятие вертикальной походки в далеком прошлом предшествовало вытеснению инцеста.

Фрейд¹, с его обычной научной прямоотой, говорит, что эти полученные данные «...лишь недостоверные и не подкрепленные наукой представления»². Из этого замечания мы можем предположить, что он не был полностью удовлетворен предположением об органическом сопротивлении, не поддающимся дальнейшему объяснению. Также я признаю существование более раннего изменения, но подозреваю, что это связано с физиологическим изменением от точки к менструации — изменением, которое, однако, я отделяю от намного более поздних и просто психологических реакций на менструации и которое, кажется, имеет свое происхождение в вытеснении инцеста, с того времени, по высказанным причинам, я полагаю, началась задержка человеческого развития. Эта тенденция подтверждена фактом, что никакая такая задержка не имеет место у обезьян и человекообразных обезьян. Я бы предложил, что только здесь мы должны подозревать, что некоторые из психологических сопротивлений, которые пока не объяснены, будут, в конечном счете, найдены, для того чтобы обрести свое происхождение.

¹ Freud, S. Das Unbehagen In Der Kultur (1930a [1929]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 419—506.

В другом утверждении в той же самой работе Фрейд обращается к подъему человека с земли как демонстрации гениталий и таким образом пробуждению чувств стыда. По моему мнению, чувство стыда, связанное с гениталиями, принадлежит намного более поздним временам, чем принятие человеком вертикальной походки. Кроме того, при принятии вертикальной походки гениталии женщины стали наименее уязвимы, чем тогда, когда она ходила «на четвереньках». [Freud, S. Das Unbehagen In Der Kultur (1930a [1929]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 419—506. Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1991с. С. 103 (сноска).]

Мне кажется, что принятие человеком вертикальной походки было значимым и имело неоспоримые последствия, которым придавалась важность, имеющая только косвенное отношение к намного более поздней фазе эволюции, в которой нормальное развитие сексуального инстинкта было фрустрировано вытеснением инцеста, вызвавшее то нарушение в развитии, что отличает человека от остальной части животного мира.

Возможно, гипотеза Фрейда, рассматривающая подъем человека с земли, допускает психологическое объяснение и принадлежит глубоко вытесненным воспоминаниям о доисторическом прошлом человека. В онтогенезе вертикальная походка взрослых имеет психологически важное значение для ползающего младенца, которое мы можем едва подчеркнуть, и это подтверждается переживанием большого удовольствия у ребенка, когда он впервые начинает ходить, и его чрезвычайной гордостью достижением¹.

Относительно роли, которую аромат играет в этой эволюции, возможно, уместно здесь отметить, что во всем мире благоухающие наркотики использовались в течение многих столетий дикарями и культурными людьми для лечения истерии. Существует серьезное основание предполагать, что их терапевтическая ценность заключается в значительной степени в удовлетворении запахом, которое они предлагают бессознательному страдальца, где запрещенное обонятельное удовольствие успокаивает фрустрированный импульс². Это указывает на вероятность, что вытеснение запаха в онтогенезе играет более важную роль в неврозах, чем это было бы, если имелось лишь сравнительно небольшое снижение чувства обоняния. Конечно, я ненамерен отрицать легко доказуемый факт, что важность чувства обоняния постоянно снижается в восходящем течении эволюции, что показано физиологией мозга.

Продолжая, существует очевидность в сновидениях, фольклоре и мифах, важности родителей на основании их вертикальной походки и естественности, с которой они двигаются с одного места на другое, — фактор, который, возможно, оставил до сих пор очень глубокий биологический след в памяти о времени, когда детеныши цепляясь за своих матерей, поскольку они прыгали с дерева на дерево.

² *Daly, CD. and White, R.S. Psychic Reaction to Olfactory Stimuli // B. J. Med. Ps. — 1930. — Vol. 10. — P. 70—87.*

Фрейд интересовался обонятельными проявлениями невротиков; еще в 1909 г. он отметил, что «тенденция к получению удовольствия в запахе, которая угасает, начиная с детства, может играть роль в генезисе невроза»; но позже¹ он был склонен приписать это исчезновение только вытеснению анального эротизма. В обсуждении фетишизма² он подчеркнул важность копрофильного удовольствия в запахе, которое было потеряно через вытеснение. «Нога и волосы представляют собой сильно пахнущие объекты, становящиеся фетишами после отказа от ставших неприятными обонятельных ощущений. В перверсии, состоящей из фетишизма ноги, сексуальным объектом всегда является грязная, дурно пахнущая нога»³.

Здесь мы заметили бы, что так называемая плохо-пахнущая нога не пахнет плохо для первертов. Перверты в этом смысле просто люди, которые считают запахи *приятными*, в то время как нормальные мужчина и женщина на более высоком культурном уровне находят их *неприятными*. Они ведут себя в архаичной манере, регрессировав на более ранний уровень вследствие своей кастрации и других страхов, и остаются фиксированными на этом уровне, до тех пор пока их интерес смещен на менее ужасные части тела, которые все еще возмещают обонятельное чувство небольшим удовлетворением. Я думаю, это для нас важно отметить, что фетишизм обычно сопровождается сильной объектной фиксацией, — здесь фрустрированное удовольствие от запаха, как находят, связано с фиксацией на объекте и ужасающем сексуальном органе, от которого он регрессировал. Перверт на запах неправильно направляет цель инстинкта к объекту, где пред-удовольствие от запаха не может непосредственно привести к завершению биологической цели, в то же самое время он избегает воспоминаний о страшных последствиях быть съеденным и кастрируемым, в которых женские гениталии (особенно генитальное кровотечение) являются самым мощным напоминанием. Следовательно, он получает лишь недостаточное конечное удовольствие и

¹ Freud, S. Das Unbehagen In Kultur (1930a [1929]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 419—506.

² Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145.

³ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145. Щит. по рус. изд.: Фрейд, З.. 1990 (сноска 5). С. 137.]

только через ночные ПОЛЛЮЦИИ, мастурбацию и т. д., как это бывает с другими первертами.

Брилл¹ представил множество клинических случаев, показывающих, как через фиксацию на матери запах играл принципиальную роль и влиял на пациентов, на их способ жизни и выбор профессий. Согласно ему, они представляли последние связи с ранним катексисом матери, в которых чувство обоняния играло *превалирующую* роль. Они бессознательно пытались или замаскировать, или заменить неприятные ароматы, связанные с их катексисом матери, духами, цветами и приятными ароматами и образами, но, однако, они все еще бессознательно оставались верными пахучей матери.

В некоторых из этих примеров Брилла из историй болезни, которые демонстрируют сильную фиксацию на матери, мы можем проследить неудачу вытеснения *сексуального* обонятельного раздражителя в результате неудовлетворительно пройденной эдиповой фазы. Такие патологические примеры могут быть вызваны или чрезмерной обонятельной чувствительностью субъекта, или чрезмерной стимуляцией, исходящей от объекта, или того и другого вместе, объединившихся с травмирующей фрустрацией инстинкта, которые в этих случаях фиксировали человека на уровне, где сексуальное обоняние, один из факторов восприятия чувства, который пробуждает либидо в фаллической фазе, выполнял свою самую примитивную связующую функцию.

Духи являются среди искусственных продуктов культуры результатом торможения предыдущих привлекательных сексуальных ароматов. Однако, как известно, такие духи, в основном, имеют сексуальное основание. Запреты, которые вызывают вытеснение удовольствия в исключительно сексуальных ароматах (кроме как в разгаре страсти), давали начало формированию реакции отвращения и стыда, первая из которых особенно связана с угрозами самосохранения, с комплексом кастрации, и вторая — с атрибутами вины. Все же в культуре инстинкты открыли способы, как обойти тормозящие факторы при использовании социально допустимых духов, аромат

Brill, A.A. The Sense of Smell in the Neuroses and Psychoses // P. Q. — 1932. — Vol. 1. — [P. 7—42.] — P. 7.

которых все еще играет некую базовую роль привлечения и связывания мужчины.

Бегло мы можем отметить, что запах, кажется, играет более важную роль при инкорпорации, идентификации, интроекции и проекции, чем до настоящего времени этому приписывалось. Фенихель заметил, в обсуждении о роли, которую глаз и ухо играют в идентификации и интроекции: «Мы должны заметить, что все равно они кажутся менее подходящими для подобной репрезентации, по сравнению с другим органом восприятия — носом, поскольку в обонятельном восприятии интроекция мелких частиц объектов на самом деле реальна»¹.

В визуальной сфере женщины (так как их стрижки стали выражением их деклараций независимости, которые совпали с движением за право голоса) стали с тех пор более смелыми в использовании косметики. Алые губы являются, конечно, возвращением вытесненного и призывают мужчин к преодолению того, что угрожающе, и табу и достичь того, чтобы они не боялись. Они могут воздействовать на вытесненный садизм мужчины или придать ему храбрость, еще раз вызывая вовне агрессивный компонент сексуального инстинкта. Таким образом, женщины усиливают свою сексуальную привлекательность, для того чтобы преодолеть мужской страх: они бессознательно заявляют, что больше не желают быть расценены как привилегированные рабыни, или как ангелы на пьедесталах, а хотят быть желанными как сексуальные женщины, а не как второсортное издание идеальной безупречной матери. Не так давно в европейской культуре к использованию определенных экзотических духов, покраски губ и лица обращались одни проститутки как к способу привлечь к себе мужской пол. Мы не можем забыть, что в бессознательном проститутка приравнивается к вытесненной сексуальной матери. (Если бы я обучался на антрополога или историка со склонностью к эстетике, то нашел бы интересным провести исследования относительно вторичных эффектов фрустрации сексуального инстинкта. Учет факторы, устраняющие ужас и отвращение

Fenichel, O. The Scopophilic Instinct and Identification // I. J. PA. — 1937. — Vol. 18. — [P. 6—34.] — P. 15.

мужчин по отношению женской сексуальности, которые привели женщин к тому, чтобы усилить свою привлекательность: бесконечные отговорки, экстраординарные искажения лица, тела, рук и татуированные ноги, окраска через все причуды моды, кринолины, суэта и т. д. Что это, если не вторичные идеалы женского очарования, которые имеют свое происхождение в избегании мужчиной ее сексуальности, причиной которого являлось вытеснение инцеста?)

Для тех, кто расценивает интроекцию и проекцию как особым образом связанные с вытеснениями, которые иллюстрируют судьбу и культурную эволюцию сексуальных инстинктивных побуждений, не будет трудным шагом оценить важность понимания вытеснения или полного изменения возбуждения пред-удовольствия, или причин патологической фиксации на объектах, от которых протекают стимулы для данного возбуждения. Возможно, что вытеснение желания лизать и нюхать сексуальный орган женских форм является одним из корней патологического отвращения, и играет роль в предрасположенности человека к сверхчувствительным реакциям, теперь доказуем в амбивалентной оральной фазе онтогенетической эволюции и торможении орального компонента сексуального инстинкта у многих взрослых людей и рас. Самая глубокая реакция из всех — *отвращение* — главным образом принадлежит вытеснению желания лизать выделения, как делают животные, и именно здесь одно из сопротивлений, которое пока оказалось недоступно объяснению, должно быть исследовано. Фрейд¹ подозревал, что существует связь между отвращением и лизанием, но не знал, где искать ее происхождение.

Фрейд² наблюдал, что ранний механизм сексуальности можно наблюдать у младенца по отношению к груди, когда это переживается с пресыщением, своего рода эмоциональным оргазмом, близким к природе конечного удовольствия взрослого. В то время как что-то подобное, к чему было привлечено внимание Марии Бонапарт³, наблюдалось при анальном и уретральном эротизме как результате

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bel. V. — S. 27—145.

² Ibid.

Bonaparte, M. Some Palaeobiological and Biopsychical Reflections // I. J. PA. — 1938. — Vol. 19. — [P. 214—220.] — P. 214.

удовлетворительного устранения. Начало и пред-удовольствий, и конечных удовольствий наблюдались в этих дофаллических фазах, которые дают окончательное выражение с оргазмом при половом акте в зрелости, «завершенность» которых в инфантильной сексуальности может, конечно, не иметь никакого реального опыта.

Если мы хотим понять психологические реакции *человека* и на пред-удовольствие, и на конечное удовольствие, мы должны проследить их развитие с младенчества до зрелости, и при этом мы находим, что они допускают различные прерывания, которые в значительной степени полностью изменяют приятные аспекты или заставляют раздражители становиться искаженными, в некотором смысле приемлемыми для сознательного Эго. В мире животных эта эволюция следует по прямому пути, без прерываний, пока не достигнет полного выражения во взрослой сексуальности.

В процессе вытеснения инцеста некоторые элементы в пред-удовольствиях, которые ранее приводили к удовлетворению инстинкта, стали отталкивающими. После этого наследственная тенденция была постепенно инкорпорирована в человеческое сознание, которое привело *via*^x культуры и гигиены, сопутствующим этому, к дальнейшим вытеснениям анального эротизма — вытеснение которого теперь, в онтогенезе, предшествует и подготавливает основание для преодоления эдиповой фазы, обучая ребенка необходимости воздерживаться от некоторых инстинктивных и нарциссических удовольствий.

Мы предполагаем, реально происходит то, что прямой путь от стимуляции пред-удовольствия до реализации конечного удовольствия стал заторможенным и что это сопровождалось формированиями реакции вины, стыда и отвращения, так, что впоследствии любое напряжение, обязательно вызывающее полное конечное удовольствие, — не пробуждалось, или большее пробудившееся напряжение не могло полностью найти выход посредством желаемого сексуального объекта, полностью больше не желанного.

Конечно, возможность проживания полного конечного удовольствия следует после завершения физиологического развития органа, но мы не должны упустить факт, что человеческая эволюция, *то есть* вытеснение инцеста, внесли психологические факторы,

которые неизбежно ограничивают в различной степени полноту и пред-удовольствия, и конечного удовольствия. Необходимо понять отношение импульса торможений к вытеснению первоначальных пред-удовольствий разглядывания, обоняния, чувствования вкуса и касания, которые, у животных, непосредственно ведут к завершению инстинктивной цели, в то время как у людей эта цель часто достигается только окольными путями и преодолением сопротивлений. (Здесь интересно отметить, что есть люди, которые, выключая пред-удовольствия, пробуждающие их вину, таким образом, способны в некоторой степени наслаждаться сексуальными отношениями и достигать оргазма и конечного удовольствия, в отличие от крайних первертов, которые находят удовлетворение только в смещенном пред-удовольствии, не приводящим к осуществлению биологической цели.)

Вернемся к главной теме. Мы все еще нуждаемся в больших знаниях о том, как агрессивные и деструктивные импульсы использовались в обеспечении сохранения видов и эволюции человеческой культуры, и почему получается, что методы контроля все время терпят неудачу и деструктивные тенденции снова угрожают опустошением и человеку, и видам.

Предварительно мы подчеркнули факт, что одним из результатов травмы менструации является то, что простые позитивные генитальные влечения полностью изменились и стали хлоднокровными и в их грубой неприятной форме замещены вторичными идеализированными формами привлекательности. В разгаре страсти у самых нормальных людей, когда отвращения из-за запрета преодолеваются, эти грубые стимулы снова становятся позитивными, то есть приятными, и возобновляют свою естественную функцию. Однако у невротиков и первертов они могут остаться одним из двух: постоянно (в фетишистских формах через смещение) позитивными или постоянно негативными.

Мы знаем, что у взрослых сознательное знание того, что женщина является сексуально недоступной, потому что она менструирует, вызывает различные реакции. 1) Может действовать как бессознательный стимул для мужского сексуального желания, который, возможно, связан с фактом, что женщины иногда вызывают менструацию не во время устоявшегося цикла, когда это совпадает с возвра-

щением возлюбленного, который в течение некоторого времени отсутствовал. Кажется, здесь это осуществляет ту же самую привлекательность как до-эструс у животных. 2) Это может быть одним из двух: возбуждение вытесненного садизма или активизация первичного агрессивного компонента сексуального влечения, что, вероятно, является одной из причин, почему существует такой большой процент преступлений с насилием, когда женщина менструирует. 3) Это может затормозить все желание, которое существует, возможно, поэтому очень много случаев импотенции связаны с кровью, как мы находим в анализе бессознательных источников страхов, вызывающих ее. 4) В случае серьезной травматической регрессии к оральному и анальному уровням усиливаются эти фазы, связывая их с менструацией или родами и сопровождающимися страхами кастрации. Обратное движение усиленного либидо к этим более ранним первообразам может привести к чрезвычайно устойчивым анально-садистическим характерам или быть причиной невроза навязчивости. 5) Другой очень важный эффект травмы менструации, который является клинически доказанным, — это то, что заставляет сына смещать прежний страх и ненависть со своего отца на свою мать, от которой затем он с ненавистью и отвращением на время отворачивается — как от опасного, агрессивного и больного объекта, — аспекты, которые, однако, позже из-за его зависимости скоро становятся глубоко вытесненными и скрытыми за духовными и идеальными аспектами, чем она позже наделяется (следуя тем же самым путем, как эволюция женщин-богинь в филогенезе). Можно наблюдать, что травма менструации часто представляется тогда более серьезной, когда этому предшествовала чрезмерная чувствительность по отношению к части матери. Реакции могут быть различными: может следовать инверсия. Здесь каждый вспомнит открытие Ференци, что фантазии при пассивной гомосексуальности почти всегда связаны с кровью. 6) Одним из результатов крайнего ужаса и ненависти мальчика является то, что он отрицает существование менструирующего органа у женщины и наделяет ее пенисом. (Вероятно, это может быть только повторный вклад после открытия Фрейдом нарциссической идеи мальчика, что все другие существа имеют пенис, подобный его собственному. Однако лично я склоняюсь к мнению, что это отношение маленького мальчика было

филогенетически приобретено из-за комплекса кастрации, если это действительно существует независимо, то есть если этому не предшествовали более ранние вытеснения в онтогенезе, касающиеся сексуальности матери, с которой мы имеем дело в данном обсуждении.) Еще позже мальчик делает повторное открытие, наблюдая за сестрой или девочкой-подружкой, что женщины от него самого отличаются анатомически.

Я далек от намерения защищать здесь мужской нарциссизм, но укажу только, что такой нарциссизм, частично базирующийся на гордом обладании пенисом, в дальнейшем усиливается не-обладанием органа, связался с ненавистью и отвращением. Другими словами, нарциссизм мужчины усилился на более поздних уровнях вытеснением его пассивной гомосексуальности (то есть его негативного эдипова комплекса), которая в связи с этим четко проявляется¹ — в патологических страхах сексуальной болезни и продуктивных достижениях в определенных сублимированных действиях.

В травме менструации зрительная наглядность кровотечения матери является причиной глубочайшего ужаса и отвращения. Кровотечение подтверждает страх кастрации и страх быть съеденным, в то время как запах (здесь негативный и отталкивающий), частично из-за его ассоциации с гниением, также передает бессознательному более глубокую идею о смерти. Негативный аромат не должен быть перепутан с позитивным привлекательным предменструальным и ароматами середины цикла, а соответствует отталкивающим признакам комплекса и играет важную роль в формировании инцестуозного барьера.

История дает нам примеры гнева, который возникает у мужчины из-за сравнения с женскими атрибутами. «Мы можем вспомнить, — пишет Харграв Дженнингс², — грубое послание Вильгельма Завоевателя в 1087 (год его смерти) к королю Франции, который неподобающе надсмехался над тем, что тот был прикованным к постели (из-за подагры) и над его дородностью, спрашивая о том, когда будет крещение. "Передайте от меня королю Франции, — кричал разгневанный Вильгельм, — я не только встану, но и разожгу в сердцах моей паствы так много и такие ужасные огни, что Королевство Франции окутается пламенем"». И английский король сдержал свое слово, разоряя и сжигая все перед собой, пока случайно не встретил свою смерть в Манте, когда его лошадь наступила на горящий пепел.

Возможно, биохимия в дальнейшем внесет вклад в наше знание об обонятельных тропизмах в функциональных нарушениях. Вероятно, что сексуальные возбуждения, которые связывают ребенка либидинозно с его объектом, частично имеют происхождение в едва различимых химических изменениях, вызываемых реакциями на обонятельные генитальные раздражители, которые работают через посредничество нервной системы. В фаллической фазе играют роль как позитивные, так и негативные запахи. Позитивные ароматы пробуждают инцестуозные желания, а негативные способствуют вытеснению. Негативный запах, в котором мы здесь заинтересованы, выделяется во время менструации и частично соответствует гниению выделения, при этом наличие оофорина в нем, как говорят некоторые физиологи, объясняет специфичность этого запаха¹.

Эти две роли запаха относительно привлекательных и отталкивающих признаков женской сексуальности и комплекса кастрации² иногда очень ясно и драматично иллюстрируются в литературе. Отличный пример этого найден в романе Эдварда Томпсона

Согласно Л. Мейеру, под воздействием овуляции имеет место непрерывное образование веществ оофоринов, необходимых для роста плода. Эти вещества циркулируют в крови, и когда они присутствуют в большом количестве, то вызывают стимуляцию всей нервной системы. Это объясняет невротическое раздражение и другие явления периода. Во время менструации эти вещества выделяются. Дж. Клейн отмечает, что оофорины вызывают химическое изменение утробной слизистой оболочки и крови, циркулируя в последней, и сами химически изменяются. Они оставляют тело одновременно с менструальной кровью. Следовательно, менструация является реальным катарсисом, в значении Гиппократ, освобождением тела от токсичных эффектов оофоринов. Их присутствие во время периода объясняет различие запаха менструальной крови от обычной крови. Специфический запах изо рта у некоторых менструирующих женщин также может быть приписан присутствию оофоринов в теле. Согласно Монину и другим авторитетам, дыхание женщины во время менструации имеет аромат лука (Цитируется по Талмею^{*1}).

Брилл^[b] обращается к двум случаям невроза навязчивости, в которых внешним симптомом был галитоз и в которых он непосредственно проследил этот симптом к раннему удовольствию от запаха, происходящего от матери. У одного пациента его сексуальная потенция полностью зависела от обоняния: если женщина имела какой-нибудь аромат, напоминающий его мать, пациент становился полностью импотентом.

^(a) *Talmey, B.S.* Love, a treatise on the science of sex-attraction. — New York city, Practitioner's publishing company, [1915c]. — viii+438 p.

^[b] *Brill, A.A.* The Sense of Smell in the Neuroses and Psychoses // P. Q. — 1932. — Vol. 1. — P. 7—42.

«Индийским Днем»¹. Это касается молодого европейского миссионера по имени Финдлей, который сошел с ума из-за потери своей жены и ребенка. Следующим является сокращенный фрагмент из оригинала. Я оставляю моих читателей, интерпретируя это в свете собственного психоаналитического опыта и представлений, выдвинутых в данной статье.

«Он один шагал вперед, не смотря ни направо ни налево. Он перепрыгивал через реки, он забирался в ущелья, он не боялся ни змеи, ни дикого зверя, ни надвигающейся темноты.

Внезапно до него дошел сладкий, божественный аромат и смешался с этой омерзительной вонью. Он знал, где он сейчас. Те высокие, переплетающиеся деревья были рощей Падалсини, деманичины джунгли. Они были редкостью, никакие другие из этого вида не росли поблизости вокруг двадцати миль, и они были посвящены деревянной королеве. Но более омерзительную вонь имела кровь козлов, которых они убивали в ее честь.

Тогда сознание Финдли расстроилось. Ужас и гнев, что окружали, взяли его в плен. Это была земля, которая дурачила его, ложное божество, из-за которого он выбросил свою драгоценность.

Ее сладость, вся слава цветущей соли <...> которая его отравила, была запятнана кровью, воняло, было мерзко. Земля была живой, она была демоном, она была здесь, ее дом был в той чаше. Теперь она его искала, она его преследовала. <...> Финдли сошел с ума, и она искала и преследовала — его душа и тело могли стать ее, и его отважный дух, что прежде никогда не кричал о помощи, теперь вскричал об этом. <...> Ночь обрела видимую угрожающую форму и возвысилась над ним с горящими безжалостными глазами. Зовя, Финдлей наткнулся и почувствовал лапы густых зарослей на пути своего полета. Королева демонов догнала его, она легла на его пути и схватила его за ногу. Он снова в ужасе и отчаянии закричал. Затем он упал, и все погрузилось в пустоту».

Я утверждаю, что травма, менструации является одним из самых важных факторов, который объясняет амнезию относительно мужских реакций на женскую сексуальность, по другим причинам связана с отрицанием его женственности — что является прямым следствием травмы менструации.

¹ *Thompson, E. An Indian Day.* — N. Y.: A.A. Knopf, 1927.

Фрейд, говоря в ссылке об инфантильной амнезии, написал: «Мы должны допустить или можем убедиться, проделав психологические исследования над другими, что те же самые впечатления, которые мы забыли, оставили тем не менее глубочайшие следы в нашей душевной жизни и имели решающее влияние на наше дальнейшее развитие. Речь идет, следовательно, вовсе не о настоящем выпадении воспоминаний детства, а об амнезии, подобной той, которую мы наблюдаем у невротиков в отношении более поздних переживаний и сущность которой состоит только в недопущении в сознание (вытеснение). Но какие силы совершают это вытеснение детских впечатлений? Кто разрешит эту загадку, объяснит также и истерическую амнезию»¹.

Такая амнезия сохранилась до настоящего времени посредством определенного универсального явления (табу менструации, беременности и родов), которое связано с вытеснением инцеста и последующего энергичного отказа мужчины от женских тенденций, являющихся результатом его вытеснения инвертированного эдипова комплекса. Заключительные объяснения истерической амнезии и компульсивного невроза и невроза подозрения находятся в нерешенных глубинах эдипова комплекса.

Часть II

Роль женской сексуальности в эволюции психики человека предполагает здесь согласованность с одним известным фактом, который подчеркнул психоанализ, а именно с тем, что в онтогенезе эволюции человеческого рода существует прерывание в сексуальном развитии, чего нет в остальном мире животных. Причины данного различия, однако, пока остались необъясненными.

Согласно Фрейду: «Мы находим, что сексуальная жизнь человека не развивается, как у большинства родственников ему

¹ *Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145. [Цит. по рус. изд.: Фрейд, З., 1990. С. 151]*

животных, постоянно и непрерывно до наступления зрелости. Развитие либидо у человека происходит так, что после первого раннего расцвета в период до пятилетнего возраста наступает энергичный перерыв в развитии, после чего, с наступлением зрелости, оно снова начинается, продолжаясь из инфантильных зародышей. Мы полагаем, что в судьбах человеческого рода произошло что-то важное, что оставило, как исторический след, этот перерыв в сексуальном развитии. Патогенное значение этого момента видно из того, что большинство требований влечений этой детской сексуальности воспринимаются Я как опасности и отвергаются им. Благодаря этому более поздние сексуальные душевные стремления при наступлении зрелости, которые должны были бы быть приемлемы для Я, подвергаются опасности подчиниться притяжению инфантильных прообразов и последовать за ними в процессе вытеснения»¹.

Двенадцать лет спустя, Фрейд, в «Набросках психоанализа»², изданных после его смерти, снова обращается к этому нарушению в человеческом развитии, но на этот раз он действительно приводит это в связи с женской менструацией и мужским возбуждением, все еще настаивая, что это имеет больше биологическое, чем психологическое значение. Также должно быть принято во внимание, пишет он, что в ходе культурного развития никакая другая функция не была так полно и сильно отвергнута, как сексуальная. Теория должна остаться довольной несколькими намеками, которые открывают более глубокую связь, — факт, что первый период детства, в течение которого Эго начинает дифференцироваться от Ид, является также периодом раннего сексуального расцвета, который заканчивается латентным периодом, что едва может быть сутью обстоятельств, что этот важный ранний период впоследствии становится жертвой инфантильной амнезии и, наконец, что биологические изменения в сексуальной жизни (такие как: двухфазное начало, к которому мы только что обратились, исчезновение периодичности характера сексуального возбуждения и преобразование в отношениях между

¹ *Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d [1925]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 113—205. [Цит. по рус. изд.: Фрейд. 3., 1927. С. 84.]*

² *Freud, S. AbriS der Psychoanalyse (1940a [1938]) // G. W. — Bd. XVII. — S. 63—138.*

женской менструацией и мужским возбуждением) являются новшествами в сексуальности, должно быть, имеют большое значение в развитии человека из животного. Будущей науке остается привести изолированные данные к новому пониманию. *Это не психология, а биология является ответственной за этот пробел.* [Курсив мой. — К. Д. Д.] Возможно, мы не будем нечестны, если скажем, что слабое место в организации Эго лежит в его поведении по отношению к сексуальной функции, как если бы биологическое противодействие между самосохранением и сохранением видов нашло там психологическое выражение.

Я надеюсь, что смогу надлежащим образом показать обратную сторону выделенного курсивом замечания, полагая, что это является больше психологией, чем биологией, которая ответственна за пробел в психоаналитической теории эволюции. Однако, из-за соображений места невозможно, к сожалению, воспроизвести в данной статье большую массу доказательств из онтогенетических и филогенетических источников, которые поддерживают мои утверждения.

Психоанализ показал, что первый расцвет сексуальности у ребенка является всегда инцестуозным, настолько, насколько жизнь фантазий беспокоит и что за манеры, которыми эта фаза преодолевается, от этого в значительной степени зависит целый будущий психический и эмоциональный облик человека. Тогда не разумно ли будет подозревать, что происхождение нарушения в сексуальном развитии связано с вытеснением инцеста на заре человеческой культуры, вытеснением, которое влекло травматическую фрустрацию сексуальных инстинктов?

Отчетливо выделяется один факт, то есть если никакое такое нарушение в развитии не замечено у животных, ближе всего приближенных к человеку, то мы должны искать его происхождение в ранних фазах эволюции человека; поскольку кажется маловероятным, что событие такой неподобной важности после себя не могло оставить никакого следа.

Тогда мы, в качестве предварительного шага, спросим самих себя, существует ли какой-либо фактор в сексуальности у более высших животных, который отличается от сексуальности у человека, и если так, то какие причины изменений являются обязательными; есть ли какая-нибудь связь между этими изменениями и прерыва-

нием, которое происходит в человеческом развитии; и далее, какое отношение, если таковое вообще имеется, они имеют к восхождению человеческой культуры.

Ответ на первый вопрос является утвердительным. Мы уже демонстрировали это в изменениях, которые имели место в поведении мужчины во время менструации женщины и по отношению к женской сексуальности в целом. Также мы привлекли внимание к отмеченному усилению менструального выделения у женщины. Является ли это результатом только вытеснения инцеста, или это принадлежит к дальнейшей эволюции, следуя тем же путем, который привел к постепенному изменению в выделениях у высших животных, — мы не знаем. Однако остается факт, что менструальное течение наиболее обильно у женщин, связано с глубочайшими психологическими реакциями и у мужчины, и у женщины. Наши дальнейшие предположения об этой эволюции являются в значительной степени гипотетическими.

Обстоятельства, которые привели к подавлению конъюгации с молодой женщиной во время ее первого периода, мы предполагаем, были после последствий истощения существующей фазы орды и, кажется, проистекали из потребности изолировать главную причину отсутствия единства в рамках племени, а именно, зрелую молодую женщину. Можно предположить, что до того времени вожди орд поддерживали дисциплину, убивая и съедая любого из младших мужчин, которые, мы допускаем, вероятно, достигли приблизительно четырех- или пятилетнего возраста, кто покушался на их владения, особенно на их сексуальную привилегию оплодотворения зрелых молодых женщин в пубертате, с тех пор нет ничего, чтобы показать, что какое-то прерывание в сексуальном развитии пока имело место.

Существование до-человеческой фазы орды завершилось предположительно тогда, когда младшие члены орд, поняв свою коллективную власть, объединились и свергли своих вождей, вероятно, при побуждении орального или либидинозного возбуждения. Фрейд назвал это «первичным преступлением» и из психоаналитического доказательства эдипова комплекса, и следов, обнаруженных антропологическим исследованием, кажется очень вероятным, что это преступление имело место при побуждении сексуального соперничества.

Мы предполагаем, что со свержением власти вождей имела место фаза регресса и что увеличение соперничества и вождения, следующие за этими переворотами в рамках орд, привели к усилению агрессивного компонента сексуального инстинкта.

Период анархии, который последовал, и последующий непрерывный распад орд, таким образом, стали определенной биологической угрозой для выживания видов, которому противодействовал постепенно появляющийся запрет инцеста, агрессивные и инцестуозные тенденции людей сдерживались в интересах сохранения раннего племени. Вследствие, однако, их инстинктивных реакций на хемотропические сексуальные раздражители, весьма вероятно, что наши ранние предки были сначала неспособны контролировать себя в присутствии таких раздражителей: возможно только, что такой контроль появился постепенно. Но человек извлек ценный урок из первичных преступлений, *viz* \ что индивид мог контролироваться коллективным действием.

Самые ранние формы экзогамии, казалось бы, имеют свое происхождение в этой фазе вытеснения сексуального инстинкта. Усиленная агрессия, которая следовала за «первичными преступлениями», была порождена при вытеснении благодаря различным запретам, одним самым важным из которых был запрет конюгации во время первого периода женщины, являющимся самым тревожащим фактором². Этот запрет постепенно расширялся до включения избегания всех женщин в их периоды и, наконец, во всех их функциональных кризисах, в которых избегание кровотоечения связанное с этими состояниями, играло важную роль.

Сексуальные привилегии первых мужчин, которые были приемлемы для фазы орды, исчезли и вожди племен, которые заняли их место, пользовались достаточно ограниченными полномочиями. В то же самое время, для того чтобы сделать запрет инцеста эффективным, молодые мужчины (после фазы, когда инцес-

[*Viz* (лат.) — а именно.]

Возможно, это была одна из последних фаз вытеснения инцеста, когда инцест отца и дочери был предотвращен. Фрейд говорил, что он думал, что вытеснение инцеста отца и дочери, вероятно, было последним из этих вытеснений. Первые запреты системы тотема были направлены против инцестуозных желаний сына (*Freud, S. Totem und Tabu* (1912—1913)).

туозные преступления были наказуемы смертью) находились под угрозой кастрации и позже (если обряды пубертата современных дикарей могут быть здесь приняты как указатель) фактически имели некоторую форму миниатюрной кастрации, совершаемой с ними, для того чтобы подтвердить их страхи, — такую как обрезание, выбивание зубов и т. д. Точно так же женщины изолировались и морились голодом, и к ним относились с бесконечной жестокостью. Возможно, запрет инцеста едва ли мог стать действенным, исключая некоторые подобные методы коллективно навязанной фрустрации инстинкта.

Наблюдение за менструальным комплексом, как замечено в онтогенезе, соотнесенное с табу менструации среди диких людей и антропологическими наблюдениями за обрядами пубертата, указывает нам, что он был тем, что заставило мужчину отвернуться от женщины в данное время и рассматривать ее с ненавистью, нежеланием и отвращением. Мы знаем из нашего клинического материала, что в онтогенезе менструальное кровотечение матери часто усиливает кастрационную тревогу у мужчины, и может даже травматически подтверждать его веру в вероятность быть съеденным и кастрированным, так, что он в *это время* вытесняет все сознательное знание о кровотечении матери (травма сопровождается полной амнезией), повторно узнает об этом тогда, когда обнаруживает, что все взрослые женщины имеют ежемесячный период, с которым связана большая тайна.

Казалось бы крайне вероятным и допустимым предположение о том, что если в филогенезе изменение психических реакций мужчины по отношению к сексуальности женщины произошло в то же самое время и в результате тех же самых эволюционных процессов, подобно которым сдерживалась мужская агрессивность, тогда не-оплодотворение женщины в ее первый период и исключительно жестокие методы, которыми было достигнуто вытеснение ее желаний, произошло для того, чтобы иметь значение в женском инцестуозном комплексе, подобному кастрации в мужском инцестуозном комплексе, в то время как удар по материнскому страстному желанию был *определенно женским*. Эти следствия проявляются в настоящее время в онтогенезе в эдиповом комплексе, где фрустрация желания маленькой девочки иметь ребенка от отца показывает наличие далеко идущих последствий для ее будущего развития.

Поэтому мы выдвигаем гипотезу, что раньше в филогенезе «обильное» кровотоечение женщины (такое обилие, возможно, было результатом неоплодотворения в пубертате) связывалось со страхами мужчины быть съеденным и кастрированным. Опасность кастрации *использовалась для того, чтобы укрепить более ранний* страх быть съеденным и затормозить нормальную сексуальную агрессивность мужчины и предварительно пробужденное периодом женщины желание. Таким образом, мы предполагаем, что торможение инцестуозной фазы *в пубертате*, которая в те дни была в более раннем возрасте, было вызвано в доисторические времена, торможение, которое *via* длительного периода эволюции теперь, кажется, находит онтогенетическую параллель в прерывании развития сексуального импульса, осуществленного протеканием эдиповой фазой. Кажется, что вытеснение инцеста, одновременно с фазой окончания эволюционного изменения в физиологии женщины, в объединении с психологическими страхами, вызвало определенное изменение в отношении мужчины к сексуальности женщины. Должно быть отмечено, что среди обезьян и человекообразных обезьян нет отращения к менструальному кровотоечению и что во многих видах это является временем, когда самец проявляет больше нежности к самке, обнимая и лаская ее подобно мужчине с его возлюбленной.

Мы все еще должны объяснить, как получается, что вытеснения, которые однажды, без сомнения, имели место в пубертате (сравните обряды пубертата примитивов), теперь осуществляются в онтогенезе в фаллической фазе. Предлагалось, что это была фрустрация естественных реакций сексуального инстинкта, вызванная вытеснением инцеста, которая была ответственна за биологическую задержку человеческого сексуального развития, также за задержку человеческого роста в отличие от оставшегося мира животных. У обезьян и человекоподобных обезьян пубертат наступает в раннем возрасте, и нет никакого прерывания в развитии, которое бы как-то соответствовало человеческой задержке.

Здесь представляет значительный интерес обратить внимание на то, что иногда исключительные случаи встречаются там, где нарушение в сексуальном развитии не имеет места и где девочка достигает пубертата — в возрасте между 4 и 5 годами, возраст, который у нормальных людей является высшей точкой эдиповой фазы. Это состояние известно как преждевременное пубертатное

развитие. Такой случай, о котором очень подробно сообщали, имел место в южноамериканской больнице как раз перед нынешней войной. Фотографии этой молодой матери с ее ребенком появились в иллюстрированных журналах. Хотя были выдвинуты различные причины для такого раннего пубертата, и они могли в некоторых случаях быть правильными, все же, так как (как в случае только что упомянутом) ребенок был во всех отношениях нормальным и здоровым, мы должны подозревать, что случай является возвратом к предчеловеческому развитию.

Ни в каком смысле наши взгляды и значимость, приписанная комплексу менструации в рамках эдипова комплекса, не противоречат сути, на которой основана теория психоанализа. Они полностью воздают должное теории либидо, фрустрации, тревоге, торможению и отношению их к вытеснению агрессивных и либидинозных компонентов сексуального инстинкта. Далее, они предусматривают и биологическое, и психологическое основания для усиления амбивалентности, садизма и мазохизма среди людей и отношение этих эффектов к фрустрации и задержке развития. Таким образом, можно надеяться, что они в большей степени приведут психоанализ в гармонию с бесспорными данными, полученными антропологией относительно важности табу менструации, беременности и родов, роли матери и женской сексуальности в эволюции человека. Мы еще нигде не можем проследить реальное нарушение в процессе размножения в эволюции такой значимости, как той, которая свойственна комплексу менструации и табу менструации в их связи со страхом быть съеденным и с кастрационным комплексом. Первичные влечения или пред-удовольствия сексуального инстинкта, подкрепляющиеся страхами, полностью изменились и стали отвергаться, так, что с того времени полное сексуальное удовлетворение, такое, какое происходит в мире животных, стало больше невозможным для людей, и они были вынуждены всеми способами сублимировать и смещать либидо.

Насколько мы были в состоянии обнаружить, там, в эволюции, нет примеров такой биологической или психологической важности для базисного филогенетического происхождения неврозов или для развития вторичных особенностей человеческой культуры, как, например, это нарушение в развитии сексуального инстинкта

у человека; особенно, когда дается корректная ориентация в одно-сторонней эволюции, постулируемая в «Тотеме и табу», так как включение роли, которую играет венская сексуальность и богини-матери, которая, как Фрейд сам определенно заявляет, осталась необъяснима.

Это нарушение в естественной эволюции сексуального инстинкта обеспечивает разграничение между предчеловеческой и человеческой эволюцией, порождая, как мы предполагаем, раскол в Эго, примитивная часть которого оказалась вытесненной. Основывая нашу гипотезу на том, что было клинически наблюдаемо, мы можем предположить, что путь развития шел по следующим направлениям.

Сдерживание и либидо, и агрессивности привело к созданию ситуации, когда Эго должно было постоянно иметь дело с проблемой чрезмерных внутренних требований, приводящих людей или к инстинктивному удовлетворению и, следовательно, к смерти от рук племени, или к слову вследствие патологического страха. За этим следовали глубокие реакции по отношению ко всем функциональным проявлениям женской сексуальности, и закономерное табу на такие объекты во всех их функциональных кризисах, избегание, обусловленное желанием Эго предотвратить образование ситуации тревоги, которая могла бы сокрушиться в форме афанизиса¹ — единственное слово (Джонс²), которое точно описывает состояние.

Мы можем предположить, что самые ранние тенденции к этой диссоциации Эго, вероятно, начались в фазе орды, где взрослые молодые мужчины чувствовали вину по отношению к первичному отцу вследствие их агрессивности и их фрустрированного либидо, такие реакции, возможно, были основаны на оральном прошлом.

После первичного преступления и более позднего коллективного контроля агрессивности индивидов и либидинозных импульсов и образования коллективной табуированной совести, должно быть, постепенно возникали интроекции первичного отца и были сформированы ранние слои человеческого Супер-Эго (как мы теперь

[Афанизис — крайняя степень страха перед полной потерей способности к удовольствию.]

² Jones, E. Fear, Guilt and Hate // I. J. PA. — 1929. — Vol. 10. — [P. 383—397.] — P. 391.

можем наблюдать в анализе) в его аспектах дьявола и спасителя; все более поздние интроекции, связанные с вытеснением инцеста, включая фрустрирующую мать, кажется, следуют по тому же самому пути. Вытеснение более поздней гомосексуальной фазы (которое следовало из торможения инцестуозной гетеросексуальности и тесно связано с комплексами беременности и родов и родственными табу) добавило еще дальнейшие диссоциативные факторы, вместе с которыми была создана целая сложная система защитных механизмов. Вытеснение явной гомосексуальности развивалось почти по такому же пути, как более ранее вытеснение инцеста — и из-за подобных же причин, то есть из-за угрозы разобщения в рамках племени.

Те инстинктивные импульсы, которые образуют основание первичного Эго-удовольствия и которые в мире животных являются почти не контролируемыми при наличии обонятельных и зрительных сексуальных тропизмов женщины (а в мире насекомых являются гипнотическими), были теперь отвергнуты Эго, как следствие реальной угрозы смерти и кастрации. Они оставались временно подвешенными в бессознательном Эго между сознательным Эго и Ид, где они впоследствии удерживались инцестуозным барьером, присутствующим в табу. (Табу представлены включенные в систему внушения защитные механизмы Эго.)

Это расщепление в Эго является в соответствии с идеей Ференци¹ тем, что интроекция происходит в фазе сепарации внешнего мира и Эго, и теорией Фрейда², что первичное Эго является Эго-удовольствием. В филогенезе первым большим ударом по этому Эго-удовольствию (кроме биологических результатов ледникового периода), должно быть, была фрустрация инстинктивного либидинозного желания. Факт, что удовольствие (и, конечно, также было в филогенезе) сначала испытывалось в связи с грудью и что теперь в нашем культурном существовании большая фрустрация или неполное

¹ *Ferenczi, S. Introjektion und Übertragung (1909) // J. — 1909. — Bd. I. — S. 422—457.*

Freud, S. Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens (1911b) // G. W. — Bd. XIII. — S. 229—238. [«Формулировка о двух принципах психической деятельности».]

удовлетворение происходит на оральном уровне с некоторой диссоциацией Эго, не лишает законной силы теорию, что филогенетическая диссоциация Эго следовала первоначально из-за фрустрации сексуального инстинкта в пубертате. Это показывает только, что в онтогенезе более ранние фрустрации в анальных и оральных сферах (которые являются в значительной степени результатом культурной эволюции) имеют подобные же эффекты и заставляют индивидуальное психическое развитие следовать по тем же самым путям, как те, по которым первоначально (прежде чем возникла задержка) происходило в пубертате. Нарушение в развитии сексуального инстинкта, которое столкнулось с повторением принуждения чистого инстинкта, раскалывает Эго и устанавливает инцестуозный барьер, и, хотя это лишало мужчину способности полностью наслаждаться простым инстинктивным удовольствием, все же это научило его благоразумию и сдерживанию в противоположность исключительно инстинктивному ответу.

Если данная гипотеза правильная, то это означает, что при изучении роста Эго в онтогенезе мы должны признать две отдельные фазы развития. 1) Фаза, которая возникает до протекания эдипова комплекса и которая затем в значительной степени погружается в вытеснение и становится бессознательным Эго. Это раннее развитие Эго, однако, несопоставимо тому, что по нашему предположению является развитием Эго у *животного*, потому что с самого начала это находится под влиянием наследственных тенденций, которые были приобретены на протяжении *человеческой* эволюции, с постепенной задержкой человеческого развития, и оральными и анальными ограничениями, которых не существует в мире животных, а являются следствием *человеческой* культуры. 2) Фаза, которая *следует* за разрешившимся эдиповым комплексом. Взрослое сознательное Эго, как мы представляем главным образом в связи с этим, принадлежит постэдиповой фазе (латентному периоду и пубертату); это связано с идеализмом и создано в значительной степени защитными механизмами, последствиями более позднего культурного (то есть гигиенического) и интеллектуального воспитания.

Здесь у нас нет необходимости касаться более глубокого первоначального Эго, которое должно сформировать основание Эго, как это развивается у человеческого ребенка, кроме этого, скажем,

возможно, что такое Эго представляет поверхностность Ид, для самого Ид и всех инстинктов, которые есть ничто иное как многочисленные слои внутренних и внешних переживаний, надстроенных с начала органической жизни. Наша работа является попыткой понять различия между двумя фазами развития Эго, которое можно наблюдать в анализе.

В филогенезе истоки табу, которые, в конечном счете, появились, чтобы функционировать от имени Супер-Эго, оказались потерянными в расовой амнезии; табу продолжали функционировать автоматически, их психические осадки теперь поддерживаются онтогенетическим вытеснением. Кажется, что определенные инстинктивные импульсы почти отсутствуют среди нормальных людей, и едва лишь общепризнаны, за исключением крайней замаскированной формы. Происхождения процессов, которыми эти вытеснения были вызваны и при которых инстинкт поддался коллективному давлению изнутри видов, погрузились в амнезию и имеются трудности реанимации, потому что эти осадки универсальных табу, кажется, у некоторых людей состоят только из тенденций или, если это предпочтительнее, филогенетических приобретенных защитных механизмов, которые сопротивляются исследованию.

Лорд Реглан¹, известный антрополог (насколько я знаю, не знакомый с моими взглядами и несколько антипатичный к теориям Фрейда), также отдавал центральную роль табу менструации в этой эволюции. По моему мнению, он правильно считает, чтобы понять табу инцеста, мы должны объяснить табу менструации. Однако он делает это, приписывая ему «магию», которая, как мы думаем, не решает проблемы².

Raglan, F.-R. R. S. Jocasta's crime; an anthropological study. — London: Methuen & co. Ltd., 1933. — xii+215 p.

Магия здесь принадлежит к реакции на внешний мир с его реальными наказаниями и к внутреннему миру с его инстинктивными побуждениями. Оба из них через вытеснение вызывают явления, которые человек неспособен объяснить любым другим способом и приписывает их к магии. Субъект облакает в конкретные формы и проецирует свои бессознательные вытесненные желания и страхи на внешние объекты и объясняет их как магию, вызванную данными объектами. Предполагают, что магия приносит вред и разрушение различным врагам, за исключением, где это разрешено религией и считается чудом (эквива-

С экономической точки зрения, возможно, уместно здесь упомянуть, что из всех табу табу менструации является самым отвращающим. Поэтому это не должно удивить нас, обнаружив, что психологические реакции на явление менструации, беременности и родов в онтогенезе имеют большую важность, чем мы предполагали до сих пор. Это мое утверждение, что аспект менструации в особенности находится в корне чрезмерного ужаса от женских гениталий, который Фрейд приписывал к страху кастрации, хотя он не был удовлетворен тем, что полностью объяснил его. Он связывал ужас не с менструацией, а с подтверждением кастрационного страха тогда, когда маленький мальчик обнаруживает, что сестра или любая другая маленькая девочка-приятельница не имеют сексуального органа. (Тогда Фрейд предполагал, что менструация была взрослым явлением, полностью или почти неизвестным ребенку¹.)

Эффект всего кровотока в отношении к травмам является и пока всегда, по моему мнению, был недооценен по той самой причине, что травмы вызывают такое *внезапное* вытеснение, связанное с самой глубокой амнезией, в то время как меньшее явление подобной же природы все время обращало на себя внимание и таким образом давало ложное впечатление большей универсальности и важности. Эта частота возникновения, легкость наблюдения и иллюстрации облегчают принятие переоцененного материала, который, как сказано, менее важен. Страх кастрации, например, более легко наблюдаем, чем его самые глубокие травмирующие причины. Восприятие детьми обоих полов взрослых сексуальных органов производит на них

лентным «белой» магии). Менструальная кровь используется в различных целях и в черной, и в белой магии, как показано многочисленными примерами повсюду в литературе по антропологии. Например, во всем мире суеверными женщинами менструальная кровь используется для любовного заговора, в такой проекции они придают этому биологическую функцию привязывания мужчины к ним для обеспечения оплодотворения. Для мужчины менструирующая женщина является табу, потому что это глубинное бессознательное взаимодействие связано с бессознательным страхом Эго быть съеденным и кастрированным, страхом, через который его инцестуозные желания были фрустрированы. Кроме того, предыдущая ненависть и страх отца были смещены на женщину, таким образом, усиливая ее черную магию. Ужасно красивые и отталкивающие уродливые аспекты агрессивных богинь и ведьм здесь имеют свой генезис.

Частное сообщение после того, как он прочитал одну из моих ранних статей.

глубокое впечатление: не только из-за их размера, аромата и присутствия волос, но также и из-за явления эрекции, при увеличении головки пениса у мужчины, или менструации у женщины. Это два элемента в сексуальности, которые больше всего тревожат и возбуждают ребенка и которые окружены тайной.

Там, где в онтогенезе инстинкты больше *напрямую* не фрустрировались, теперь их торможение происходит *косвенно*, потому что пути для вытеснений фаллической фазы были уже подготовлены детским воспитанием в более ранних оральной и анальной фазах. То есть с филогенетическим вытеснением инцеста определенные тенденции, кажется, постепенно формировались в человеческом разуме, сейчас обычно называемые как «приобретенные» тенденции. Они почти имеют власть самих инстинктов, хотя могут быть направлены против них, функционируя в обслуживании Супер-Эго и вытеснения. Очевидно, почти естественное развитие определенных «приобретенных» тенденций в инфантильном Эго может принадлежать этой простой человеческой предрасположенности, хотя они также могут частично следовать из впитывания ребенком табуированных реакций, свойственных его родителям и окружающей среде.

Это, казалось бы, было психологическим основанием «апперсонизации», — термин, используемый Шилдером и Сперлингом, обозначающий принятие эмоций, жизненного опыта и действий другого человека (в противоположность инстинктивной мимикрии), которое в какой-то степени выступает как компонент идентификации и интроекции.

Я думаю, Теодор Райк выражается правильно, когда говорит, что первоначально психологическим пониманием было непосредственное предчувствие природы и руководство инстинктивными тенденциями других людей. Интроекция и процессы проекции имеют в значительной степени более позднее развитие¹. Таким образом, при фрустрации первичных импульсов, которая неизбежно повлекла за собой вытеснение инцеста, простые непосредственные формы инстинктивного понимания были заторможены, и в человеческой психике постепенно сформировались вторичные тенденции.

См. превосходный исторический обзор по интроекции Фухса (*Fuchs, S.H. On Introjection // I. J. PA. — 1937. — Vol. 18. — P. 269—290*).

Расцветающие инстинктивные сексуальные импульсы часто только частично развиваются у человеческих детей, тогда, когда они уже находятся под влиянием неодобрительных позиций их родителей. Младенцы часто почти со дня рождения подвергаются вытеснению. Таким образом, импульсы могут появиться на фаллическом уровне только как атрофированные признаки инстинкта. Часто только в психозах и некоторых крайних преступных типах можно наблюдать те следы чистого инстинкта (точно такие же, какие встречаются в мире животных). (Например, моя психотическая пациентка хотела нанести свою менструальную кровь на мою кровать, для того чтобы насильно соблазнить и привязать меня к себе; в этом она придавала своему менструальному кровотечению функцию, которую выполняет до-эструсное выделение в более низшем мире животных, то есть закрепление самца к самке до зачатия является обеспечением в эструсе. Следующей ночью она мечтала о том, что имеет ребенка от меня. Запах также играл особую роль в анализе этой пациентки; она также пыталась соблазнить меня, используя аромат. Этот материал не должен быть перепутан с патологическим связыванием, которое возникает из-за кастрационного страха.)

Анализ бессознательного Эго кажется мне одной из самых трудных задач, которую мы должны разрешить. Мы должны более полно понять природу привлекательных элементов Ид примитивных инстинктивных импульсов, против которых вторичное сознательное Эго установило защиты. Супер-Эго автоматически ограничивает антисоциальные, бунтарские тенденции той части Эго (первичного Эго-удовольствия), которая имеет тенденцию отвечать на Ид-импульсы. Когда они через стимулы, сообщенные чувственными восприятиями, пытаются разразиться из вытеснения, Супер-Эго позволяет выражение либидинозным и агрессивным тенденциям только по социально допустимым путям. Этот переход, как вообще считалось, осуществился через интроекцию, идентификацию и проекцию, которыми Ид-стремление к объекту было прекращено. Эта эволюция была значительно разъяснена Эдвардом Гловером в «Невротическом характере»¹ и в различных статьях о дифференциации Эго.

¹ *Clover, E. The Neurotic Character* •// I. J. PA. — 1926. — Vol. 7. — P. 11—30.

В универсальном суеверном страхе крови мы можем обнаружить страх Эго вытесненных агрессивных импульсов, а именно, в этом моменте, то, что комплекс отца непосредственно смешан с комплексом матери. Есть тенденции видом крови вызывать в одно и то же время вытесненный агрессивный компонент сексуального импульса, когда-то направленного против отца в первичном преступлении, и табуированной реакцией, связанной с вытеснением, а также и сопутствующие либидинозные импульсы. Следовательно, кровь также имеет тенденцию пробуждать самое глубокое чувство вины, сопровождаемое неизбежным садизмом Супер-Эго.

Одним из немногих наблюдений, которое сделал Фрейд¹ по проблеме менструации, было то, что случайное знакомство с менструальной кровью, кажется, играло важную роль в генезисе садизма (когда дети замечали кровь на постельных принадлежностях или одежде их матери), *via* идентификации с отцом в первичной сцене, в которой кровотечение матери, как предполагалось, вызвано отцом.

В садизме нормальный агрессивный компонент сексуального инстинкта (частичная функции которого в дополнение к борьбе с конкурентами состоит в том, чтобы подчинить женщину, согласно ее биологической цели) отделился от первоначальной цели и действовал для осуществления этого перверсивного удовольствия выражения ненависти, в то время как чувствительные компоненты инстинкта преобразовывались в жестокость. Когда травма менструации стояла во главе угроз кастрации, следовало смещение ненависти с отца на мать, сын легко идентифицирует себя с отцом в своих фантазиях жестоких нападений на мать; и когда они также подвергаются вытеснению, то формируют глубокий бессознательный источник вины по отношению к матери и всем ее заместителям. На пассивном гомосексуальном уровне он идентифицирует себя с матерью и жаждет нападения отца.

Позвольте нам обратиться снова к другой стороне дела, то есть той, которая имеет дело с фрустрацией специфически *женских* элементов сексуальности, в особенности вытеснение инстинктивного желания дочери иметь ребенка от отца. Способы, которыми

¹ Freud. S. Zur sexuellen Aufklärung der Kinder (1907c) // G. W. — Bd. VII. — S. 17—27. [«О сексуальном воспитании детей».]

это вытеснение вызывалось и вызывается, не были и не могут быть настолько драматично иллюстрированы как анализ страха кастрации у мужчины, хотя в полученных антропологических данных доказательство является достаточно внушительным. Мы можем предположить, что в филогенезе до вытеснения инцеста немного или вообще не фрустрировалась сексуальность женщины, так, как это происходило с молодым мужчиной при его подчинении первичному мужчине в фазе орды. Но когда с вытеснением инцеста это вытеснение действительно появилось, для женщины это должно было иметь более внезапное и большее разочарование, чем в случае с мужчиной, Эго которого было подготовлено к этому предыдущей фазой орды, в которой его желания были уже до некоторой степени усмирены.

Есть те, что говорят, что способны принять мою теорию комплекса менструации, ровно настолько, насколько это имеет отношение к мальчикам, и тот, кто соглашается, что кровотечение матери может играть важную роль в травматическом подтверждении страха кастрации и страха быть съеденным, и в генезисе садизма, фобий и компульсивных неврозов, но кто-то не может согласиться, что это содержит одинаково глубокое основание для невроза в случае с маленькой девочкой, и в генезисе патологического мазохизма, зависти к пенису и истерии. Эти люди не принимают в полной мере во внимание факт, что в девочке вытеснение желаний иметь ребенка от отца (которое, как мы знаем, Фрейд всегда подчеркивал) — желание, которое было однажды исполнено в пубертате, является столь же специфическим, как торможение желаний кастрацией у мальчика. И при этом они не достаточно берут в рассмотрение источники эдиповой конкуренции между матерью и дочерью в связи с менструацией матери в детстве и менструацией дочери в пубертате.

Общее психическое состояние большинства женщин как раз перед и во время менструации, кроме тех, у которых отмечаются очевидные патологические состояния, с общего согласия признается беспокойными, и такое беспокойство происходит для того, чтобы быть расцененным многими людьми как часть *нормальной* психической жизни женщин; это считается само собой разумеющимся, что в это время для них нужно сделать любое допущение, в то время как они, также обычно полагают, не являются нормальными — противоречивое отношение, которое является трудным для согласования,

все же легко разрешается простым высказыванием о том, что это составляет одну из тайн женщины. Объяснение отношения мужчины к женщине в это время нужно искать в мужской психологии, и особенно в вытеснении мужчиной пассивной гомосексуальности.

Как указала Карен Хорни¹ и как мы можем наблюдать и аналитически, и иным способом, женщины часто страдают от депрессии в это время, которая сопровождается отмеченным чувством угнетения и фрустрацией, иногда с признаками раздражительности и тревоги. Их сновидения часто сильно окрашены и типичны сновидения об оплодотворении или выражения самых глубоких страстных бессознательных желаний, сопровождающихся крайними садистическими действиями мести мужчине за их не исполнение. Однако мы отвергли бы идею, что этот специфический женский элемент комплекса менструации важен для женщин только в пубертате, и затем, главным образом, *только* в связи с женским комплексом кастрации. Девочка в позитивной фазе ее эдипова комплекса является маленькой женщиной так же, как мальчик является маленьким мужчиной, и факт, что она не менструирует и не вырабатывает яйцеклетку, параллелен тому факту, что мальчик не вырабатывает сперму. Мы говорим здесь о том, как «комплекс менструации» относится, прежде всего, к эдиповой фазе онтогенетической эволюции, без полного понимания которой мы можем лишь едва ожидать правильное оценивание более поздних тревог у взрослых, мужчин и женщин, не преодолеем ни патологической пассивности невротичного мужчины, ни патологической активности невротичной женщины.

Существуют различные формы тревоги у взрослых женщин, связанных и с пред-менструальной фазой, и с фактическим течением, и они, как известно, обнаруженные в анализе, имеют особое отношение к неполучению ребенка от отца в женской позитивной эдиповой фазе и к комплексу кастрации в женской негативной эдиповой фазе. В отношении истерии, как мы уже видели, Фрейд писал: «Но какие силы совершают это вытеснение детских впечатлений? Кто разрешит эту загадку, объяснит также и истерическую

Homey, K. Die pramenstruellen Verstimmungen // Z. Ps. P. — 1931. — Bd. 5. — S. 161.

амнезию»¹. Однако позже он писал: «Так как не подлежит сомнению, что истерия имеет большее родство с женским полом, подобно тому, как невроз навязчивости с мужским, то весьма естественно предположить, что условие страха потери любви играет, вероятно, при истерии такую же роль, какую угроза кастрацией при фобиях, и страх Сверх-Я при неврозе навязчивости»². \

Может мы не подозреваем, что при истерии этот детерминант тревоги (потеря любви), который в эдиповой фазе соответствует не получению ребенка от отца, является онтогенетическим эквивалентом для не оплодотворения в пубертате, который в очень неясном прошлом был фрустрирован в филогенезе с вытеснением инцеста? То оплодотворение было предварительно в фазе орды, прежде чем вмешалась задержка человеческой сексуальности, всегда вызывалось первичным мужчиной и останется в женской душе как осадок, на котором покоится разочарование в ее любовных отношениях с отцом, что является причиной протекания позитивного эдипова комплекса девочки, и это таким образом было бы дополнением мужского страха кастрации.

Карен Хорни³ в той же самой статье, основанной на моей ранней работе по комплексу менструации, привлекла внимание к факту, что усиление либидо как раз перед менструацией⁴ имеет биологическую цель — подготовку к оплодотворению, и обнаруживает, что пациентки имеют бессознательное восприятие того, что означает важные органические изменения, и что это влияет на их психическую жизнь. Это вызывает чувство вины — чувствуя что-то плохое и греховное, от которого наступает облегчение с началом течения. То, что вытесняли ее пациентки, оказывается, было желание иметь ребенка от отца —

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. V. — S. 27—145. [Цит. по рус. изд.: *Фрейд*, 3., 1990. С. 151]

² Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d [1925]) // G. W. — Bd. XIV. — S. 113—205. [Цит. по рус. изд.: *Фрейд*, 3., 1927. С. 70.]

³ Horney, K. Die prämenstruellen Verstimmungen // Z. Ps. P. — 1931. — Bd. 5. — S. 161.

Я добавил бы, что это совпадает с изменением в дыхании женщины, которое в это время часто имеет сладковатый аромат, мало чем отличающийся от хлороформа. Это не должно быть перепутано с ароматом, часто скорее подобному луку, который сопровождает сам менструальный период.

желание, окруженное страхом и чувствами вины из-за прошлых ассоциаций с деструктивными импульсами. Такое вытеснение приводит в крайних случаях к полному отказу от желания рожать детей.

Из наблюдаемых случаев Хорни делает вывод, что в то время, когда тело готовит себя к оплодотворению, вытесненное желание иметь ребенка от отца мобилизует против себя все доступные защитные механизмы и что это является приводящим к тем нарушениям во внутреннем равновесии, которое мы привыкли встречать в предменструальной фазе. Сновидения здесь возникают с поразительной частотой, которая открывает природу конфликта. Она предполагает, что предменструальные расстройства непосредственно начались физиологическим процессом подготовки к беременности и что это является временем угнетения только в случае тех женщин, у которых мысль о материнстве связана с острыми внутренними конфликтами, принадлежащими эдиповой фазе, и что желание ребенка является первичной характеристикой, закрепленной глубоко в биологических тенденциях, которая *вторично* усилилась завистью к пенису. Желание оплодотворения показывает все свойства, которые Фрейд по мере необходимости упоминал для «инстинкта»: тяга к материнству является психическим репрезентантом непрерывно текущего внутреннего соматического источника стимуляции.

Эдиповое желание дочери быть объектом отца является, конечно, не менее важным, чем мужское желание иметь мать как свой объект. Ужасная жестокость обрядов пубертата девочек среди современных дикарей (хотя они, возможно, также частично поддаются другим объяснениям, связанным с человеческим садизмом), действительно, кажется, содержит остатки более отдаленного вытеснения инцеста отца и дочери. Мы не должны упустить факт, что среди многих племен есть строгое табу в отношении отца, имеющего свою дочь в пубертате. Жестокость обрядов пубертата гарантирует, что инцестуозные тенденции эдиповой фазы с усиленным либидо снова не прорвутся.

Заключение

Отклонение к женскому комплексу менструации в предшествующих параграфах увело нас от нашей главной задачи — показать, как влияла женская сексуальность на реакции мужчин в психической эволюции человека. Однако необходимо было учесть и мужские, и женские аспекты комплекса, чтобы правильно оценить это влияние как причинный фактор амбивалентности, мазохизма и садизма, которые глубоко связаны в психологическом отношении с нарушением в сексуальном развитии, которое произошло с вытеснением инцеста и усилением гомосексуальности, которая следовала за этим.

Мы, имея как гипотезу, пытались развернуто показать влияния, которым эволюция культуры обязана этому источнику. Самыми важными из них была биологическая угроза сохранения наших видов, удерживающаяся в период анархии, которая следовала за предшествующим развалом фазы орды. Чтобы этому воспрепятствовать, наши ранние предки *коллективно* наложили ограничения на сексуальные действия индивидуальных представителей примитивных сообществ. Травмирующие эффекты фрустраций, в конечном счете, вызвали нарушение в сексуальном развитии и в компульсивном повторении чистого инстинкта, нарушение, которое было причиной той задержки человеческого развития, которая отличает человека от оставшегося мира животных.

Далее мы постулировали, что реакции мужчины на кровотечение женщины (из-за психобиологических связей крови с оральным и сексуальным удовлетворением: любовью и рождением — с одной стороны и страхами смерти, и кастрации — с другой) были настолько травмирующими, что они стали потерянными в расовой амнезии. Эта амнезия поддерживалась табу и филогенетически приобретала тенденцию травматически реагировать на кровь в онтогенезе. Причины реакций потеряны, но только в смысле филогенетического и онтогенетического вытеснения; так, что мы можем разумно надеяться, что возвращение к жизни этих травмирующих случаев прольет значительный свет не только на мрак генетических источников нашей психической эволюции, но также и на неврозы, которые являются наследниками неудачного вытеснения или сублимации этих травм. Таким образом, мы нашли обоснование веры Фрейда в то,

что некоторые важные детали нашей психической эволюции все еще остаются восстановленными из бессознательного, тогда мы можем преодолеть наши сопротивления по отношению к ним.

Внимание было также направлено к экономическому фактору, то есть к тому, что табу менструации является самым отравляющим из всех табу. (Единственное другое табу, которое приближается к этому по ядовитости, — табу родов, которое также связано с кровью.) Предлагалось, что этот фактор обеспечивает ключ к решению страха инцеста, явления, в отношении которого Фрейд настаивал, что это осталось пока необъясненным и что мы даже не знаем, как разгадать это объяснение.

Мы имеем дело в большей степени в этой статье с комплексом менструации, нежели с другими двумя важными факторами в женской сексуальности — беременностью и родами. Отчасти мы сделали так из-за ограничений места и частично, потому что в большей степени пренебрегалось исследование его психической роли в онтогенезе эволюции. Но мы находились, главным образом, под влиянием факта, что имели причину полагать, что биологические реакции на кровотечение женщины при менструации и родах были первичными факторами в осуществлении вытеснения гетеросексуального и гомосексуального инцестуозного желаний и что из всего этого психологическая важность менструации была наименее оцененной. Хотя полную значимость нужно отдать роли, которую играет в этой эволюции комплекс родов¹, все же реакции на это не могут быть полностью поняты без оценки комплекса менструации. Последний находится в действии раньше, чем комплексы беременности и родов, так как ребенок обычно попадает под влияние изменяющегося цикла его матери прежде, чем наталкивается на состояние беременности и заключительного кризиса родов.

Принимая во внимание материал, который был представлен, кажется допустимо позволить найти связи онтогенетического

В этой статье я говорил о «комплексе родов» вместо «комплекса рождения», чтобы дифференцировать от теории травмы рождения Ранка. Последний занимался реакциями ребенка на его собственное рождение, тогда как мы занимались реакциями ребенка на рождение другого ребенка и вытеснением его желаний иметь ребенка.

комплекса менструации с табу менструации. Будем надеяться, что сделанные выводы прольют немного света на неизвестность, которая до настоящего времени скрывала происхождение страха инцеста, дикого суеверного страха крови мужчин и вытесненного онтогенетического ужаса женской вагины, — три фактора, которые не были ранее приведены в близкое соприкосновение друг с другом в их связи с вытеснением инцеста.

Торможение сексуального инстинкта сопровождалось длинным рядом психологических реакций, из которых самые важные в сфере патологии включают негативные реакции обоих полов в инцестуозной фазе, вместе с причинами этих реакций и их вытеснением.

СИМВОЛЫ МЕНСТРУАЦИИ

багрянец (По, Э.) 100—101

«венчик из роз» (латинская и германская драматическая литература)
56—57

драгоценности как отрицание кровоточащей вагины (Лафорг, Р.) 81

красная шляпа (сновидение) 66; 67

красная глина (сновидение) 66

кровоточащий глаз (По, Э.) 86—88

кровоточащий труп (Бодлер, Ш.) 79

кровоточащая ладонь [нож (как пенис) пронизывающий ладонь (как вагина)] (сновидение) 6

одноглазое кровоточащее животное, потеря глаза (По, Э.) 83—84

пропасть, черный ад, черный знак [отрицание кровоточащей вагины]
(Бодлер, Ш.) 76—77

румянец (Эллиса) 58

свинья = нечистота женщины (поверье) 43

глаз, тайный пылающий (Бодлер, Ш.) 80

тарелка с кровью (сновидение) 66

цветы (расцвели), цветение, 56—57; 67; 79 (латинская, германская драматическая литература, индуизм, сновидение)

ядовитая ягода (Геббель) 32

Предисловие

А. Место и роль К. Дали в психоаналитическом движении

Клод Дагмар Дали — малоизвестный психоаналитический автор. Его вклад в психоаналитическую теорию хотя и не так обширен, но существен и, к сожалению, забыт. Сама судьба его — пример напряженного самоанализа, вдумчивых поисков в области психологии женственности.

Начав военную службу в Индийской армии, Дали дослужил до чина лейтенант-полковника. Он увлекся самоанализом, тщательно записывая свои сновидения, борясь с сопротивлениями, вновь и вновь записывая и конструируя таким образом свои будущие взгляды. Основная проблема, интересовавшая его в течение многих лет, — женские сексуальные тропизмы. Основное понятие, вокруг которого выстраивается его теоретическая концепция, — травма менструации и комплекс менструации.

Комплекс менструации — переходная точка поворота от матери к отцу — то, что натуралистически «оправдывает» страх перед женщиной и «подтверждает» страх кастрации.

Ференци писал ему: «Ваш личный случай показывает, по крайней мере, мне весьма ясно большую важность проблемы менструации для психоанализа. Она, должно быть, играет большую роль во время процесса преобразования анальных садистических тенденций в генитальные. Я разделяю мнение Фрейда в отношении ценности ваших полученных данных. <...> я уверен, что ваша работа рано или поздно найдет оценку, которую безусловно заслуживает»¹.

¹ Цит. по: /. R. [John Rickman]. Claude Dagmar Daly (1884—1950) // I. J. PA. — 1950. — Vol. 31. — P. 290—291.

Несмотря на то, что фактически ни одна работа, посвященная проблемам менструации, написанная после 1930-х гг., не может обойтись без ссылки или цитирования Дали, его взгляды на менструальный комплекс не получили должного развития.

Необходимо отметить подвижническую деятельность Мэри Лаптон по восстановлению роли идей Дали для психоаналитической теории. Ее публикации в 1990-х гг. вновь привлекают внимание к имени и творчеству Дали.

Б. Основные труды¹

Всего известно 17 публикаций статей Дали в различных журналах, не считая их переизданий. В своем некрологе Рикман также упоминает рукописи двух книг «Женская сексуальность в человеческом развитии» и «Психические реакции генитального обонятельного тропизма», которые, по-видимому, погибли при пожаре во время Второй мировой войны.

В основном его работы посвящены тем или иным аспектам менструального комплекса и фактору женственности в культуре.

В своей первой публикации в печати «Числа в сновидениях» (1921)² Дали рассматривает значение числа 935 для анализируемого им пациента. В другой короткой заметке «Простая *Larus lingua*» (1922) он описывает оговорку женщины, подавляющей в себе желание мочеиспускания, которая вместо «висмут» (химический элемент) говорит «писмут».

Большая статья «Индусская мифология и кастрационный комплекс» (1927) рассматривает культ индуистской богини Кали, воплощающей в себе черты кровавой и кастрирующей Великой богини матери. Рассматривая значение менструации, Дали дискутирует с Фрейдом и Хорни о кастрационном страхе и зависти к пенису. Тема менструального комплекса продолжается и более четко оформляется в его следующей публикации «Комплекс менструации» (1928). Дали рассматривает менструальные табу, обряды и ритуалы различных племен, касающиеся менструации, возникновение таких переживаний, как страх смерти, страх кастрации,

Обзор дается по оригиналам и аннотированной библиографии: *Lupton, M.J. and Lupton, J.R. Annotated Bibliography of Claude Dagmar Daly (1884—1950) // American Imago. — Spring 1990. — Vol. 47. — № 1. — P. 81—91.*

Здесь и далее см. библиографию К. Дали (наст. изд. С. 169—170).

чувств стыдливости и застенчивости, формирование перверсий и неврозов, показывая значение менструального комплекса в широком культурном контексте.

В статье «Психология революционных тенденций» (1930с) автор анализирует революционную философию в Индии. Дали отмечает, что большинство насильственных методов, побуждающих британские правила, связаны с бессознательным ужасом отца. Он локализует источники этих насилий в определенных индусских мифах, и затем в греческих мифах о Персеи, в которой страх сына менструации матери смещается на отца и брата: «голова Горгоны = кровавая вагина менструирующей матери». Дали отмечает, что индийские революционеры схожи с Кали, богинями матери, которые восстают против отца. Автор также выдвигает гипотезу Фрейда о первичном преступлении, проводя параллель с индусской мифологией.

В статье «Психические реакции на обонятельные стимулы» (1930а), написанной в соавторстве с Р. Уайтом, Дали отмечает идеи Х. Эллиса, З. Фрейда, Ференци, Джонса и др., использует литературу, относящуюся к проблематике запахов. Авторы дискутируют о терапевтических возможностях «благонных наркотиков» в лечении истерии. Дали объясняет, что вытеснение сексуальных запахов и менструации происходит по причине табу инцеста.

Работа «Психологическое отношение мужчины по отношению к женщине» (1930b) основана на антропологическом подходе к пониманию проблематики отношения мужчины к женщине и посвящена в целом табу: менструации, материнской менструации, жестокости в отношении женщин и табу, которые до сих пор продолжают существовать и разрушать женщин. Дали аргументирует, что вытеснение либидинозных желаний во время менструации может быть связано с женской ипохондрией: «наследственное игнорирование веры, что менструация это болезнь». В статье Дали дискутирует с Карен Хорни о зависти к пенису, которая первоначально происходит из обесценивания женских гениталий.

В статье «Пред-человеческая психическая эволюция: гипотетическая теория психологического развития нашего вида в доледниковой, ледниковой и ранней пост ледниковой эпохах» (1932) Дали представляет свою теоретическую конструкцию пяти хронологических стадий. Он говорит о доледниковой эре, которой характерно изобилие пищи и сексуальности; ледниковом периоде с его голодом и каннибализмом; эпохе орды, где мужчина (первичный отец) начинает доминировать; периоде пост орды с агрессией, конкуренцией и страстью, ограничением сексуальности молодых мужчин

XII

через страх быть съеденным отцом и свержение, уничтожение первичного отца; и, наконец, — человеческой эпохе. Дали предполагает, что женщины играют сексуально активную роль в «первичном восстании» из-за своей привлекательности для молодых членов орды. Последний тезис противоположен мнению Фрейда, выраженном в «Тотем и табу», что женщины не участвуют в первичном преступлении против праотца. Именно женщины породили своими периодами страстного сексуального желания и соблазна зарождение гомосексуальных тенденций, сексуальные табу, инцестуозные законы, брачные обычаи и т. д. Предполагается, что ограничение коитуса во время страстного сексуального желания и соблазна женщины вызвало состояние менSTRUАЦИИ.

В статье «Психологический анализ военной морали» (1934) автор вводит различие между понятиями «социальная мораль» и «военная мораль»; обозначает определенные типы проблем, связанных с войной: болезненная тревога, депрессия, страх смерти — то, что связано с военным опытом. В работе используется статья Фрейда «Психология группы и анализ Эго».

В большой статье «Ядро эдипова комплекса» (1935а) Дали развивает аргументацию к своей концепции комплекса менSTRUАЦИИ. Он обсуждает описание четырех клинических случаев: 1) случай Человека-волка у Фрейда; 2) продолжение случая Человека-волка у Р. Мак-Брюсвик; 3) случай, описанный Г. Гроддеком; 4) случай, описанный Ж. Лампл-де Гроот. Также он сообщает ряд случаев из своей аналитической работы. Дали указывает на связь менSTRUАЛЬНОГО комплекса и анального садизма. МенSTRUАЛЬНЫЙ комплекс частично относится к эдиповому комплексу. Мальчик узнает о запахе своей матери, когда она менSTRUИРУЕТ, что его крайне сексуально возбуждает. Подобные переживания вызывают страх быть съеденным и кастрированным. Ревность, страх, ненависть к отцу теперь перенаправляются на мать как на объект, который сексуально соблазняет. Филогенетически отец первичной орды различными способами наказывал тех мужчин, которые вступали в коитус с его женщинами, убивая и уничтожая тем самым обидчика. Несколько позже молодые мужчины убили первичного отца. Для того чтобы прекратить кровопролитие, происходящее из-за женщины, должен быть установлен запрет на приближение женщины в половом возбуждении, а в дальнейшем и на саму женщину в определенном состоянии — кровоточащую. Это кровотечение обернулось выдвиганием сексуальных торможений и инцестуозного барьера.

Две последующие работы Дали — «Менструальный комплекс в литературе» (1935b)¹ и «Роль менструации в человеческом филогенезе и онтогенезе» (1943) — резюмируют и развернуто представляют его взгляды на психологию менструации. Менструация (матери) — это важный фактор, влияющий на развитие души отдельного индивида. В работе «Менструальный комплекс в литературе» автор анализирует творчество Шарля Бодлера и Эдгара По на предмет травмы, вызванной менструацией матери, и связанных с нею переживаний и действий. До менструальной травмы, согласно Дали, простирается позитивный эдипов комплекс — ненависть к отцу, которая в дальнейшем смещается на мать как объект кастрированный (менструация является подтверждением ее кастрации), больной, вызывающий своей кровавой вагиной страх смерти и страх быть съеденным. Менструальная травма является причиной отклонения мальчика от матери и актуализацией переживания чувства вины.

В статье «Роль менструации в человеческом филогенезе и онтогенезе» Дали опирается и использует работы З. Фрейда, К. Хорни, М. Бонапарт, Х. Эллиса и ряда других исследователей. Здесь он в целом рассматривает развитие человеческого общества (от орды до современного общества), мужчины в частности, в отношении к явлению менструации (в частности к самой женщине с ее биологическими явлениями: беременность, роды и менструация). Женская сексуальность, согласно Дали, является источником появления табу и запретов на женщину в целом и на все явления, связанные с нею. Автор сопоставляет и анализирует идеи различных авторов в отношении тождественности явления эструса у животных и менструации у человека, выводит функции менструации, проводит связь между явлением менструации, менструальной травмой и возникающими страхами кастрации, смерти и быть съеденным у мужчин.

Публикация «Индуcский трактат о Кали» (1947b) была извлечена из статьи «Свет истины, или Siddhanta Deepika» (1899), переданная на рассмотрение Дали Археологическим департаментом Индии. Статья представляет собой отражение многих образов богинь, которые являются любовью, светом и силой.

Последняя его публикация «Психо-биологические источники обрезания» (1950) посвящена анализу антропологических данных о различиях в мужском и женском обрезании. Во время предыстории

При последующих переизданиях эта статья выходила под заголовком «Материнский комплекс в литературе» (1949) в более расширенном виде.

XIV

человека фактическую кастрацию осуществляли для того, чтобы подавить позитивные инцестуозные побуждения. Это закончилось патологическим торможением гетеросексуальных репродуктивных импульсов и патологической инверсией, то есть преувеличением конституционных гомосексуальных элементов. Обрезание, по мнению автора, возникло для того, чтобы активизировать гетеросексуальное развитие, и очевидно для выживания человеческого вида. Обрезание имело тенденцию противодействовать патологической тенденции к инверсии у мужчин, удаляя женский элемент (крайняя плоть приравнивается к вагине). По мнению автора, обрезание оставляет мужчину и женщину с бессознательным желанием восстановить их первоначальное бисексуальное единство. Дали видит в развитии индивида краткое повторение событий, которые, возможно, имели место в универсальном масштабе в предыстории человечества. Он утверждает, что существует первичное вытеснение позитивного эдипового комплекса, сопровождаемого вытеснением вторичного негативного эдипового комплекса, который, хотя конституционно влияет, является однако, в его генитальной форме, психопатологической реакцией явления. В этих положениях кастрационная тревога, пробужденная так называемым «комплексом менструации» и обонятельными реакциями на женские гениталии, имеет главное значение. Он видит в недавних исследованиях Нунберга относительно обрезания утверждение его собственных антропологических и психодинамических предположений.

В. Биографические данные

Клод Дагмар Дали родился 25 февраля 1884 г. в Новой Зеландии. Он был вторым сыном Эдварда Дали, новозеландского фермера, и внуком генерала сэра Генри Дали. В 1889 г. родители К. Дали развелись и мальчик был оставлен в Новой Зеландии. Он обучался в Ньюпортской средней школе. Во время Южно-Африканской войны 1899 г. Дали добровольно вызвался служить. Преувеличив свой возраст, он был принят в качестве «мальчика-писаря». В дальнейшем он говорил, что подобное действие было вызвано мыслями о его дедушке. С 1902 до 1905 г. Дали учился в Nursery Gardening в Англии. В 1905 г. он стал уполномоченным Суффолкского полка, позже переданного индийской армии (служил в различных

индийских кампаниях). С 1914 до 1916 г. служил во Франции. В этот период у него случился нервный срыв. После чего Дали проходил анализ на протяжении нескольких месяцев в Лондоне. В 1917 г. он вернулся в Индию, женился на Гертруде Хоган. У них родился сын, который умер в возрасте трех лет. За время военной службы Дали не видел своего сына, и эта потеря была для него очень тяжелой. В 1920 г. умерла мать К. Дали.

Публикация первой работы «Числа в сновидениях» состоялась в «International Journal of Psycho-Analysis» в 1921 г. В 1922 г. в этом же журнале была опубликована другая работа Дали — «Простая *Lapus linguvae*». В это же самое время им были закончены рукописи книг «Женская сексуальность в человеческом развитии» и «Психические реакции генитального тропизма», которые он готовил для будущего издания.

Приблизительно в 1924 г. К. Дали прошел первый анализ с Фрейдом, пожертвовав тем самым возможностью повышения по службе. С 1928 до 1929 г. Дали проходил анализ у Ш. Ференци.

В 1927 г. в журнале «Imago» была опубликована статья Дали «Индусская мифология и кастрационный комплекс». В этом же журнале в 1928 г. вышла в свет другая его статья «Комплекс менструации». В 1930 г. была подготовлена и издана статья в «British Journal of Medical Psychology» «Психические реакции на обонятельные стимулы» (в соавторстве), где Дали отвечал за энтомологические и фармакологические разделы статьи. В этом же году опубликована другая статья Дали — «Психология революционных тенденций» (1930с).

В 1934 г. была издана статья «Психологический анализ военной морали». В этом же году умерла его жена.

В 1935—1936 гг. К. Дали уволился из армии (в звании лейтенант-полковника). Отправился в Вену к Фрейду, взяв для аналитической работы несколько пациентов. В 1935 г. в «Psychoanalytic Quarterly» опубликовал работу «Материнский комплекс в литературе», которая несколько позже в 1947 г. была переиздана в «Samiska», и в 1949 г. вновь пересмотренная и расширенная опубликована в «Yearbook of Psychoanalysis».

В 1938 г. Дали уехал из Вены, проехав через Париж. В 1939 г. он становится смотрителем за воздушными налетами в Лондоне. Во время Блица 1944 г. в «Палас Отеле» сгорела переписка Дали с Фрейдом по поводу «Менструального комплекса» и часть его собственных работ.

В 1943 г. К. Дали в «International Journal of Psycho-Analysis» опубликовал свою ключевую работу по проблеме менструации — «Роль менструации в человеческом филогенезе и онтогенезе».

В 1947 г. он вступил во второй брак с Elenore Graefin Vetter von der Lilie.

4 сентября 1950 г. в г. Фолкстоне у К. Дали случился сердечный приступ, в то время когда он купался в море. Его вытащили из моря другие купающиеся, но не смогли спасти. К. Дали умер в санитарной машине по пути в больницу.

Г. Библиография работ о Дали

Упоминания в психоаналитической литературе о Дали скудные и специальные работы, посвященные его творчеству, единичны. Прежде всего, это следующие статьи:

/ . *R. (John Rickman)*. Claude Dagmar Daly (1884—1950) // International Journal of Psycho-Analysis. — 1950. — Vol. 31. — P. 290—291.

Lupton, Maty Jane. Claude Dagmar Daly: Notes on the Menstruation Complex // American Imago. — 1989. — Vol. 46. — P. 1—20.

Lupton, M.J. and Lupton, J.R. Annotated Bibliography of Claude Dagmar Daly(1884—1950) //AmericanImago. — Spring 1990. — Vol. 47. — № 1. — P. 81—91.

Lupton, M.J. Menstruation and psychoanalysis. — Urbana and Chicago: University of Illionois Press, 1993. — P. 109—120.

Рефераты работ К. Дали появлялись в ряде психоаналитических журналов:

Arlow, J. International Journal of Psychoanalysis. XXXI, 1950 [The Psycho-biological Origins of Circumcision. C. D. Daly. Pp. 217—236. Abstract by Jacob A. Arlow] // P. Q. — 1952. — Vol. 21. — P. 437.

- Dooley, L.* Sexuality [C D. Daly. "The Menstruation Complex in Literature". *Psychoanalytic Quarterly*, 1935, Vol. IV, No. 2, pp. 307—340. Abstract by Lucile Dooley] // I. J. PA. — 1937. — Vol. 18. — P. 65.
- Fenichel, O.* The Role of Menstruation in Human Phylogenesis and Ontogenesis [The Role of Menstruation in Human Phylogenesis and Ontogenesis. C D. Daly. *Int. J. Pea.*, XXIV, 1943, pp. 151—170. Abstract by Otto Fenichel] // P. Q. — 1946. — Vol. 15. — P. 129—130.
- Franklin, M.* Applied [C D. Daly. "Pre-human Psychic Evolution" *The British Journal of Medical Psychology*, 1932, Vol. XII, pp. 273—286. Abstract by M. E. Franklin] // I. J. PA. — 1933. — Vol. 14. — P. 414.
- Grant, J.* General [C D. Daly. "Der Kern des Oedipuskomplexes". *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, 1935, Bd. XXI, Heft 2, S. 165—188, and Heft 3, S. 389—418. Abstract by I. F. Grant Duff] // I. J. PA. — 1936. — Vol. 17. — P. 224—225.
- Fenichel, O.* The Menstruation Complex in Literature (Daly) // I. Z. P. — 1935. — Bd. 21. — S. 597.

В последнее время вышла монография Кристины Хартнак, посвященная психоаналитическому движению в Индии Hartnack Christiane. *Psychoanalysis in Colonial India*. Oxford University Press, 2001. 243 p.

Д. Упоминания о Дали во фрейдовских работах

Отдельно необходимо указать те места в трудах З. Фрейда, в которых цитируются исследования Дали. Прежде всего, это сноска в работе «Недовольство культурой» (1930):

«Хотя органическая периодичность сексуальности сохраняется, но ее влияние на психическое сексуальное возбуждение едва ли не стало собственной противоположностью. Изменение связано в первую очередь с прекращением возбуждения, вызываемого в мужской психике менструальными запахами. Эту роль берут на себя зрительные раздражения, которые, в отличие от обоняния, обладали постоянным воздействием. Табу менструации происходит из этого «органического вытеснения» как

XVIII

защита от уже преодоленной стадии развития. Все прочие мотивации имеют, вероятно, вторичный характер (ср. *Daly CD. Hindusmythologie und Kastrationskomplex // Imago. — 1927. — XIII*). Этот процесс повторяется на другом уровне, когда боги ушедшего периода превращаются в демонов. Уменьшение роли обоняния само по себе есть следствие перехода к прямохождению, подъема с земли. Это сделало видимыми ранее скрытые гениталии — требующие защиты и вызывающие чувство стыда. У истоков рокового культурного процесса мы обнаруживаем выпрямившегося человека. Отсюда идет цепь следствий: обесценивание обоняния и избегание женщин в период менструации, преобладание зрения, обнаженность половых органов — а затем постоянное сексуальное возбуждение, образование семьи; так мы подходим к порогу человеческой культуры. Это лишь теоретическая спекуляция, но она заслуживает точной проверки посредством изучения образа жизни ближайших к человеку животных. Социальный момент явно присутствует и в культурном стремлении к чистоте, которое в дальнейшем будет обосновываться гигиеной, но которое существовало задолго до того, как были сформулированы гигиенические требования. Чистоплотность проистекает из желания удалить экскременты, сделавшиеся неприятными для чувственного восприятия. Мы знаем, что в детски дело обстоит иначе: у детей они не вызывают никакого отвращения, рассматриваются как отделившиеся, но полноценные части собственного тела. Требуется энергичное воспитание, чтобы ускорить развитие и сделать экскременты чем-то ничтожным, тошнотворным, мерзким и дурным для ребенка. Такая переоценка вряд ли была бы возможной, если бы телесные выделения не сделались предосудительными по одному своему запаху, разделяя тем самым судьбу всех обонятельных раздражений после выпрямления человека. Так анальная эротика делается жертвой «органического вытеснения», пролагающего дорогу к культуре. О социальном факторе, обеспечивающем дальнейшее изменения анальной эротики, свидетельствует тот факт, что, несмотря на весь человеческий прогресс, запах собственных экскрементов почти не отталкивает, в отличие от испражнений других. Нечистоплотный человек, то есть тот, кто не скрывает свои выделения, оскорбляет тем самым другого, относится к нему неуважительно — об этом говорят и самые сильные ругательства. Было бы столь же непонятно, почему человек использует как ругательство имя своего самого преданного друга из животного мира, не будь у собаки двух свойств, вызывающих презрение человека. Будучи животным

с развитым обонянием, собака не испытывает отвращения к своим экскре-
ментам и не стыдится своих сексуальных функций <...>»¹.

В биографических источниках также упоминается утраченная во время
пожара переписка Фрейда и Дали, посвященная проблемам менструации.

¹ [Цит. по рус. изд.: *Фрейд, З.*, 1991с. С. 96—97.]

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

А. Место и роль К. Дали	
в психоаналитическом движении.	.IX
Б. Основные труды.	X
В. Биографические данные.	XIV
Г. Библиография работ о Дали.	XVI
Д. Упоминания о Дали во фрейдовских работах.	XVII
Замечания издателей.	XX

ТЕКСТЫ

Комплекс менструации (1928).	3
Генезис психической эволюции (1929).	73
Комплекс менструации в литературе (1935).	75
Роль менструации в человеческом филогенезе и онтогенезе (1943).	111

APPENDIX

Список источников.	165
Хроника жизни Клода Дагмара Дали.	166
Лист публикаций Клода Дали.	169

УДК 159.922.1+159.9:61

ББК 88.373+88.481

Д152

Перевод с английского Е.С. Морозовой

Перевод с немецкого Т.Т. Бараниной, С.Г. Жигулевой, Е.Г. Шелеповой

Дали, К.

Д 152 Психология менструации : Пер. с англ. и нем. / Под науч. ред. С.Ф. Сироткина. — М. : Русское психоаналитическое общество; Ижевск : ИД «ERGO», 2006. — ХХИ+194 с.

ISBN 5-98904-012-1

УДК 159.922.1+159.9:61

ББК 88.373+88.481

ISBN 5-98904-012-1

© Е.С. Морозова, перев. с англ., 2006

© Т.Т. Баранина, С.Г. Жигулева, Е.Г. Шелепова, перев. с нем., 2006

© Русское психоаналитическое общество, 2006

© Издательский дом «ERGO», 2006